

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ЮЖНО-УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ К. Д. УШИНСКОГО»**

На правах рукописи

Романенко Сергей Степанович

УДК : 126+128+301

**БИОСОЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ИНДИВИДА В
СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность 09.00.03 – социальная философия
и философия истории

Диссертация на соискание научной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
Дмитриева Маргарита Степановна,
доктор философских наук,
профессор

Одесса – 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1 РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БИОСОЦИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ИНДИВИДА	11
1.1. Формирование взглядов общества на мир, природу человека и его место в мире	12
1.2. Биосоциальная целостность индивида, ее исследование как проблемы науки и философии XXI века	38
РАЗДЕЛ 2 БИОСОЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ИНДИВИДА КАК РЕЗУЛЬТАТ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЕГО В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	72
2.1. Индивид и его социализация в гражданском обществе	74
2.2. Реализация биосоциальной целостности индивида в пространстве объединений гражданского общества	111
ВЫВОДЫ	151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	156

ВВЕДЕНИЕ

Украина вошла в новое тысячелетие как носитель молодой независимой государственности, и именно сейчас украинское общество

находится на этапе формирования и определения пути своего развития. Украинский народ сделал выбор, избрав гражданское общество, становление его сегодня, приложение своих способностей для обеспечения человеческих жизненных условий и возможности проявления и развития человеческих потенциалов в будущем.

Последствия тоталитарных норм социальной жизни, укоренившихся за советский период истории, сведение на нет самодеятельной гражданской активности, и другие барьеры Украина преодолевает, как и все постсоветские страны, по-своему, в своих конкретных условиях. Кроме преодоления ряда ментальных факторов, тормозящих формирование гражданской жизни, необходимо воспроизведение главных системообразующих ячеек гражданского общества, состояние которого в огромной степени зависит от способности воспроизводить или целесообразно изменять конституирующие его отношения, их форму и порядок. Эта способность системы к стабильности, устойчивости, непрерывно осуществляемая самоорганизацией общества, должна быть осознанна и применена в активной деятельности граждан. Таким образом, интерес к механизмам общественной самоорганизации обретает смысл практической проблемы, связанной с социальным управлением, социальной адаптацией, социальным прогнозированием.

Не менее популярна в Украине и востребована к прояснению тема гражданского общества. Есть ли оно уже или нет, само ли оно формируется, или его целесообразно строить, нужен ли социальный проект и какие силы ответственны за его реализацию, каково место государства в этой деятельности и как оно соотносится с гражданским обществом в условиях Украины. Дискуссии по этим проблемам продолжаются. Правда, в них преобладает социологический, экономический, наконец, правовой подход, высвечиваются, главным образом, универсальные теоретические признаки гражданского общества. Исследователи уже не заявляют о том, что мы строим гражданское

общество, что нами воочию представлен его будущий облик. Приходится согласиться с заключением австрийского теоретика, что «мы фактически способны осуществить упорядочение неизвестного, только вызывая его самоупорядоченность» (Ф.А. Хайек). Вызвать самоупорядоченность гражданского общества в Украине возможно, только получив научно обоснованное представление о механизме упорядоченности и спланировав свою деятельность по оптимизации этого процесса.

Расширение практики жизнедеятельности требует расширения и углубления научной картины мира, новых достижений научной мысли. Так, осознание значения для ближайшего будущего человечества проблем угрозы термоядерной войны, экологического кризиса, не возобновляемых природных ресурсов, перенаселения планеты и других, названных глобальными, проблем, определено взглядом на природу человека. И. Фролов подчеркивал, что проблема человека и его будущего является своеобразным центром всей системы глобальных проблем, ибо «все они так или иначе связаны с ней».

Сегодня проблема изучения биосоциальной целостности индивида обрела статус глобальной, а такие проблемы современности обострили интерес науки к человеку, интерес человека к самому себе, как непреходящей ценности. Антропологическая составляющая миропонимания обрела особую значимость, что и обусловило **актуальность** проблемы диссертационного исследования, научное задание которого заключается в изучении биосоциальной целостности индивида в становлении гражданского общества.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках плановой научной тематики кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского» «Инновационность в методологии и технологии научного и социального познания» (№ 0109U000194,

утверждена на заседании ученого совета университета, протокол № 5 от 25.12.2008) и является одним из аспектов социально-философского осмысления бытия человека.

Цель исследования – раскрыть природу и механизм самореализации биосоциальной целостности индивида в процессе самоорганизации гражданского общества.

Реализация поставленной цели исследования потребовала решения следующих задач:

1) провести анализ трансформации представлений и взглядов на биосоциальную целостность индивида;

2) выделить особенности современной интерпретации проблемы биосоциальной целостности индивида и возможности их философского обоснования;

3) осуществить системно-синергетический анализ взаимоотношений социума и индивида в его биосоциальности;

4) провести аналитический междисциплинарный обзор исследований гражданского общества как феномена современного социума в аспекте проблематики исследования;

5) раскрыть специфику процесса социализации индивида в гражданском обществе;

6) рассмотреть сущность и проанализировать структуру самодеятельных объединений гражданского общества как фактор и пространство самореализации биосоциальной целостности индивида;

7) исследовать механизм самореализации индивидом биосоциальной целостности в инициативных объединениях гражданского общества.

Объект исследования – биосоциальная целостность индивида в динамике социального развития.

Предмет исследования – биосоциальная целостность индивида в становлении гражданского общества.

Методы исследования. Выбор методов был определен формулировкой цели, задач, предмета и темы исследования, комплексной разноуровневой репрезентацией в социальной реальности самого предмета. Наметившаяся в современной эпистемологии тенденция становления проблематики знания как центральной для понимания общества и человека XXI века обусловила, прежде всего, обращение к глубокому историко-гносеологическому анализу судьбы самой проблемы. Был совершен анализ процесса становления представлений о биосоциальности человека, образа человека и его окружающего мира. Методологической основой исследовательской деятельности с объектом стал метод диалектики с ее единством анализа и синтеза, исторического и логического, а также деятельностный поход.

К предмету изучения теоретической модели индивида, репрезентируемого в качестве гносеологического образа человека, были приложены усилия в традиции философско-психологического анализа «особого человеческого способа существования» и теории социальных эстафет. Преимущественно ход научного поиска выстраивался под влиянием рождающейся парадигмы нового научного мышления – теории самоорганизации и саморазвития сложных систем. Это легло в основание экстраполяции моделей синергетики в изучении антропо-социальных систем.

Научная новизна полученных результатов заключается в том, что в социально-философском аспекте рассмотрена биосоциальная целостность индивида в условиях становления гражданского общества, общества, которое характеризуется кризисными явлениями не только в сферах экономики и политики, но и в социальной сфере бытия человека, что обуславливает нестабильность во взаимоотношениях в системе «общество-индивид».

Впервые:

– определено и теоретически обосновано, что термином «биосоциальная целостность индивида» адекватно выражена природа человека. Бинарносочетаемые «биологическое» и «социальное» образуют целостную систему и комплементарно организованы как два в одном и в этом событии они неразрывны, неприоритетны друг перед другом и не уподобляемы взаимно. Целостности подобного рода обладают структурой, «единицы» синтеза которой можно вычленишь из системы только на уровне теоретического анализа, и что каждая при этом сохраняет свою самодостаточность.

– осуществлен социально-философский анализ индивида в его биосоциальной целостности в качестве составляющего элемента системы «социум-индивид». Доказано, что многомерный объект «человек» при этом репрезентирован в данной ипостаси как член социума, а не как особь животного мира (*homo sapiens*).

– установлено, что биосоциальная целостность индивида может быть интерпретирована в свете теории эволюционного Универсума, сочетаемой с идеями развития самоорганизующихся систем, укрепляемой в парадигме постнеклассической науки. Индивид вместе с системой-социумом, с момента возникновения и до наших дней, остается воплощением биосоциальной целостности – т.е. своей, особой, теперь уже ноосферной человекокачественности.

Уточнено:

– характер связей и взаимодействий процесса социализации в гражданском обществе. Взаимодействия составляющих системы «общество-индивид» проявляются взаимоиндукцией, что раскрывается в свете общей теории сложных систем как механизм саморазвития системы «социум». Гражданское общество, как сложная социальная система, обретая свойство эмерджентности, трансформирует свои составляющие элементы-индивиды и их сообщества, которые также способны формировать, конструировать следующий уровень сложного целого.

Указанное раскрывает механизм непрерывного развития системы «общество-индивид» и позволяет уточнить характер взаимодействий процесса социализации и обозначить их как «взаимосодействие».

– роль гражданского общества как особой исторической формы в самореализации биосоциальной целостности индивида. Гражданское общество исторически проявилось как новый уровень биосоциальной целостности индивидов, его общей культуры и социальной зрелости, что обеспечило изменение статуса индивида из подданного в гражданина. Появление гражданского общества обозначило растущую осознаваемую способность индивидов активно участвовать в этом обеспечении упорядоченности через образуемые социальные объединения или коллективные субъекты социальных процессов. В этом состоит историческая роль гражданского общества не только как цели социума, но и как средства самореализации индивидом биосоциальной целостности.

Получило дальнейшее развитие:

– положение о том, что биосоциальная целостность индивида обуславливается как личностными психофизиологическими качествами, так и условиями, в которых осуществляется деятельность индивида: насколько благоприятными для становления биосоциальной целостности является социальная среда, насколько полно используются и поощряются творческие и деятельностные возможности индивида, настолько полной может быть реализация биосоциальной целостности в самых разнообразных сферах жизни социума. Это обуславливает роль индивида как одного из ведущих факторов в дальнейшем прогрессивном развитии общества и придает понятию «биосоциальная целостность» фундаментальность и статус социально-философского концепта, который отражает закономерные взаимосвязи реальной действительности и процесса самореализации биосоциальной целостности индивида.

– понимание гражданского общества как следующего за техногенной цивилизацией этапа саморазвития социума, уже

реализованного рядом стран, посредством положения о том, что выход на этот этап представляет собой самоорганизацию составляющих системы в саморазвивающемся планетарном целом.

Практическое значение полученных результатов. Полученные в процессе исследования теоретические результаты, сформулированные в диссертации положения и выводы могут быть использованы для решения актуальной и социально значимой проблемы биосоциальной целостности индивида и возможностей ее реализации в условиях трансформации современного общества, а также в разработке отдельных направлений и проблем социальной философии: человек и общество, социальная активность индивида, социальная структура общества, общество как система и др.

Ряд выводов диссертации может быть использован в специальных междисциплинарных и философских исследованиях, при чтении курсов общей философии, социальной философии, социологии, философии науки, при разработке методических пособий, спецкурсов, тематических семинаров, бесед и обсуждений со студентами, таких как: биосоциально целостный индивид как феномен истории; быть ли единой науке о человеке; что значит сегодня «делать себя»; каково ныне «свободное время» и др.

Апробация результатов диссертации. Основные положения и выводы диссертационной работы обговаривались на научных и теоретических семинарах Государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского», а также докладывались автором на международных научных и научно-практических конференциях: «Украина в системе современных цивилизаций: трансформации государства и гражданского общества» (Одесса, июнь 2006 г.); «Інновації в технології та методології наукового пізнання», (Одесса, октябрь 2006 г.); Третьи Таврические чтения «Анахарсис» (Крым, сентябрь 2007 г.); «Християнські цінності в

освіті та вихованні» (Одесса, сентябрь, 2007 г.), Четвертые Таврические чтения «Анахарсис» (Крым, сентябрь 2008 г.), «Традиція та інновація в науці та освіті» (Одесса, октябрь 2008 г.) Пятое Таврические чтения «Анахарсис» (Крым, сентябрь 2010 г.), Шестые Таврические чтения «Анахарсис» (Крым, сентябрь 2010 г.).

Публикации. Основные идеи и положения диссертационного исследования нашли свое отображение в 14 публикациях автора (4,13 усл. печ. стр.), 8 статьях, среди которых 6 авторских статей опубликовано в специализированных изданиях, в соответствии с перечнем, утвержденным ВАК Украины, и 2 статьи опубликованы в соавторстве (вклад соавторов равносильный). Материалов конференций – 6, из которых 5 авторских и 1 публикация в соавторстве (вклад соавторов равносильный).

Структура диссертации и объем. Диссертация состоит из введения, двух разделов, четырех подразделов, выводов и списка использованной литературы. Материал изложено на 155 страницах, список использованной литературы содержит 174 наименования, насчитывает 16 страниц.

РАЗДЕЛ 1

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БИОСОЦИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ИНДИВИДА

Природа человека – это вечная проблема для человека, существующая для него самого с того момента развития биосферы, когда

это развитие на определенном этапе создало предпосылки для особого – следующего типа эволюции – становящегося и развивающегося человеческого общества. Социально-философское и даже просто философское осмысление этой проблемы возникло не сразу. Но что такое человек, что есть мир и каково место человека в этом мире – к этим вопросам человек обращался в силу своей деятельно-познавательной активности. Наше обращение к истории человечества позволяет отметить трансформацию взглядов человека на вселенную по мере накопления практики взаимодействия с природой, общения друг с другом, расширения коллективной памяти.

Если проследить путь рожденного греками идеала «акме» до некоего трудно представляемого в деталях человека будущего, избрав масштаб рассмотрения некоторую определенную будущность нашей жизни, методологические и мировоззренческие установки научной картины мира, то природный индивид, робинзон в рамках естественного тела, «политическое животное» или, скажем, носитель общественных отношений проявится через социализированность, в образе жизни, во взглядах современников, где и зазвучит соответствующая эпохе целостность его, в пространстве социальной общности и организации.

Проследить эту линию уровней организованности общества, включая планетарный, прежним инструментарием нам уже не удастся – потребуются разработка других логико-инструментальных средств, или экстраполяция имеющихся, но с обязательным переосмыслением их смысловой нагрузки. Во всех случаях обновление может быть зафиксировано. Но ведь и каждый новый уровень – Античность, Средневековье, Возрождение и др., предстают перед нами как уровни развивающегося целого – социума, развивающегося, т.е. обновляющегося. Заметим, что этот результат, т.е. возникновение на каждом этапе в общей характеристике организма общества и его составляющих того, чего не было ранее, появляется без воздействия внешней силы.

Детальное рассмотрение следующего этапа истории – первого десятилетия XXI века – т.е. нашего «здесь и сейчас» – того переходного исторического периода, который называется гражданское общество, пополнит характеристику изучаемого предмета и позволит определить уровень знаний общества о своей трансформации на данном этапе, а также позволит отразить наше мировоззрение и наше меняющееся понимание себя и определенные результаты этого изменения.

1.1. Формирование взглядов общества на мир, природу человека и его место в мире.

Первичные предпосылки самоосознания человека, представления о человеке, его природе, о мире и месте человека в этом мире, складывались на основе чрезвычайно немногочисленных сведений и рождали маловыразительный, невыделенный в самом мире образ человека, который служил своего рода установкой на практические действия, образ жизни и отображал саму социальную реальность именно как воплощение его биосоциальной целостности в определенную эпоху. Поэтому можно согласиться с признанием подобного образа человека в рассуждениях, смешанных с мифологическим мировидением, с христианским признанием богосотворимости человека, с повседневными впечатлениями и толкованиями, это позволяет сделать вывод о том, что подобное мировидение было его самоописанием, влияло на него, и в слиянии с ним проявлялся феномен биосоциальной целостности человека.

Нам необходимо до выхода на этот новый уровень развития знаний современного общества относительно природы человека сделать ряд уточнений терминологического порядка для прояснения постановки исследуемой в данной работе проблемы.

Речь идет о таком денотате, для выражения, сложности которого имеющейся группы слов-терминов явно недостаточно, но и имеющиеся (человек, человечество, индивид, личность, индивидуальность) не позволяют избежать некой неопределенности, терминологической неточности в их использовании.

В зоне исследования проблемы природы человека мы нашли возможным вместо термина «человек» применить термин «индивид» с его точной смысловой нагрузкой как единицы живых существ, относящихся к социуму и сравниваемых (а это придется осуществить) с особями биологических родов животных. Близким ему терминологическим понятием выступает «индивидуальность», выделяющая в каждой единице исключительность, неповторимость натуры, рассматриваемых скорее психологией [134, с. 238]. Необходимо также отметить, что в данном исследовании нами не был введен термин «личность» вполне осознанно.

Терминологическое сочетание «биосоциальная целостность индивида» – это продукт научного осмысления того материала, который накоплен историей относительно взглядов на самого себя и окружение – на тот «обжитой мир», который складывался в жизнедеятельности поколений, закрепляясь, фиксируясь в разных сторонах деятельностного общения человека с реальностью. «Природность» индивида отражает уверенность, родственную связь индивида с биотой: он «оттуда», он схож с животным миром – и вся мифология прошлого подчеркивает это.

Человек – это понятие родовое, указывающее на отнесенность существа к высшей ступени развития живой природы – к человеческому роду. Человек, в качестве единичного представителя человеческого рода, рассматривается как индивид. Индивид – он безличен, и это всегда один из многих. В этом смысле понятия «индивид» и «личность» являются различными как по охвату, так и по содержанию. Прежде всего, в понятии «индивид» не фиксируются какие-либо единичные свойства и черты человека, поэтому по содержанию оно является очень узким, зато по

охвату оно в такой же крайней степени обширно, ибо каждый человек – индивид. Также в понятии «индивид» не отображаются конкретные биологические и социальные качества человека, хотя они обязательно подразумеваются. Путем персонификации индивида, отдельного человека, сужением охвата и соответственно наполнением содержания, указывая природные свойства, конкретизируя социальные черты, мы приходим к единственному индивидуальному представителю человеческого рода. В этом плане максимально персонифицированный индивид и есть личность.

Следует отметить, что Н. А. Бердяев рассматривал личность, в отличие от индивида, как духовную сущность и качество человека, как подобие и образ Бога, как категорию духовно-религиозную. Индивид есть категория натуралистически-биологическая, часть природы и общества. Личность же не может быть рассмотрена как часть чего-то [22].

Понятие личности – богословского происхождения. Оно восходит к церковным догматам о Боге Троице и о Христе Богочеловеке. Именно христианское богословие вводит фундаментальное различие между природой, или сущностью, с одной стороны, и личностью, или ипостасью, с другой.

Ипостась означает, что человек одновременно есть и часть, и целое. Как индивид человек – это часть природы. Как личность человек – это целостность; он собирает в себе весь мир и потому может быть посредником между миром и Богом. В то же время как личность человек является участником сообщества личностей, не утрачивая при этом своей уникальности и принципиальной незаменимости.

Различение индивида и личности, принятое как в современной философии, так и в современном православном богословии. Понимание человека как личности (или ипостаси), сообразной Ипостасям Троицеобразного Бога, имеет этические и социальные последствия. Человек – это «человек перед Богом», он предстоит Богу «лицом к лицу». Но это определение включает в себя и другое – «человек перед богом», потому что другой

человек выступает как «посланный Богом», как Богообразная личность. Человек уже является личностью, но вместе с тем еще должен ею стать. Он – уже человек, но еще должен вырасти «в меру возраста Христова». Но не отдельный, одинокий человек, а человек, пребывающий в общении и взаимодействии с другими [141].

Проблема биосоциальной целостности индивида, как мы постараемся показать, носит ноосферный характер и вписывается своим разрешением в эволюционизм Универсума. Личностные характеристики в рамках внутрисоциальных изменений индивидов при осуществлении взаимодействия индивида и социума по всем конкретным каналам интериоризации культурных феноменов не пересекаются [35]. Что же касается термина «природа», а также ряда терминов, таких как «общество» и «государство», включенных в категориальный аппарат проблемы, подчеркнем, что в ходе развития они достигли уровня столь высокой абстракции, что вступают в особое соотношение с корневыми своими терминами, представляющими их «предельный случай», а в практике словоупотребления порождает искажение смысла [54].

Трансформация реального мира, «обжитого, своего мира» индивида или коллективного мира сообщества, вызванная изменением знаний обыденного уровня или философскими исканиями-размышлениями о природе человека, выражает соответствующие изменения самого человека, его поведения, образа жизни, характера отношений и критериев оценок, предпочтений, идеалов. Поэтому анализ исторических эпох и выявляет представление человека о себе самом на основе всех тех меняющихся предпосылочных факторов культуры, из которых складывался процесс людьми же творимой реальности, которые в каждом случае являют степень ими достигаемой человечности.

Отсчет самопознания человека принято начинать с античности, хотя мысль древних греков не положила начала антропологическим исследованиям последующих эпох. Наследие Аристотеля составляют

преимущественно логика, эмпиризм и естественные науки. Он, как принято отмечать, осуществил низведение Платона «с неба на землю», он же провозгласил силу человеческого интеллекта, способного постичь мировой порядок. Но именно Сократа, признававшего самопознание человека главной (и, пожалуй, единственной) целью философии, считают в современной западной литературе первооткрывателем философии человека вместе с Протагором, провозгласившим своим утверждением человеческой субъективности в его способности к мышлению неразрывную связь человека с миром. «Единственное свойство, которое присуще человеку это разум» – рассуждал Сократ [86, с. 143]. Протагор уже понимает человека шире. Он выделяет не только способность к мышлению, но и всю человеческую субъективность. Под человеком подразумевался конкретный индивид, и тем самым провозглашалась относительность любого знания, любых ценностей, законов и обычаев.

В философии Аристотеля объединяются уже две сложившиеся антропологические тенденции. С одной стороны, религиозно-этическая, в которой человек и природа разъединены, а с другой космологически-натуралистическая направленность мысли, предлагающая неразрывную связь человека со всем миром [11].

Для античности позднего периода характерны были порывы к организации цельного способа существования, с единством активности всех уровней человеческого существа – с интеллектуальными и нравственными деяниями, эмоциональными действиями и с порядком телесной жизни. Складывались образцы «Орфической и пифагорейской жизни», сама философия представляла «как образ жизни, как искусство жить, как способ бытия» [98, с. 14].

Современные авторы выделяют, однако особый феномен того времени – духовные практики, холистически направляющие соединение всех энергий человеческого существа с божественными энергиями. Так С. С. Хоружий подчеркивает, что в структуре религиозных практик и

верований налицо сочетание, сопряжение собственной активности человека и действия внешних, божественных сил. В разных практиках можно видеть очень разные варианты этого сочетания «синергии», от полной пассивности человека в архаических верованиях до исихастской, отводящей человеку роль свободного, полноценного «соратника» Бога [155].

Принципиально новый поворот в осмыслении человека содержится в христианстве, распространение которого связано с эпохой Средневековья. Это древнее учение рассматривает человека как храм, вместилище богатейших чувств. Человек несет на себе знак иного предназначения, ибо на него накладывается отпечаток абсолютной личности творца. Вместе с тем рождается идеальное представление о человеке как существе, воплотившем в себе телесно-чувственную субстанцию, одушевленную разумом, духовностью.

Отныне человек рассматривается как центр и высшая цель мироздания. Природа, космос, социальная действительность осмысливаются через определенную установку – помещение человека в центр мироздания. Все явления мира воспринимаются с точки зрения опыта и ценностей человека. Именно христианство явилось почвой европейской персоналистской традиции. В нем личность понимается как своеобразная святыня, абсолют. Личность не есть нечто тварное, она представляет собой божественное начало. Человек трактуется как безусловная ценность.

Христианство учит: телесность в идеале должна быть соотнесена с духовностью, сливаться с нею. Человеку же надлежит культивировать в себе не только рассудок, но возвращать также чувства, через которые и раскрывается личностное богатство и уникальность.

Вместе с тем, отпадение человека от космоса, распадение единой мифологической картины мира имело далеко идущие последствия [121].

Распространение христианства, связанного впоследствии с эпохой Средневековья, вызвало поворот в осмыслении человека. Основу средневековой модели человека составила концепция божественного творения человека «из ничего» по образу и подобию божьему. Этим декларировалась противоположность творца всему земному, в том числе и человеку. Велась дискредитация человеческого тела, составляющего греховность людской природы, плотское начало, принижающее человека. Следует отметить, что догматы веры, принимаемые христианами средневековья, не были, собственно, навязанными церковью, они составляли самую суть их собственного мировосприятия.

Если сравнивать человека Возрождения с его средневековым предшественником, то представляется, будто он внезапно, словно перепрыгнув через несколько ступенек, поднялся практически до статуса сверхчеловека [140]. В эпоху Возрождения персоналистская традиция европейской культуры нашла воплощение наиболее наглядное. Мыслители той поры утвердили полную принадлежность человека к земному миру. Они провозгласили свободу человеческой личности, выступили против религиозного аскетизма, за право человека на наслаждение и удовлетворение всех потребностей. Гуманисты считали человеческую красоту сообразной красоте божественной.

В гуманизме нового и новейшего времени персоналистская тенденция европейской культуры освободилась от религиозного содержания. Она стала признавать право человека на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей. Гуманизм рассматривает человека как существо достойное духовного и физически полноценного существования. В последующие эпохи эти умонастроения воплотились в идеалах индивидуализма, которые в специфической форме реализовали концепцию возвышения личности.

Со времен Возрождения идея антропоцентризма фокусируется все больше на самом человеке, а не на его связи с надприродным. Развитие

науки было использовано гуманизмом для того, чтобы сорвать с природы присущий ей ореол священности [140].

Это время было отмечено также чрезвычайными успехами физического знания. Каскад открытий, изобретений Галилея, триумф ньютоновской-картезианской космологии утвердили науку, прежде всего физику, как основание нового мировоззрения. Это вызвало перевод всех знаний о реальном мире на язык теории в физике.

Различных мыслителей XVII века объединяет общая концепция социальной физики, уверенность, прежде всего во всеобщей приложимости и универсальности научного метода. Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза были убеждены, что общество следует изучать так же, как и все природные структуры. Т. Гоббс в своем труде «О гражданине» пишет, что «человек является не только физическим телом, а представляет собой также часть государства, а это означает, что мне нужно было соединить основные принципы естественных наук и физики с принципами политики» [48, с. 217].

Т. Гоббс был уверен, что нашел истинные начала науки о человеке. Собственный интерес – самая могущественная и самая разрушительная страсть людей, которая способна естественным путем объяснить структуру общества. Т. Гоббс был номиналист, поэтому для него «общее» – лишь «единица языка», имя, которым обозначается для удобства множество единичных предметов, процессов и т.д. Общество для него представлялось как множество индивидов. Из свойств этих индивидов складываются свойства общества. Соответственно он формулирует основополагающие начала своего учения: «Два самых верных стремления человеческой природы: одно из них – это прирожденное желание, вследствие которого каждый требует для собственного употребления, принадлежащие всем вещи, а другое – естественный разум, благодаря которому каждый старается избежать насильственной смерти как величайшего в природе зла» [48, с. 282]. Т. Гоббс как человек Нового

времени был уверен, что его «благородная философия опирается на доказательства не в меньшей степени, чем «Начала» Евклида» [48, с. 286]. Т. Гоббс выводил все разнообразие общественных событий, исходя из свойств естественного человека (что в системах того времени являлось высшей ценностью).

Общество естественно, природно. В этом смысле человек – естественное, природное тело, подчиняющееся закономерностям этого целого. Эту позицию полностью принимал Бенедикт Спиноза, для которого человек полностью включен в бесконечную цепь причинно-следственных связей. Человек – ничем не примечательное тело природы [138], он, в сущности, ничем не отличается от движения камня, когда он «получает определенное количество движения от какой-нибудь внешней причины, которая толкает его, и благодаря этому количеству движения он с необходимостью будет продолжать двигаться дальше до тех пор, пока не прекратится действие внешней причины» [138, с. 324]. Т. Гоббсу так и не удалось включить «человека, каким он бывает в реальной жизни» [48, с. 274], в свое учение об обществе и государстве. «Метод науки, о государстве, – пишет Т. Гоббс, – как и метод естественных наук, ведет от чувственных данных к первым принципам и является аналитическим» [48, с. 104]. Идя от чувственных данных, которыми богато общество, Т. Гоббс не обогащает свои принципы, а теряет их: естественный природный человек под действием юридического мировоззрения и естественного права оказывается «фиктивным человеком», абстракцией (суммой абстракций).

Интересен факт, что в XX веке история повторяется: неопозитивисты Австрии и Америки, следуя методу Т. Гоббса, стремятся к унификации языка современной им физики, вводят термин «физикализм». В 1930 году Р. Карнап формулирует принцип физикализма, который представляет собой методологическое требование перевода предложений всех конкретных наук, содержащих описательные термины, на

предложения, состоящие исключительно из термов, употребляемых в физике. О. Нейрат и К. Гемпель выдвинули формально-знаковый вариант физикализма, истолковывающий предложения науки как физически-вещественные объекты. Но даже их попытка создания «Энциклопедии унифицированного знания», оказалась неудачной. К тому же в последующих работах О. Карнапа физикализм потерял характер одного из основных принципов неопозитивизма и стал только пожеланием.

Идея унификации знания на базе физикализма не могла быть реализована; этому препятствовал факт качественной неисчерпаемости мира, как и вся проблема, состоит в достижении языкового единства наук. [145, с. 724, 108, с. 327]

Уже Ф. Гегель (1770-1831) осудил попытки Р. Декарта, Т. Гоббса и Спинозы и др. ввести в философию методы опытных наук и чистой математики [41, с. 9]. Но грандиозная по замыслу и осуществлению попытка самого Ф. Гегеля философски осмыслить человеческую историю привела к модели саморазвивающегося понятия, в которой природе уготовано место инобытия идеи, а на долю человека выпало служить орудием осуществления заключительного этапа эволюции духа.

Поскольку человеческая деятельность нуждается в материалах и инструментах, а производимые преобразования – в энергии, постольку в обществе возникла необходимость в знании принципиально иного уровня, в этом пересмотре главный узел всего последующего развития европейской цивилизации и источник всех негативных процессов современности. Именно этим обращением к земному, видимому, рациональному и отказом от «невидимого», «скрытого», «таинственного», была заложена универсальная для европейской культуры тенденция к рационализации деятельности индивидов и всех сфер общественной жизни, которая, в свою очередь открывает возможность технизации и точной калькуляции, характерной для буржуазного промышленного капитализма с его рациональной организацией свободного труда.

Родовая сущность человека ускользает как от тех, кто реализует робинзонаду, так и от тех, кто низводит человека до уровня чисто биологического существа. Для рассматриваемой эпохи было характерно представление об обществе как о скоплении обособленных индивидов, для которых различные формы общественной связи выступали как внешняя необходимость, как средство для достижения личных целей. Так в действительности и было в эпоху свободной конкуренции. Но это – взгляд изнутри, взгляд непосредственного участника этого процесса. Ориентация на наличную действительность обернулась внеисторическим подходом. Индивид определенной эпохи предстал «не чем-то возникающим в ходе истории, а чём-то, данным самой природой» [96, с. 18].

В обществе, где товарно-денежные отношения все превратили в товар, метод робинзонады сводит общественное, социальное к биологическому, природному. Тем самым теоретические модели человека, развивавшиеся в русле «социальной физики», просвещенческой концепции «человека разумного», юридического мировоззрения, «экономического человека», социал-дарвинизма или технизма, исключали из рассмотрения главное и системообразующее отношение – взаимодействие между природой и обществом, в ходе которого, достигается превращение предметов природы в предметы, необходимые человеку, т.е. способ производства материальной жизни общества.

Ограниченность робинзонадных традиционных моделей природы человека преодолел Карл Маркс (1818-1883). Приняв, что ключ к пониманию человека – в его социальной природе (в своей сущности человек есть совокупность общественных отношений), К. Маркс перевел исследование в новую плоскость: феномен человека был объяснен из принципиально другого, небиологического уровня надорганизменных связей, на основе процесса постоянного изменения предметов природы человеком.

Отметим, что в теоретическом наследии К. Маркса менее всего внимания было уделено тому, как он рассматривал природу человека и как он считал нужным ее исследовать. Э.Фром подчеркивает это и пишет в 1968 году специальную работу «Вклад К. Маркса в познание человека» [147], где раскрывает обращение К. Маркса к проблеме природы человека в важнейших его работах.

К. Маркс особое внимание уделял понятию человеческой природы, которое проходит через его «Капитал» вплоть до последних страниц. Когда К.Маркс говорит о способностях и их выражении, то имеет в виду как раз не Эго, а страсть, «природные силы» и «жизненные силы», которые существуют в человеке «в виде задатков и способностей, в виде влечений», а также энергию, заложенную в каждой способности, нуждающейся в выражении, сущностные силы, наделенные динамическим свойством стремиться к объекту, с которым могут быть связаны и объединены. Динамизм человеческой природы корениться главным образом в этой потребности человека выражать свои способности в окружающем мире, а не в его потребности использовать мир как средство удовлетворения своих физических нужд [148].

В числе русских философов большим приверженцем марксизма был Э. Ильенков. Философско-антропологическая концепция Э. Ильенкова базировалась на понимании человека в качестве диалектического существа, включающего в себя биологические и социальные аспекты.

В центре исследовательских интересов Э.Ильенкова были теоретические и методологические проблемы формирования высших психических способностей человека. Данными проблемами он интересовался не только теоретически, но и практически, участвуя в исследованиях по формированию и развитию психики слепоглухонемых детей [79, с. 33–40].

Теперь мы позволим себе обращение к евгенике, чтобы отследить и оценить возникновение и развитие ненаучных учений, которые и в наши

дни оказывают значительное влияние на миропонимание людей, существенным образом искажая представление о возможности совершенствования организма человека [46, 153].

Необходимо подчеркнуть, что формирование евгенической доктрины и тем более ее живучесть на всех этапах культурной истории человечества вполне объяснима и тем оправдана. Объяснимы и те следствия – отклонения, те трактовки и интерпретации, из которых формируется явно негативная, антигуманная и, безусловно, реакционная их сущность. Опасность и даже прямая угроза выживанию человечества на планете, на наш взгляд, определяется тем, что актуальность проблемных областей, которых касается евгеника, замаскированность биологизаторской позиции при решении социальных проблем (господство эксплуататорских классов, геноцид), спекулятивные претензии на усовершенствование человеческого рода, а также укрепленность идей евгеники на коллективном бессознательном, образующим наследуемые индивидами динамические формы их психики – архетипы (К. Юнг), все это обеспечивает определенный общественный резонанс евгенистическим идеям, позволяет им «держаться на плаву» сегодняшнего мировосприятия людей.

Мифологическое наследие разных народов сохраняет представления о дегенерации человеческого рода, о его вырождении. В разных формах народная фантазия выражает веру в духовное и физическое совершенство людей далекого прошлого как сотворенных богом по своему образу и подобию. Мифы аборигенов Австралии, Шумеры, народа Майя, древних греков передают в разных формах описание золотого века легкой и изобильной жизни предков человека, целостного и совершенного духовно и физически. По-разному народами осмысливается, якобы начавшееся, затем продолжающееся в ходе истории вырождение человека. Но во все времена используется модель сопоставимости худшего «теперь» с более совершенным «ранее», отмечается ущербность потомков в сравнении со

своими более совершенными предками. На базе этой доктрины сложилось учение о наследственном здоровье человека – евгеника (гр. *engenes* – породистый), учение о возможных методах влияния на эволюцию человека для совершенствования его природы [45, с. 321]. В советских изданиях евгенику характеризовали как буржуазную лженауку, как попытку идеологов империализма биологически обосновать господство эксплуататорских классов и расовую дискриминацию.

Однако связь евгеники с развитием классической науки достаточно непростая, а обращение ее к вопросам, которые находятся в центре внимания сегодняшних профессиональных исследований, рождает определенный общественный резонанс в ментальности общества. В силу этого обращение к проблеме целостности и ценности человека, к его жизнедеятельности невозможно без характеристики идей и позиций евгеники во все времена истории и в наши дни.

Евгеника выросла на базе идеи о вырождении человечества. Основные позиции этого учения состоят в признании необходимости вмешательства в развитие рода человеческого, оправдание этого вмешательства с целью усовершенствовать людей следующих за нами поколений. Побуждение сделать человека более целостным, единым воплощением духовного и физического совершенства существует у людей «испокон веков», с тем еще временем, когда научная мысль не обрела способность аналитической постановки этой проблемы, задолго до того, как демографические и другие проблемы на планете стали, очевидно, глобальными.

Уже у философов античности готовность совершенствовать человека проистекает из убежденности единства макрокосма (природы) и микрокосма (человека), а позже также из признания неизменности законов природы и изменяющихся человеческих установлений (правовых норм). Выдвижение человека как телесно духовного существа в центре всей классической культуры античного мира было воплощением

протагоровского тезиса о человека как мере всех вещей. Роль философов в будущем обществе – «смешивая и сочетая качества людей (то, что по природе справедливо, прекрасно, рассудительно и так далее, и то, каково все это в людях) они создадут прообраз человека, определяемый тем, что Гомер назвал роговидным и богоподобным свойством в людях» [115, с. 95]. Так об этом пишет Платон в «Государстве».

Значительный поворот в толковании человека с его целостностью природного и социального производит возникновение христианства, где соединяется геоцентризм и антропоцентризм, а человеку придается некоторая самооценочность. Его начинают представлять как телесно-чувственную субстанцию, наделенную разумом и духовностью. При этом христианство не только не вытесняет языческие представления (демонологию, культ кумиров, обожествленного человека и др.), но в свою очередь дискредитирует тело человека указанием на греховность людской природы на плотское начало человека (тем не менее, созданного по образу и подобию божьему).

Это подобие Богу, уникальность человека, единство в нем разумной души и тела, а отсюда и целостности личности были положены в основу обсуждения христиан-теологов, а также находили отражение в текстах западных средневековых философов, это являло собой к формированию персонализма в лоне культуры. Эпоха Возрождения утвердила гуманизм как самостоятельное идейное движение европейской культуры. Гуманизм базировался на философском понимании человека (индивида с его телесностью, разумом, чувствами), на утверждении его в земном мире, на человеколюбии [45, с. 280–281]. Свидетельством ренессансного взлета гуманизма может служить выступление итальянского гуманиста философа Пико делла Мирандола Джованни. В «Речи о достоинстве человека» (1487) он утверждает идею многообразия возможностей выбора человеком своего пути жизни, идею не завершения возможностей человеческой природы за отведенное ему время бытия, идею активности и

саморазвития человека. «В рождающихся людей отец вложил семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды... Мы не должны вредить себе, злоупотребляя милостивейшей добротой отца, вместо того, чтобы приветствовать свободный выбор, который он нам дал» [101, с. 511]. Менее чем через столетие состоялся новый прорыв энергичного отстаивания права индивида на самосовершенствование, на активное участие в своем развитии, хотя бы в рамках дозволенного самим Творцом. Такой именно была резолюция Конкордии 1580 г., завершившая более чем 20-ти летний «синергетический спор» теологов. Спор о том, объявлять или не объявлять ересью право человека на совершенствование себя, т.е. право вступать во взаимодействие в «синергизм» с богом, совершенствующим свое собственное творение [55, с. 12].

Здесь необходимо подчеркнуть, что евангелические установки о необходимости вмешательства в развитие человеческого рода и практические рекомендации по этому вмешательству установились задолго до теоретического оформления идеи усовершенствования человека. Евгеника, именуемая негативной, скорее обращалась не к пропаганде здоровья человека как блага, как ценности, создаваемой правильным образом жизни. Она вела начало от практикуемых приемов и обычаев, подобных эвтаназии неполноценных новорожденных [46], умерщвлению старых и неработоспособных членов рода и других, близких к этому приемов манипуляцией с людьми. Антигуманный характер принципов евгеники выводил жизнь человека в разряд вещей, с которыми можно было манипулировать, вопреки утверждающейся в Европе христианской морали.

Представители евгеники ратовали за нового, обновленного и улучшенного человека, за благо жизни следующих поколений, но при этом у них не было четкого (не говоря уже о научно обоснованном)

знания о том, что подлежит изменению и каковы допустимые средства вмешательства, каковы способы, ведущие к цели.

В литературе всемерно подчеркивается роль учения Ч. Дарвина о происхождении видов растений и животных, а также учение о механизмах передачи признаков по наследству Г. Менделя.

Буквальным пропуском в науку для евгеники являлся именно дарвинизм. Основоположник научного этапа в развитии евгеники английский естествоиспытатель Ф. Гальтон использовал книгу Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятствующих рас в борьбе за жизнь» (1869). Опираясь на теорию эволюции, на проблему естественного отбора, он сумел в своей работе «Наследственный гений: исследование его законов и последствий» выделить и показать причинность вырождения человечества – физического и духовного. Спекуляция на идее естественного отбора и фальсификация ее при переносе на естественную эволюцию культурных феноменов вульгаризировали дарвиново учение, но сделали его приемлемым для менталитета широких масс современников. Когда же ажиотаж вокруг дарвинизма ослаб, оценка его позиций утратила однозначность, работы Г. Менделя, Г. Фризе, А. Вейсмана, Т. Моргана сделали доступным описание механизма эволюционного процесса и обеспечили становление генетики как науки. Проблемой генетики явилась природа наследственных факторов – точнее связь между геном и признаком, а также передача наследственного материала. Это вновь укрепило позиции евгеники, несмотря на то, что наука не имела технических возможностей осуществить тотальное преобразование народонаселения планеты. Тогда представители евгенического учения усилили утопическую линию своих публикаций, направили свои усилия на адаптацию общественного сознания к готовящейся сексуальной революции, попирая принятую во всем мире мораль и раскручивая теорию немецкой «расовой гигиены».

К 60-м годам XX века, на отмеченный успех генетики пришелся еще один очередной всплеск евгеники, тем более, к новым идеям типа генной инженерии легко примыкают прежние «наработки», накапливаемые не в плоскости социального экспериментирования, а под флагом генетических поисков и гипотез.

Вместе с тем, в значительной степени общественный резонанс евгеникам обеспечивал их принцип государственного контроля над качеством народонаселения. В ходе исторического развития отношения между полами опирались на традиции и обычаи, а по мере оформления государственности подкреплялись законом. Установка на социальный смысл здоровья населения как достояние общества, его ценность не только для индивида, но и для государства присутствует еще в «Государстве» Платона, в «Политике» Аристотеля, в «Утопии» Томаса Мора и «Городе солнца» Кампанеллы. В проектах авторов-евгеников это получило продолжение. Высвечивалась благородная цель евгенического учения – создание совершенного человека. Методы «негативной евгеники», были осуждаемы и противоречили общепринятым нормам европейской (христианской морали). Сегрегация духовно пораженных лиц, пьяниц, профессиональных нищих, стерилизация уклоняющихся от стерилизации, эвтаназия неполноценных евгеника объявляла действенными методами выбраковки, т.е. организованного отбора [46].

Евгеника маскировала этот антигуманный курс на улучшение структуры общества «позитивной евгеникой» – просвещением, пропагандой евгенистического образа жизни, подчеркивала национально-патриотическую значимость «мероприятий». Ответственность за подобные непопулярные, вводимые в практику программы, перелагались, таким образом, на государство. Лишение отдельных граждан личной свободы получило практическое применение в разработанных отдельными странами программами расовой гигиены (в Норвегии в 1908, в Англии 1925, в Швеции и др.) в нацистской Германии [153].

Осуществление евгенических идей, их беспрепятственная реализация потребовала осуществления сексуальной революции. И для того, чтобы сделать положения новой «естественной морали» более зримыми и привычными, евгеники научного периода нередко прибегали к старому, испытанному средству – сочинению утопий. Утопическими конструкциями пестрят труды многих евгеников, в том числе и таких маститых, как основатели евгеники Ф. Гальтон и А. Плетц, стоявших у истоков немецкой «расовой гигиены». Фактически евгеника классического периода не отличалась принципиально от евгенических проектов древности, ее претензии на научность не были обоснованы, а современная ей наука не располагала техническими возможностями осуществить тотальное евгеническое преобразование народонаселения, которое заявлялось в качестве главной цели евгеники.

В количественном отношении среди доводов в пользу вырождения человечества превалируют данные медицинской статистики, которая с конца XIX века стала гораздо более изощренной. На первый взгляд, ухудшение, несомненно, имеется. Существенно выросло количество сердечнососудистых заболеваний, каждые 15 лет удваивается количество больных сахарным диабетом, выросло число инфекционных заболеваний, вновь заявил о себе туберкулез. Однако, чтобы использовать эти данные для оправдания евгенического вмешательства (генной инженерии), требуется доказать, что они являются свидетельством именно вырождения, т.е. генетически обусловленного ухудшения конституции, усиливающегося от поколения к поколению. Согласно современным оценкам к наследственным относятся только 2–5% заболеваний (о наследственном характере болезни говорят при четкой зависимости дефекта одного гена и развитием патологии), остальные связаны с нарушением целого ансамбля генов, а значит, проявление их (или не проявление) зависит от множества индивидуальных факторов. Таким образом, хотя ухудшение здоровья населения действительно имеет место,

в подавляющем большинстве случаев оно является следствием неправильного образа жизни (снижение физической нагрузки, курение, калорийное питание и т.д.), не передается по наследству и не может рассматриваться как свидетельство вырождения. Кроме того, довольно трудно отделить реальное ухудшение состояния здоровья населения от дисперсии, даваемой усовершенствованием методов исследований [28].

Серьезный повод для продвижения евгенической политики представляют данные демографии, отмечающие перенаселенность, старение населения в развитых странах, а применительно к Украине – депопуляцию (превышение смертности над рождаемостью). Хотя эти процессы чреваты многочисленными социальными проблемами, причины их носят явно негенетический характер, поэтому они не могут рассматриваться как результат вырождения человечества в целом. Скорее следует говорить о смене «исторических» народов, но этот процесс шел всегда, обуславливая смену цивилизаций (общественно-исторический прогресс). Кроме того, следует заметить, что продление человеческой жизни (одна из главных задач, декларируемых как генной инженерией, так и обычной медициной), учитывая конечность сырьевых ресурсов земли и ограниченность ее площади, должно усугубить перенаселенность, повысить потребление генмодифицированных продуктов, привести к сокращению природных биоценозов и т.п. Таким образом, получается, что голод, многократное повышение плотности населения (эпидемии) со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями имплицитно включены во всякий евгенический проект либералистского толка.

Перечисленные соображения позволяют утверждать, что современные представления о вырождении человечества в значительной мере остаются интуитивными и являются следствием совершенствования статистических методов. Это не значит, что вырождения нет, просто на сегодняшний день оно не может считаться, безусловно, доказанным. С

другой стороны, сами евгенические мероприятия способны спровоцировать вырождение (сокращение генетического разнообразия), и в любом случае они приведут к ухудшению демографического профиля человечества и обострению социальных конфликтов.

Социально-политическая обстановка в Европе описываемого периода оказалась достаточно тяжелой, для того чтобы заверения евгенистов о том, что причины экономического упадка и распространения «социальных» болезней (сифилис, туберкулез, алкоголизм и т.д.) имеют биологическую природу, были восприняты всерьез большинством современников. Описание социальных механизмов средствами позитивной науки отвечало сциентистскому духу времени. Однако вопреки стремлению последователей Ф. Гальтона представить евгенику как строгую научную дисциплину, она таковой не являлась.

В трудах современных исследователей встречаются резко, категорически высказываемые оценки евгенике. Так, Ю. В. Хен, например, пишет: «В действительности евгеника – это химерическое образование, состоящее из двух относительно самостоятельных частей: естественнонаучного комплекса и социального «балласта» [153, с. 428]. Он же утверждает, что несколько десятилетий общественного запрета на открытое обсуждение вопросов усовершенствования человека были вызваны тем, что евгеника затронула важнейший смысложизненный вопрос о том, что есть человек и какими его качествами невозможно поступиться, не рискуя утратить человеческий облик (в широком смысле слова). Вопрос остается без ответа до сих пор, несмотря на то, что развитие генетики человека существенно расширило наше знание о «природе человека, а генная инженерия делает возможными гораздо более существенные коррективы генома, чем те, на которые осмеливалась старая генетика» [153, с. 429].

Для генетики человека и геномной инженерии неопределенность понятия «природа человека» представляет известные неудобства,

поскольку вносит неясность в вопрос о допустимых границах исследований. Но, с другой стороны, в этом, же заключается и некий положительный момент для «чистых» научных исследований, поскольку, обуславливает невозможность сформулировать четкий запрет на определенные разработки и дает определенную свободу для удовлетворения пресловутого научного любопытства. В этом плане весьма показателен тот факт, что существующие международные нормативные документы, призванные регулировать исследование в области генетики человека, – это не законы, а декларации и временные моратории.

Между тем общая тональность современных биоэтических дискуссий свидетельствует о том, что происходит постепенное, но уже хорошо заметное, изменение в представлениях о природе и сущности человека. Начало этим изменениям было положено, вероятно, еще во времена классической евгеники, но значительное ускорение процессу придали успехи генетики к 60-м гг. XX века, прежде всего – раскрытие структуры ДНК Дж.Уотсоном и Ф.Криком.

В то же время изучению человека как одного из главных факторов на пути строительства социализма уделялось внимание и в СССР. Советская наука, ориентированная на марксистскую философию, рассматривала феномен человека через его общественные отношения, в то же время в философии К.Маркса была насильственно оборвана традиция взаимосвязи со всей истории культуры, с достижениями мировой научной мысли. С начала 30-х годов и до момента окончания периода диктатуры президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина Т. Д. Лысенко в генетике в 1965 году, генетика человека была областью исследований запрещенной в Советском Союзе, и ее возрождение произошло только в начале 70-х годов. Попытки объяснить человеческое поведение, используя представление о врожденных или генетических его характеристиках, начиная с конца 20-х годов

рассматривались в Советском Союзе как неправильные, когда под давлением властей были свернуты имевшие весьма непродолжительную историю советские исследования по евгенике, в осуществлении которых принимали участие как марксисты, так и не марксисты. До конца 60-х годов большинство советских психологов и педагогов подчеркивали возможность формирования у детей свойств личности и талантов только путем создания соответствующих социальных условий. Вскоре обсуждение проблемы соотношения социального и биологического приняло широкий характер и не только теоретическое, но и практическое звучание. Росло количество публикаций, посвященных этой проблеме: достаточно сказать, что в период с 1970 по 1977 г. только два советских журнала – «Вопросы философии» и «Философские науки» опубликовали свыше 250 статей, обзоров и комментариев на эту тему. В 1975 и 1977 гг. состоялись две Всесоюзные конференции, посвященные обсуждению проблемы соотношения биологического и социального.

На пути организации комплексного подхода к проблеме человека последние десятилетия XX века были отмечены еще одним негативным фактом. Создание центра, объединяющего усилия естественных, технических и гуманитарных наук, – Института человека – было сорвано из-за превалирования в стране узкокорыстных, сиюминутных социально неграмотных, зачастую местнических интересов и побуждений. Правительственные круги не поддержали поиск организационных форм исследовательских начинаний прогрессивных деятелей науки, возглавляемых академиком И. Т. Фроловым. Руководство Академии наук еще с 80-х годов технократически высокомерно отнеслось к насущной потребности отечественной науки, остро нуждающейся в те годы в объединении усилий интеллектуальных кадров для целостного, междисциплинарного изучения и осмысления человека, человеческого будущего.

В статье «На пути к новой науке о человеке» И. Т. Фролов предлагал общие контуры той программы объединения усилий ученых в познании человека, которая могла бы стать основной для Института человека еще в 1987 году. Технократизм победил гуманизм. Так что те в руководстве Академии, кто своим технократическим высокомерием погубили Институт человека, подготовили, не сознавая того, почву для деструктивных действий государственного характера в отношении всей науки, которые осуществляются при равнодушном отношении ко всему происходящему в нашем обществе. Что же мы имеем сегодня? Вместо диалога между научным сообществом, с одной стороны, и обществом в целом – с другой, нарастающую волну антинаучных настроений, оккультизма и воинствующего агрессивного невежества, глубокое непонимание, как нужд науки, так и жизненной необходимости науки для возрождения общества, характерное для многих политической деятелей, включая законодателей [146].

И. Т. Фролов призывал к решению вопроса о создании Института человека с хорошими организационными возможностями и полномочиями... «Я знаю, что во многих странах мира, – говорил он, – есть такие организации, они по-разному формулируют свою задачу. Но идея комплексности в подходе к изучению человека присутствует всюду» [147, с. 29].

Важно подчеркнуть, что нерезультативная попытка создания Института человека, со столь откровенно-бюрократическим способом его упразднения «в связи с недостаточным финансированием» [84, с. 512], знаменательна сама по себе. Повторяемые И. Т. Фроловым слова К. Маркса о том, что человек и человечество только еще становятся, вступают в стадию самосознания, здесь имеют полную силу.

Социальная зрелость, политическая зоркость относительно будущего страны, народа, всего человечества, мудрости и мужества... испытания не выдержали. Не рядовые индивиды, скажем, а избранные,

наделенные доверием, высшими оценками, регалиями и ответственностью. Этому способствовал тоталитарный режим, интеллектуальная засоренность, псевдогражданственность и прочее. Проблема взаимосвязи биологического и социального решалась очень трудно, небыло единодушия, так, например, появлялись крайние позиции (Г. С. Злобин), в которых подвергалась сомнению сама правомерность постановки проблемы о биосоциальности человека. Человек – это социальное существо. Проблема индивида – это тоже проблема социальная, поскольку индивид всегда привязан к определенным социальным предпосылкам. При этом существует лишь одна наука, предметом которой является человек в целом, – это философия. Остальные науки изучают отдельные части человеческого мира [92, с. 130].

Необходимо отметить значимые работы по проблеме человека. Таков труд С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» (1953), который, по отзыву М. С. Кагана, стал отражением идей советской философской мысли первого послевоенного десятилетия, хотя увидел свет в 1973 году. Это была первая работа в истории советской философии, посвященная проблеме человека, которая заложила основание философского осмысления биосоциальной целостности человека. Утверждение о том, что «общественная жизнь выступает как способ существования человека, который в то же самое время выступает и как природное существо» [127, с. 203–204] служило и служит сегодня ориентиром для ведущих специалистов во многих отраслях знания, изучающих человека. Эта книга положила начало философскому видению человека, его особого места в мире, его «человеческому, общественному способу существования» [127, с. 264].

Откликом на работы С. Л. Рубинштейна явились труды и ряда украинских философов, обратившихся к анализу самой категории «мир» – П. В. Копнин, В. И. Шинкарук, В. П. Иванов и др. Так, П. В. Копнин

признавал своим научно-исследовательским интенционалом специфику философского знания, посвятив целый раздел своей работы по гносеологии рассмотрению этимологии понятия мира, утверждая ее категориальный статус, объявляя предметом мировоззрения отношение «человек-мир человека». Результаты последующих исследований проблемы человека в украинской философской мысли были собраны в сборнике «Человек и мир человека»(1977).

Массивы новых знаний о человеке, полученных к концу XX, существенно изменили соотношение ряда наук, вынудили их к переосмыслению прежних представлений о человеке. Подвергалась переоценке и традиционная картина фронтального противоборства науки и религии. В культуре при смене исторических эпох мог доминировать научный или религиозный взгляд на мир, или некий их сплав, синтез.

1. 2. Биосоциальная целостность индивида, ее исследование как проблемы науки и философии XXI века.

На рубеже XXI века в научном знании сложилась ситуация, когда со всей очевидностью проявилась необратимость выхода на новое мышление, когда определена сложность и сверхсложность мира и самого человека, необходимо по-новому представить будущность движения знаний о самом себе, другие возможности его использования в мыслительно-деятельностной активности новых поколений.

В исследованиях последних лет отмечается, что И. Кант первым заявил о том, что «через человека можно выйти на другие философские проблемы», и что это была попытка изложить в систематическом виде учение о человеке. В кантовском изложении практической антропологии (1798 г.) не было доказано существование внешнего мира и предметность вещей, окружающих человека. Само обращение к этой стороне знания о человеке И. Кант был склонен считать «скандалом для философии и общечеловеческого разума» [113, с. 7]. Этот момент, вероятно, имел в

виду М. Мамардашвили, подчеркивая, что в описании человека в философской антропологии устранены все непосредственно человеческие доступные нам вещи, позволяющие через их свойства дать описание образа конкретного человека. Этот образ всегда построен на абстракциях [94].

Следует отметить, что в конце XVIII века состоялось выделение собственно антропологических исследований, была обнародована мысль о том, что именно к человеку могут быть применены знания, он для себя – последняя цель, о нем как об уникальном человеке можно философствовать отдельно и особо. С этой идеей выступил в 1798 году Имануил Кант в работе «Антропология с прагматической точки зрения» [72], где утверждал возможность выхода на антропологический подход, называемый им мироведением.

Рассуждения Канта в ту же пору эпохи просвещения доказывали утопический характер идеи единой науки. Кантом человек рассматривался как дуалистическое существо, раскалываемое на пары несовместимых противоположностей. Он предстал в одно и то же время и явлением, и «вещью в себе», существом эмпирическим и трансцендентальным, феноменом и ноуменом. Такого рода двойственность человека позже получила прямой отклик в идеях постмодернизма. __

Концепция биосоциальной целостности человека как основа становления единой науки о Человеке вместе с подкреплением непрерывно возрастающими новейшими данными Наук и их методологической вооруженностью в предстоящих комплексных исследованиях человека в XXI веке – такова тема данного раздела работы.

Здесь дается характеристика места, роли и смысловой значимости проблемы биосоциальной целостности человека на сегодняшнем этапе движения научной мысли к постижению природы ноосферного уровня развития нашей планеты и живущих на ней людей.

Проблема человека – это вечно новая проблема. На протяжении всей истории своего существования люди задумывались над смыслом жизни, своим местом в мире, своим жизненным назначением, своим родством с природным миром через высвечивание прошлой своей истории пытались осмыслить силы и связи социума, заглянуть в его будущее. Плоды напряженной духовной работы лучших умов человечества закладывали основы будущей науки о Человеке. Так уж складывалось, что все, что познавала научная мысль, было знанием человекомерного мира. Это отметил, запечатлел и подчеркнул Д. Юм в его знаменитом «Трактате о человеческой природе», такими словами: «Нет сколько-нибудь значительного вопроса, решение которого не входило бы в состав науки о человеке, и ни один такой вопрос не может быть решен с какой-либо достоверностью, прежде чем мы познакомимся с этой наукой» [169, с. 56].

Первую попытку создания «единой науки о человеке» осуществили создатели французской «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Л. Д-Аламбер. В предложенной там классификации наук они также выражали уверенность, что подразделение наук осуществимо при условии выделения предмета исследования и знания о нем.

В XIX веке приверженность идее единой Науки выразили позитивисты О. Конт и Г. Спенсер. Это было поддержано популярностью дарвиновского учения об эволюции, натуралистическими призывами к созданию «подлинной» науки о человеке, подобной наукам о природе, установкам на естественнонаучное объяснение общества. Со стороны защитников гуманитарного знания, не желающих слышать о превращении гуманитарных наук в подраздел наук о природе, т.е. естествознания, последовал яростный отпор В. Дильтея, Г. Риккерта и др., которые утверждали, что ни предметно, ни методологически гуманитарные науки не могут быть даже соизмеримы с математизированным до бесконечности классическим естествознанием.

«В жилах познающего субъекта, какого конструируют Дж. Локк, Д. Юм и И. Кант, течет не настоящая кровь, а разжиженный сок разума как голая мыслительной деятельности» [53, с. 274]. Эта образная крылатая фраза из самой известной работы В. Дильтея «Введение в науки о духе» выражает остро-нетерпимую принципиальную критику тех истоков европейского рационализма, которые его породили. Противопоставляя отстаиваемые им гуманитарные знания (которые он сам так никогда не называл), В. Дильтей уточняет свою – психологическую – позицию так: «мои исторические и психологические занятия, посвященные человеку как целому...». И добавляет, что имеет в виду «человека в многообразии его сил и способностей, это воляще-чувствующе-представляющее существо» [53, с. 317].

В такой обстановке конфронтации идея объединения, даже определенного сравнительного анализа предметных полей и пр. исключалась. Так или иначе, но весь минувший век противостояние естественного знания гуманитарному и их «сторонников» продолжало давать себе знать в трудах исследователей европейского континента. И все же исключения имели место. Так, в известной книге философа-антрополога А. Гелена «О систематике антропологии» [42] провозглашена возможность возникновения «науки о человеке в полном смысле слова», т.е. утверждается «всеохватывающий», философский характер этой науки, которая отличается от морфологии, физиологии, физиологии чувств, психологии, которые тоже занимаются человеком, «исследуя определенные стороны этого самого сложного из всех предметов и по возможности отвлекаясь от всех остальных» [42, с. 156]. Философская антропология, по мысли А. Гелена, высказывается о человеке как целом, пользуясь материалом этих отдельных наук [42, с. 156-157]. В середине XX в. раскол появился вновь, особенно при обсуждении проблемы человека, его целостной биосоциальной сущности. Собственно, целостность – то как раз и не получала признания ни у структуралистов,

ни у герменевтиков. Но в те же годы обобщались все новые и новые результаты исследований естественных наук – это способствует появлению глобального эволюционизма, эволюционной психологии, социобиологии и др. Противовес им составили начало формирующейся новой гуманистической науки о человеке.

Крупнейший мыслитель-гуманист XX в. Эрих Фромм остро ощущал напряженность исторического момента и выражал надежду и уверенность в том, что лучшие умы человечества отдадут свои силы единой новой гуманистической науке о человечестве [148]. В унисон ему академик И. Т. Фролов – создатель в условиях восточной Европы мощного движения «философия глобальных проблем» – провозгласил проблему человека в числе глобальных проблем современности и призывал к теоретическому исследованию этой проблемы, наиважнейшей для всего человечества. «Когда человек своими руками создал ситуацию, где он способен сам уничтожить себя, он начинает осознавать необходимость создания единой науки о человеке как диалектически противоречивой и изменяющейся целостности» [146, с. 745], – подчеркивал И. Т. Фролов и прилагал огромные усилия для создания условий по разработке новой, как он особо отмечал, науки о человеке.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что проблема биосоциальной целостности человека легла в основание мощного движения самопознания человечества как обращения к единой Науке. Но именно на рубеже 60-х – 70-х годов прошлого века обнаружилось со всей остротой глубокое противоречие, буквальное противостояние, враждебность, раскол двух культур естественнонаучной и гуманитарной.

Истоки этого раскола можно рассматривать, обращаясь и к донаучной истории, к формирующимся первым исследовательским попыткам и даже первым философским размышлениям древних греков. Там, где наметилась рефлексия самих исследователей над ходом обращения к предметам изучения и результатам, где уже появляются

сформулированные обобщения и оформились контуры естественных наук, осязатима, становится потребность объяснения и описания того, что выявляется в самом человеке. Но очень скоро обнаруживается неприменимость тех когнитивных средств, что действовали в отношении предметного поля физики, химии, биологии, в случае их использования в гуманитарных исследованиях. Это означало, что применение терминологического аппарата, ориентированного на математические образцы и доказательно-дедуктивное оформление текста не применялось вовсе. Примером может служить главный труд Б. Спинозы, который назван им «Этика, изложенная в геометрическом порядке» [138]. Приверженность к геометрии автор выразил в том, что весь текст работы построен в виде теорем, за каждой следует доказательство и серия примеров. Последователям Р. Декарта было свойственно толкование человеческого организма наподобие часового механизма. В исследованиях Т. Гоббса модель государства выражало подобие организму любого живого существа. Встречаются упоминание о случаях, когда историки рационалистически подвергали критике историю даже религиозную – «вычищали» по возможности жития святых, противоречащие законам физики.

Вполне оправдано, что Л. А. Микешина при обсуждении становления социогуманитарного знания в XXI веке выделяет как его «сущностный параметр» именно то, что «в нем речь идет о субъекте как целостном человеке познающем» и перечисляет такие особенные когнитивные операции гуманитаристики как социо-культурные «параметры», типические индивидуально-личностные характеристики, ценностные компоненты познавательной деятельности индивида [100, с. 392–393]. Это ведь подобно тексту В. Дильтея, в котором даются указания «на те обстоятельства, которые, – как он писал, – заставляют отграничивать единое целое наук о духе от наук о природе» [53, с. 280].

Справедливо, что мысли и В. Дильтея и Ф. Шлейермахера о необходимости различения наук о природе и наук о духе продолжали развиваться не только в XIX и XX веке, они актуальны и сегодня. Но разве только идея различения, разграничения в них значима? Надо полагать, в связи с глубокой трансформацией эпистемологии, в ситуации острой необходимости «наведение мостов» между, скажем словами самого В. Дильтея, – между «науками о природе» и «наукам о духе» и на пересечении этих «мостов», где нам предстоит осуществить глубинное осмысление проблемы биосоциальности как сущности человеческой, нас еще ожидают размышления над тем, что породило раскол двух культур, почему противостояние наук (вспомним «лириков и физиков») выродилось в традицию и как её элимитировать из нашей мыследеятельности.

Российский философ, наш современник М. А. Розов в ходе глубокого анализа гуманитарной проблематики позволил себе сделать вывод об «устойчивой традиции противопоставления наук естественных и гуманитарных, – традиции, сохранившей свое значение, несмотря на все изменения и уточнения до настоящего времени». При этом, – как отметил он, – гуманитарные науки сталкивались сейчас с очень специфическими методологическими проблемами, затрудняющими их прямое сопоставление с естествознанием [122, с. 63].

В предмете наук, именуемых науками о духе, факты духовной жизни не отделяются нами от психофизического жизненного единства человеческой природы. Теория, претендующая на описание и анализ социально-исторических фактов, «не вправе отвлекаться от этой цельности человеческой природы и обеспечить и ограничить себя сферой духовного» [53, с. 282].

Проблема биосоциальной целостности индивида междисциплинарная по своей природе и обращение к ней, естественно, приводит нас к философской антропологии уже в силу приверженности

последней к преодолению фрагментарности в способах рассмотрения человека в философии, биологии, психологии, медицине и социологии. Философскую антропологию или просто единую науку о человеке.

В последнее время появилось множество научных направлений, каждое из которых характеризует себя как «антропология» с той или иной спецификацией, и каждая из «отраслевых» антропологий выступает с заявкой – раскрыть основания человеческого бытия и претендует стать фундаментом единой науки о человеке. В рамках некоторой обобщенной концепции человека возник ряд вариантов методологии интеграции научных знаний о человеке. Так, во-первых, на роль основы при создании единого теоретического «образа» человека предлагается конкретная научная дисциплина. Например, современная биология сделала заявку на то, чтобы стать теоретической основой всего комплекса наук о человеке, человеческом обществе и человеческой культуре. Сегодня на этой основе возник целый комплекс новых научных направлений и областей: биополитика, биоэпистемология, биолингвистика, эволюционная этика, эволюционная эпистемология.

Отдельные гуманитарные науки, прежде всего антропология, также претендуют на объединительный синтез всех наук о человеке.

В англоязычных странах под антропологией понимают совокупность научных дисциплин, изучающих человечество на всех исторических этапах его развития. Как правило, «к антропологии относят физическую антропологию, археологию, антропологическую лингвистику и культурную антропологию» [144, с. 40]. В американской, британской и французской традициях при использовании термина «антропология» имеют в виду выделение определенной предметной области, предметный подход. Все виды антропологии отличает от философского подхода выделение конкретной области исследования, а также акцентация внимания, с одной стороны, на биологическую и культурную дифференциации различных групп людей, с другой стороны, на тех

интегративных чертах, которые позволяют представить человечество как единое целое. При этом антропологические дисциплины объединяет ряд общих научных принципов и методологических подходов, среди которых особо выделяется «принцип холизма». В отличие от философии антропологическое научное знание всегда обращено к конкретной предметной области, например, к культуре. Когда в качестве парадигмы единой науки о человеке Р. Якобсон предлагает лингвистику, он объясняет это, прежде всего, исключительно регулярной и замкнутой структурированностью языка и той важной ролью, которую он играет в культуре. «Лингвистика является, – пишет он, – наиболее продвинутой и точной наукой о человеке и, следовательно, является методологической моделью для остальных смежных наук» [171, с. 317].

В отличие от представленных в истории философии различных концепций философии природы, в которых природа рассматривалась вне и независимо от человека, в исследованиях Р. С. Карпинской и ее сторонников развитие природы ставится в прямую связь с развитием человека, находятся универсальные, фундаментальные основания, пронизывающие и определяющие весь этот процесс развития. Раскрывается человекоразмерность всех естественнонаучных концепций, с этих позиций анализируется их ценностная ориентированность, степень осознания в них гуманистических установок. Это оказывается возможным сделать благодаря выделению методологической роли идеи коэволюции, представленной в её универсальном содержании, отражающем механизм сопряжения развития, эволюции материальных систем на всех уровнях универсума. Высказывается мысль, что идея коэволюции может стать новой парадигмальной установкой культуры XXI века, мощным источником новых исследовательских программ будущего – новой философии природы, новой культурологи, новой философии науки [74].

В русле этих интересов возникло новое направление в науках о человеке – биоэтика. Для неё характерно, прежде всего, осознание

самоценности жизни, нравственное освящение жизни как фундаментальной ценности. Её усилия направлены преимущественно от человека в окружающий его мир, а цель этих усилий – сохранение этой жизни, независимо от того, в какой форме она протекает. Именно поэтому круг интересов биоэтики включает такие нравственные проблемы, как эвтаназия, трансплантация органов, искусственное оплодотворение, генетический дизайн, клонирование, биомедицинское исследование и т.п. Смысл биоэтики как особой разновидности интеллектуальной деятельности и социальной практики заключается в попытке обнаружить возможности диалога и солидарности граждан в защите добра и противостояние злу в ситуациях, порожденных современными биотехнологиями. Практика биоэтики постепенно формирует язык публичного обсуждения острейших жизненно важных проблем у людей, принципиально по-разному объясняющих, что истинно, а что ложно. Граждане могут теперь по-иному осознавать свою общность и утверждать свое уникальное присутствие в ней. Тем самым происходит образование нового измерения «Я», способного в равноправном диалоге открыть специфический уникальный смысл своего существования для другого и одновременно в рамках той же самой открытости открыть для себя уникальный смысл другого «Я».

Биоэтика сегодня – это раздел прикладной этики, философской дисциплины, изучающей проблемы морали, прежде всего, относительно человека и всего живого, определяющей действия, допустимые с моральной точки зрения в отношении живого.

Появление биоэтики знаменует переход к более глубокому пониманию наработанного ранее теоретического материала в области человеческих отношений, проникновение от явления, т.е. возникновения морального сознания, к сущности нравственных проблем в связи с новыми реалиями и практическими возможностями их реализации. Такое осмысление требует выхода за рамки узкой предметной области

(биологии, медицины), существенно расширяя представления о субъекте моральных отношений. Опираясь на систему ключевых ценностей – жизнь, здоровье, смерть, детство и старость, – она включает в себя не только этические нормы отношений «врач-пациент», но и экологическую этику: отношение к животным, биоценозам, биосфере в целом. Это означает, что не только человек, но и вся природа оказываются субъектами моральных связей и моральной регуляции, кардинальным образом расширяя и углубляя основы традиционной морали как морали «благоговения перед жизнью» [160].

При всём этом консерватизм медицинской науки служит заслоном от внедрения в практику лечение недостаточно апробированных методов и средств лечения, от усиленного натиска биохимических приёмов воздействия на человека как бы с единственной целью – вылечить, освободить от заболевания. В этом проявляется тенденция медикаментозной терапии Запада, которая, в отличие от Восточной медицины усиленно применяет фрагментаризированные медицинские модели и практики, отходит тем самым от прямых задач сохранения и тем более поддержания здоровья человека.

В этом отношении особую значимость обретает то качественно новое состояние медицины, которое получило название «Медицина III». Под таким названием активно развивается современное медицинское мышление, коренным образом меняющее само понимание здоровья и болезни человека. Такое понимание, а соответственно ему и такое новое практическое воздействие медицины сегодняшнего дня на человека, выражает всеобщий процесс развития цивилизации населения всей планеты в той новой стадии, какую принято называть «третьей волной». В основе понимания мира в целом как именно целостность, в которую включено человечество, в которой каждый человек является, прежде всего, носителем именно человеческих качеств, в той полноте, какая достигнута к настоящему моменту, т.е. в целостном социокультурном и

биофизическом своём развитии. Человек не может рассматриваться вне всей целостной сферы своего существования, он должен быть осмыслен как целостный организм с учетом всех изменений внешних и внутренних составляющих текущий момент его жизни.

Последним словом медицинской науки, осуществляемый во взаимодействии с обновляемым сенергитической парадигмой мышлением явилась квантовая медицина [88].

В науку XX века инновационный вклад был осуществлён группой украинских специалистов. Авторы новой теории С. П. Ситько, Е. А. Андреев и М. У. Белый на основе интеграции западной и восточной мысли и опоры на традиционную биофизику предложили новый подход к живой материи [132]. Новый подход основан на открытии биологического вида когерентности, которая обеспечивает возможность создания дальнего действия на организм человека в целом. Апробированы чрезвычайно эффективные результаты воздействия низкоинтенсивным электромагнитным излучением на биологически активные точки в организме человека для восстановления его здорового состояния. Эти биологически активные точки в организме человека совпадают с известными для китайской медицины акупунктурными точками. В рамках данного подхода было обнаружено существование в организме человека нелокального, самосогласованного электромагнитного потенциала, т.е. дальнедействующих сил, обеспечивающих квантово-механическую генетическую целостность организма, его дифференциальную устойчивость [133, с. 519]. Так сложился новейший метод восстановления здоровья человеческого организма путём воздействия электромагнитных когерентных волн на биологически активные точки. Характеризуя воздействие медицины III на ключевые проблемы развития современной цивилизации, В. И. Аршинов и его соавторы отмечают, что «медицина III оказывается «медициной жизни», терапией культуры, разума, души и тела человека в их неразрывной органической целостности» [14, с. 512].

Познание и освоение мира человеком и познание природы самого человека в ходе тысячелетней истории общества осуществлялось не только усилиями ученых. Массивы новых знаний о человеке, полученных на гребне XX – XXI веков, существенно изменили соотношение ряда наук, вынудили их к переосмыслению прежних представлений о нем. Подверглась переоценка и традиционная картина фронтального противоборства науки и религии. В культуре при смене исторических эпох мог доминировать научный или религиозный взгляд на мир, или некий их сплав, синтез. В настоящее время характерны, с одной стороны, состоялось «умирание» прежней претензии науки на всеислие, с другой стороны, «сенсационные» в полном смысле слова достижения (типа рассмотренных выше) биологии и других наук не могли не вызвать новой тенденции формирования синтетической научно-религиозной («идеалистической») культуры. Диалог теоретиков православной идеологии и современных мыслителей, работающих в русле философской традиции, позволяет выявить в религиозной идеологии элементы знания, сопоставимыми с положениями в выводами науки, свидетельствует о высоком интересе и оценке инноваций. В труде «Социальная и культурная динамика» Питирим Сорокин вычленяет в истории культуры Европы фазу доминирования «правды веры», т.е. господства религии (фазу «идеальной культуры»), соответствующую Раннему Средневековью; фазу «правды чувств» – господства науки (фазу «сенситивной культуры»), которая охватывала Новое и отчасти Новейшее время, а также фазу «гармоничного сплава» науки и религии (фазу «идеалистической культуры»), соответствовавшую Позднему Средневековью. Известно, что XX век начался и в основном прошел под знаком доминирования науки в культуре, однако на его протяжении все более нарастали симптомы приближения новой эпохи «идеалистической культуры» в понимании П. Сорокина. Рубеж XX – XXI веков, при всех сенсационных успехах на научных фронтах, в то же время характеризуется уже не безраздельным

господством науки, а также и поисками «гармоничного сплава правды чувств и правды веры» – т.е. науки и религии [63].

Проблема биосоциальной целостности в православном богословии находит освещение в обращении к человеку как целостному духовно-телесному существу. Так именно был раскрыт вопрос о богословских и антропологических концепциях XX века на семинаре «Многомерный образ человека» в докладе Митрополита Минского и Слуцкого Филарета: «Понимание человека как соединения нематериальной души и материального тела явно недостаточно. Христианская антропология, испытывавшая сильное влияние античного дуализма материального и духовного, по существу, преодолевает этот дуализм. – писал он. – Церковь запрещает всякое гнушение телом и материальным вообще. Человек – целостное душевно-телесное существо. Можно сказать, что тело – душевно и духовно, а душа тела – в крови, как говорится в библейской книге Левит: «материальное и нематериальное в человеке взаимно проникает друг в друга» [141, с. 111]. Митрополит показывает, что для каждого христианина победа над смертью – как разделением тела и души – мыслится как телесное воскресение, которое должно совершиться в эсхатологическом будущем. Затем он знакомит с такой особенностью богословского понимания человека: человек рассматривается *sub specie aeternitatis* – «с точки зрения вечности», что в данном случае означает вечную жизнь, телесное воскресение в эсхатологическом будущем мира, в метаистории...

Если мы обратимся к изначальной христианской традиции, то обнаружим, что смерть человека переживается в христианстве не менее остро, чем в современной философии, при этом он ссылается на статью русского богослова Георгия Флоровского «О воскресении мертвых», где эта тема раскрыта подробно. Смерть – это, – поясняет он, – действительная смерть, то есть катастрофа, причем как в онтологическом, так и в религиозно-нравственном отношении. «Память смертная» (то есть

память о грядущем смертном часе) – основное делание христианского подвижника. Биологическая смерть – это не только разрушение целостного психосоматического состава человека, но и момент суда, поскольку она знаменует завершение периода свободного нравственного выбора и духовного делания. Умереть нужно благородно! То есть – в мире с Богом, с другими людьми и со своей совестью. В этом смысле христианское представление о том, что земная жизнь человека – это подготовка к смерти, является не отвержением земной жизни, но, напротив, её утверждением. Каждый момент этой жизни бесконечно значим «с точки зрения вечности» [141, с. 112].

«Богословие не является «внутренним делом» Церкви, выразил свою главную мысль Филарет, – оно призвано отвечать на вопросы и вызовы современности, обращаясь к живому человеку, учитывая его идеалы и сомнения, его интеллектуальные поиски и духовные потребности. Богословие по существу своему антропологично, потому что его адресатом является человек» [141, с. 114].

XX век приводит к новому осмыслению проблемы человека. Усилия современных исследователей направлены на поиск и выделение в человеческой деятельности, основы для понимания места человека в мире.

Поскольку в каждой абстракции фокусируются определенные моменты человеческой деятельности, современные подходы способствуют пониманию действительного места человека в мире. Однако сами эти подходы, далеко не равнозначны с точки зрения адекватности, их моделей и концепций сущности человека. Так, выдвинутая В. И. Вернадским (1863-1945) концепция ноосферы вводит вселенский ракурс надорганизменного исследования человека, так как включает его деятельность в контекст планетных связей. В. И. Вернадский преодолевает робинзонаду своим планетным масштабом. Не человек-одиночка, а все человечество в целом выступает

как геологический фактор, по времени относительно новый. Кроме того, человечество – фактор особый. В форме всемирной истории оно предстает как активная сила, в которой интеллектуальный потенциал, мышление и разум, целеполагание и целедостижение играют уникальную и решающую роль.

Среди современных моделей человека отметим органически связанные с НТР компьютерные и информационные модели. НТР заставляет человека учиться сочетать два разнородных потока информации, один из которых по-прежнему всецело во власти субъекта, а другой – представлен потоками информации, функционирующей в технических системах вне и независимо от лица, принимающего решение. Компьютеризация ставит человечество перед новым серьезным испытанием. На этой основе возникают «аппаратное мировосприятие» и разные варианты «компьютерных утопий». Ряд авторов говорят о принципиальном изменении самой природы человека. Так, Дж. Болтер обнаружил в западной культуре компьютерного века появление «человека Тьюринга», представляющего собой принципиально новый феномен людей. «Человек Тьюринга» как бы сросся с компьютером, дисплей ему затмил и заменил весь внешний мир. Он видит только экран и взаимодействует только с его клавиатурой. Играя в бесчисленные информационные игры, он чувствует себя создателем миров. Его власть над этими мирами большая, чем у абсолютного монарха, чем даже «запреты природы» в нашем физическом мире и в деятельности естествоиспытателя, который вынужден неукоснительно их соблюдать. Однако, преобразовывая информацию, программист имеет дело с реальным миром, хотя, как и при некомпьютерном преобразовании информации, в процессах познания и целеполагания оперирует его моделью. Открываемые современными информационными технологиями новые возможности моделирования вписываются в структуры человеческой деятельности, совершенствуют ее. Однако конечная

направленность на объективный мир и его преобразование в интересах человека остается решающей [25]. Ни сейчас, ни в будущем НТР не рождает «человека Тьюринга», хотя хороших программистов она породила, и общество в них очень нуждается. Сколь бы ни были важны информационные процессы в жизни общества, они все равно выступают лишь одним из средств, обеспечивающих функционирование общества как целостности, как условия существования людей, и это целое предполагает, имеет в своей основе объективные материальные взаимодействия и преобразования.

Можно рассматривать деятельность человека как игру (см. Й. Хейзинга «Человек, играющий»), но нельзя всю жизнь человека сводить к игре, хотя игровой момент в деятельности человека и присутствует. Можно рассматривать «я» человека как «сложный умственный процесс» [152, с. 217], но при этом надо помнить, что всякий индивид – нечто неизмеримо большее, чем самый сложный умственный процесс. Представление об индивиде как о многоуровневой иерархической суперсистеме обработки информации из шести составляющих (сенсорной, моторной, когнитивной, аффективной, стилевой и ценностной подсистем) отходит от реальности в главном – оно выдает часть за целое, информационную деятельность полностью отождествляет со всей жизнедеятельностью. При таком одностороннем понимании человеческой деятельности потребности и связи индивидов принимают усеченные формы: реальное, практическое отношение к миру, включенность в материальные жизненные отношения заменяется неполным, локальным, случайным, поверхностным мнением об этой деятельности. Неадекватность подобных частных моделей – интерпретаций сущности человека выявляет концепции «человека-прагматика» (человека практического, умеющего делать, действовать, а не размышлять). Прагматик – это человек, который перерабатывает,

интерпретирует информацию и стремится принимать быстрые, грубые, готовые решения в сложных и неопределенных ситуациях [152, с. 248].

«Человек Тьюринга» – красивая метафора, но неадекватный сущности гносеологический образ. НТР все более оттеняет роль отчетливого понимания реальных целей человеческой деятельности и условий ее осуществления. Не информация сама по себе обеспечивает человечеству условия его существования, а целесообразная материальная предметная деятельность человека, и целесообразность ее тем большая, чем лучше и глубже переработана информация. Современные технологии еще больше обязывают строго учитывать объективные связи в большом и малом, настраивают внимание на отдаленные последствия наших сегодняшних действий. Об этой устремленности к объективному свидетельствуют современные проблемы экологии, ядерной опасности.

В интересующем нас аспекте современное обсуждение этой проблемы в какой-то мере созвучно с усилиями и направленностью мыслей В. И. Вернадского понять человека в его космическом измерении, в связи с мировым космическим целым. Таким образом, в эволюции модели человека важная роль отводится избираемому масштабу рассмотрения и методологическим установкам мировоззренческого порядка [34].

Человек в рамках природоведческого подхода – естественное тело, индивид, Робинзон. Следующий масштаб – социальный – гражданин, животное политическое, совокупность общественных отношений, надорганизменная общность и целостность. Планетный подход открывает новый слой в понятии человека, требующий разработки других логико-инструментальных средств для теоретического воспроизведения в сознании.

Философская антропология в широком смысле слова предстает как философское учение о человеке, его «сущности» и «природе», которое репрезентирует самые разные философские направления, предлагающие,

согласно своим концептуальным началам различные способы осмысления человека и человеческого мира. Философская антропология как философское направление берет свое начало преимущественно в Германии, получив распространение в Австрии и Швейцарии (А. Гелен, Х. Плеснер, М. Шелер). Философская антропология как специальная философская дисциплина занимается проблематикой человека уже последние три десятилетия. Она активно конституируется из общего философского дискурса со специфически собственным «объектом» и «тематизмом» его рассмотрения (человек в философской рефлексии, учение о человеке, его сущности и природе) [1].

Важнейший вопрос философской антропологии – это поиск определения человека. Не менее насущны вопросы природы человека, смысла его существования, отличия человека как формы жизни от других форм или о специфическом человеческом способе бытия. Независимо от того, исходит та или иная философия человека из «духа», «души», «свободы», «личности», «бытия», «спасения», «экзистенции», «жизни» и т.д., во всех случаях поиск разворачивается в одном направлении – в направлении определения того, что есть человек. Философская антропология есть в конечном итоге не что иное, как исследование структур специфически человеческого опыта мира, причем исследование не сводится к описанию этого опыта, а предполагает его критическое прояснение и обоснование.

Философия XX века предложила множество образов человека, выражаемых такими метафорами как *animal rationale* (животное разумное) (например, у Д. Дэвидсона), *animal symbolicum* (животное символическое) у Э. Кассирера, *homo ludens* (человек играющий) у Й. Хейзинги, *homo pictus* (человек рисующий, изображающий) у Г. Йонаса, *homo viator* (человек-странник) у М. Марселя, *homo insciens* (человек неумелый) у Х. Ортеги-и-Гассета, *homo creator* (человек-творящий) у В. Э. Мюльманна.

Бурное накопление конкретных научных знаний о человеке в современных условиях дополняет осмысление человека в противоречивых и неоднозначных философских концепциях, создает условия для качественно нового понимания человеком самого себя. При этом человек перестает отождествлять себя с какой-либо одной формой своего бытия и приходит к осознанию единства всех возможных форм существования (прошедших, настоящих, будущих). Названных «*homo faber*» у позитивистов, «дионистический человек» Ф. Ницше, идея человека как «болезни жизни» в панромантических учениях, «*homo sapiens*» К. Линнея, «человека только власти» Н. Макиавелли, «только либидо» З. Фрейда, «только хозяйства» К. Маркса, идея падшего богоподобного Адама. Эту репрезентацию метафор-определений даёт В. И. Веряскина, подчеркивая что «все эти представления слишком узки, чтобы охватить всего человека. Все они как бы идеи вещей, понимающие человека как объект. Но человек не вещь, он направление движения самого универсума, он микрокосм и одухотворённое живое существо» [35, с. 267]. Все эти представления действительно узки, ибо уводят от холического видения многомерного человека. Но многие методологические наработки антропологической философии уже сейчас могут способствовать современному человеку в самопонимании, самоистолковании самого себя в постижении не предлагаемых противоречивых, неоднозначных характеристик, а в противоречащих, противостоящих друг другу и не делимых при этом своих собственных свойствах.

В антропологической философии XX в. можно выделить две основных парадигмы – парадигму «жизни» и парадигму «существования», или «экзистенции». Первая восходит к Ф. Ницше, вторая – к С. Кьеркегору. Парадигма жизни связана с выдвиганием на первый план того обстоятельства, что человек есть витальное существо, а значит – составная часть жизненного (то есть, в конечном итоге,

природного) процесса. Основание второй парадигмы образует тезис С. Кьеркегора о человеке как «самости». С одной стороны, человек в качестве «самости» есть результат собственного «полагания», с другой стороны – он застаёт себя в бытии как нечто уже «положенное».

Два программных сочинения еще в 1928 году легли в основу философской антропологии – «Положение человека в космосе» М. Шелера [161] и «Ступени органического и человек» Х. Плеснера [116], которого считают подлинным родоначальником современной философской антропологии. Х. Плеснер предложил исследовать человека не как «тело» (предмет объективирующих процедур естествознания), не как «душу» или «сознание» (объект психологии) и не как абстрактного субъекта, подчиненного законам логики и нормам этики, а как психофизически нейтральное жизненное единство. Философская антропология у Х. Плеснера – часть весьма широко задуманного философско-методологического проекта, долженствующего снять расщепление познания на естественные и гуманитарные науки. Его цель – «воссоздать философию в аспекте обоснования жизненного опыта в науке о культуре и мировой истории»; важное, но не единственное средство такого обоснования – феноменологическое описание. Х. Плеснер исходит из единого базиса философии. Философская рефлексия должна быть направлена на человеческий жизненный опыт в целом, а не только на опыт естествознания. Критическая точка зрения дополняется в результате трансцендентально-герменевтической, или точкой зрения «герменевтики жизни». Понятие жизни охватывает при этом не только социально-культурные, но и природно-органические формы. В противовес кантовскому «формальному априори» познания Х. Плеснер развивает «материальное априори» живого. Место противостоящему внешнему миру «субъекта» (как то во вполне кантианском духе имело место у М. Шелера) занимает «организм» и его окружение», или «жизненный план», проблема трансцендентального единства апперцепции заменяется

проблемой отношения тела к собственной границе. Философская антропология по Х. Плеснеру, может быть построена только вместе с философской биологией. Необходимо не утверждение «особого положения» человека в космосе, не противопоставление человеческого природному, а поиск сущностной определенности человека в сопоставлении с другими живыми существами. Родоначальник философской антропологии как науки исходит – опять-таки в противовес дуализму традиционных учений – не из понятийных дихотомий, а из корреляции жизненных сфер (таковых три – растительная, животная и человеческая). Отсюда феноменология форм организации жизни, в которой человек выступает как часть, или одна из ступеней в «ступенчатом строении органического мира». При этом Х. Плеснер сохраняет оппозицию к экзистенциализму, критически подчёркивая, что предлагаемое М. Хайдеггером видение человеческого бытия страдает безжизненностью – оно ничего не говорит о рождающемся, живущем и умирающем человеке; характеристики типа «заброшенности», «экзистирования» и «бытия-к-смерти» слишком абстрактны.

А. Гелен, признаваемый также классиком философской антропологии в своем трактате «Человек. Его природа и положение в мире» (1940) отказывается от «метафизики», т.е. от спекулятивно-философской традиции, вообще. Он не просто намерен понять феномен человека, не прибегая к категориям типа «духа», «души», «разума», «субъективности» или «экзистенции», но и построить философию человека, исходя исключительно из философии природы. Исходный пункт геленовской антропологии – человек как неукорененное в природе, лишённое прочной позиции в мире животное [42]. Фундаментальное отличие человека от других живых существ состоит в «недостаточности», человек, как его определил в свое время И. Гердер, есть «недостаточное существо» (*Mangelwesen*); основные свойства «недостаточного существа» – обделенность инстинктами и неспециализированность органов чувств.

Это побуждает человека к деятельности; ее результатом и одновременно условием ее возможности является искусственный мир культуры. Культура (язык и техника) становится тем специфически человеческим окружением (*Umwelt*), в котором это беспомощное существо только и может выжить.

В. С. Стёпин уверен, что собственная история наук о человеке начинается в XIX веке, «когда в культуре техногенной цивилизации отчётливо сформировалось отношение к различным человеческим качествам как к объектам управления и преобразования» [139, с. 38]. Отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам – обязательное условие научного способа познания. В эпоху индустриализма объектно-предметное отношение к человеку и человеческим общностям становится доминирующим в техногенной культуре.

В эпоху становления и развития техногенной цивилизации возникло огромное множество социальных практик, которые меняли основу организационной жизни традиционных обществ, формировали технико-инженерный подход к человеку. В производственных и социально-бытовых сферах жизни реализовывался общий принцип «знания-власти». Человек здесь уже рассматривался как предмет, который нужно исследовать и рационально регулировать. Это проявлялось буквально во всех сферах взаимодействия индивидов. Даже в практике медицинского обследования, основанной на осмотре тела, которое предстаёт как объект, открытый для наблюдения, это породило существенные сдвиги. К имеющейся практике тестирования и медицинской документации добавились публичное обсуждение проблем сексуальности; периодические смотры-экзамены в учебных заведениях, когда власть заставляет человека-объекта публично демонстрировать себя и т.п. «Такого рода практики и дискурсы формировали и закрепляли новое отношение к индивиду как к объекту наблюдаемому, описываемому и

регулируемому определёнными правилами» [139, с. 39]. Этот материал накаливался, осмыслялся, образуя социокультурные предпосылки формирования социально-гуманитарных наук. Долгое время знание о человеке, особенностях его поведения, способах жизнедеятельности и пр. подвергались систематизации и объяснению посредством социофилософских схем. Соответствующие смыслы закреплялись в универсалиях культуры, в понимании человека, создавая предпосылки для возникновения социально-гуманитарных наук, для формирования их оснований и методов. В это же время благодаря усовершенствованным орудиям и новым приёмам исследования выявилась целая область предметов и процессов, позволивших выйти на описание и анализ живых созданий природы. Идёт активный рост биологического знания, его превращение в науку.

В этих исследованиях субъективность и человеческое сознание рассматриваются как специфический вид бытия, происходит ограничение теоретических исследований, которым поставлен предел в форме принципиальной необъективности предмета исследования предметом познания. Субъективность поэтому предстает как специфическая реальность, присутствующая в любых человеческих актах, но неотделимая от них. Возникшая ситуация в практике жизнеустройства и в науках о человеке выявила резко возросшую потребность в решении «человекомерных проблем», растущую потребность методологического перевооружения наук и прежде всего синтезирования знаний о человеке.

В контексте дискурса о человеке, человеческой сущности, его природы, основных измерений его бытия новоевропейской концепции человека резко противостоит своей особой позицией постмодернизм. Цель постмодернизма – подлинное знание человека; в этом знании философия играет ведущую роль, делая знание о человеке своим основным предметом. По поводу этого есть высказывание о прорыве древнегреческих софистов, делавших в V веке до н.э. подобную попытку

изменить способ подхода к предмету философии, изменить ракурс видения человека и, следовательно, отыскать новые знания о нем [4, с. 23]. Постмодернисты обращаются к эстетическому мировоззрению, дают эстетизирующую репрезентацию человека с генеральной его характеристикой «желающего человека», т.е. существа, принимающего каждый момент своей жизни как желательный, выбираемый им самим. Сегодня исследователи сравнивают этот призыв с произвольничеством П. Фейербенда [109]. Во имя того, чтобы вернуть человека себе, принята ориентировка на иррациональное, чувственно-эмоциональное, на животность человека, на его телесность, эротизм, полоакцентность, постмодернизм.

Постмодернизм сегодня уже сходит со сцены, но продолжает дразнить многих и вызывать резкую и эмоционально обратную реакцию. Его феноменальный успех объясним тем, что постмодернизм затронул важные стороны человеческого существования. Фактически он объявил войну традиционным гуманистическим представлениям, как не отражающим повседневные нужды и заботы современного человека, поставив задачу – вернуть человеку самого себя, вернуть ему утраченное достоинство. Мы останавливаем внимание на доводах постмодернизма, ибо все это относится к пересмотру проблемы целостности человека. Прежняя концепция исходила из представления о человеке разумно-критичном, отзывчивом, обладающем психической стабильностью. Но в новых условиях жизни, характеризующихся крайней неустойчивостью, обострением всех глобальных кризисов необходимо пересмотреть представления о человеческой природе. Постмодернизм желает дать человеку свободу, и в его понимании это означает вывести человека из-под власти общества, стать вне политики, стать выше обстоятельств. Человек должен вытеснить из своего сознания представление о социальном мире с его проблемами и видеть только мир страстей, которые соответствуют или не соответствуют твоим ожиданиям. Такой

«рецепт» носит антиобщественный характер, служит выражением слабости и инфантилизма социальной позиции постмодернизма. Однако, предложенный постмодернизмом принцип разнообразия (гетерогенеза) должен учитываться гуманным обществом. Необходимо обращать внимание на такие способности субъекта, которые служат его предназначению: на его желания, телесность, деятельность, язык. А это означает абсолютно новое понимание чувственного опыта, феномена телесности и радикальное переосмысление феномена духовности. Меняется также и структура самополагания, смысложизненные ориентиры человека. Сегодня характер человеческого опыта и человеческого поведения находится в процессе изменения, что вызвано структурными изменениями в обществе: происходит смещение в распределении рабочей силы в условиях формирования новых сообществ и их модернизации.

Постмодернизм в своем стремлении описать положение человека в условиях глобализации, оказавшей колоссальное воздействие на экономику, политику, культуру по-новому раскрыл человеческую сущность и поставил вопрос о человечности в сложившихся условиях. Разумеется, он не решил эти проблемы. Однако же, четко обозначив их, постмодернизм тем самым способствовал тому, чтобы человечество их осознало. Ради того, чтобы человек заново обрел самого себя, научился вновь радоваться жизни. Чтобы он вновь обрел способность самостоятельно выносить суждения, и не утратил собственного достоинства. Чтобы задавая вопросы, научился слышать ответы другого. Чтобы умел в новых условиях напоминать политикам об их ответственности за будущее. Чтобы руководящим во взаимоотношениях народов стал принцип дружелюбия, а не конфронтации, потому что человечество может выжить только как сообщество. Таков смысл этого нового гуманизма [4].

Рождение постнеклассической науки ознаменовано непрерывной серией радикальных трансформаций, проделанных самим изменившимся естествознанием и, конечно же, перестройкой научной картины мира. Место человека в природе и достойное место во Вселенной, в научной картине мира, как и проблема конфликта «двух культур» (естественнонаучной и гуманитарной) под влиянием новых данных нового понимания природы обрели к первому десятилетию XXI в. новое звучание. Эти новые данные и методологическая рефлексия над их результатами не только обосновали сильную версию антропного принципа в космологии, но и обнаружили черты, близкие земной жизни и человеку, и способствовали включению в складывающуюся на наших глазах научную картину мира и природы, и человека, и человеческой культуры как органически взаимосвязанных частей единого в своей основе Универсума [28, с. 210].

Считаем возможным и необходимым показать, что на этом же основании буквально в последние два десятилетия произошли существенные подвижки в прояснении проблемы биосоциальной целостности и ценности человека. Сближению естественно природного и социального чрезвычайно способствовала биология, что на протяжении всего прошлого века подтверждали такие науки, как зоопсихология, этология, приматология, социобиология, эволюционная психология.

Современные исследования когнитивных способностей и интеллекта животных составили действительную революцию в представлениях о способностях животных – их сознании, самосознании, коммуникации, культуры – собственно тех барьерных факторов, отделяющих, как считалось человека от животного царства, т.е. прежде всего труд (изготовление орудий для производства орудий) и язык. Расшифровка коммуникативных ситуаций и естественных языков пчел, муравьев, а также когнитивных способностей высоко социальных животных вносит корректировку в оценке их владения памятью,

формированием проблем, принятию решений, выражению надежды и пр. это утверждение в признании «человечности» животных – дополнено на сегодняшний день еще более ошеломляющими показателями социобиологии (возникла после 60-х гг., называется еще и эволюционной антропологией), показавшей общность механизма формирования социальных форм поведения у животных и у человека, их единую внутреннюю биологическую природу в самом человеке, а значит, выработанных в процессе антропогенеза и закрепленных на генетическом уровне. Борзенков обобщает, что «такие многие модели поведения как ревность, гневливость, жадность, любовь, сострадание и даже саморефлексирующее сознание, стремление к смыслу могут быть рассмотрены как результат нашей внутренней биологической природы» и можно добавить – как явление изоморфности, подтверждающее дуально-целостную природу самого человека [28, с. 213].

Такого рода «сильный вывод» подкрепляется в последние годы исследованиями на молекулярном и домолекулярном уровне [75], раскрывающими природу самых глубинных уровней организации единства человека и живой природы. Они перекликаются с отмеченными ранее креативными, поведенческими симптомами – где подобное единство живой материи воплощает единство живой природы и человеческой культуры, где данными социобиологии привлекаются в модель понятия теологии и аксиологии [28].

Подобная модель целостного, в фундаменте своем содержащего целенаправленность и аксиологичность как непрменные черты этого целого, позволяет укрепить уверенность в том, что деятельность человека и цель, и ценность исключительно важны и значимы. Более того, как справедливо подчеркивает В. Г. Борзенков, модель характеристики человека, неоспоримо подтверждаемая последними достижениями биологии на макро- и микроуровнях исследования, выведет нас на кардинальное изменение понимания природы в целом. Сегодня

бесспорным является философское рассмотрение живых систем любого уровня в плане их «целесообразности», т.е. соответствия их строения и функционирования целям выживания и размножения. А это и означает объективное присутствие в самой природе и в осуществляемом естественном отборе проявления телеологии. Именно телеология была утверждена дарвиновским учением о естественном отборе, что и превратило биологию в науку [27].

Таким образом, если данные физики и космологии формулировкой самой сильной версии антропного принципа определили нашу Вселенную уже с момента ее рождения биофимичной и антропной, т.е. заложили в представление о ней, а тем более о появившейся на Земле биосфере черты, близкие жизни и человеку, то биология как наука о живой материи [34] подкрепила процесс формирования современной научной картины мира, подкрепила именно углублением и уточнением новых значительных данных о человеке, его биосоциальной природе.

Междисциплинарные направления науки второй половины минувшего века, прежде всего развившиеся кибернетика, теория информации и синергетика. Дополнено и расширено представление о человеке, о его месте в мире, о возможностях его креативной и сообразительной активности именно усилиям этих наук совершился рывок в знаниях человечества о мироздании в целом, о своей функции осуществления нового этапа на пути творчества природы, продолжения ее креативного, целесообразного самоорганизации, рывок в новое мышление о мире и о себе.

Кибернетика при всех ее обнаруживающихся ограничениях первой утвердила широкое применение телеологической терминологии. Понятие цель, целеполагание, функция, назначение, принятие решения, обратная связь из сферы описания систем управления широко распространились в обыденные ситуации контактов и действий. Кибернетика ввела в оборот термин система в применении к управляемым объектам, сделала

управляющую деятельность предметом непосредственного исследования, в ходе которого получил звучание вывод о возможном признании именно управляющую деятельность стать первой формой умственного труда, отделившегося от физических усилий участников коллективного субъекта деятельности. Сегодня от описания и конструирования сложных технических систем управления кибернетика вышла на сложные системы в природе и обществе.

Особое внимание в работе уделено вопросу современного состояния проблемы биосоциального единства и целостности человека. Ушел в прошлое откровенный редуccionизм как биологизация. Но именно сегодня, опираясь на ситуацию в самой науке – микробиологии, существование которой едва перевалило за полвека, действительный член Российской и Европейской академии возглавляющий лабораторию Института молекулярной биологии им.В.А.Энгельгарта и главный редактор журнала «Молекулярная биология» Л. Л. Киселев заявляет о том, что «остро необходимо многое в человеке переосмыслить с точки зрения новой биологии» [75, с. 193], которая, по его мнению, развивается довольно стремительным образом и за последние пять лет совершала еще один качественный скачок. Благодаря этому в современной биологии, по его основам, реально сформировался новый раздел – биология человека – и возник новый уровень понимания человека, опираясь теперь на его биологические свойства [75].

Новый взгляд системной биологии, как стали называть науку, выросшую из молекулярной биологии, рожден расшифровкой структуры генома человека. Это качественно изменило природу всех знаний о человеке, т.к. впервые информация о человеке оказалась в руках ученых, полученная непосредственно (не через лабораторных животных, не экстраполяционно).

Огромный массив информации выявил «обнаружения», т.е. данные трудно вообразимые, особенно в сопоставлении с данными старых учебников и даже со свежей научной литературой.

Так наука недавно и неожиданно показала, что человек – самое сложное из живых существ не отличается ничем по составу генов от живых существ, а по количеству генов – от бактерий, растений. Не какие-то доли процента отличен геном человека от генома шимпанзе. Современная биология не располагает достоверными данными относительно различий последовательности ДНК на уровне нуклеотидной кислоты у шимпанзе и у человека, не может объяснить, откуда берутся разум, социальность и все что для исследователей составляет грань между ними. Существует пока лишь рабочая гипотеза о том, что каждый ген человека способен кодировать огромное множество белков, а белки как реально функционирующие молекулы обеспечивают все жизненные функции. Это дает некоторое пояснение в каждой специализированной клетке организма наборы белков получаются разные. Гены высших организмов включают куски с информацией и без информации. В самом строении гена заложена возможность получения огромного количества белков – самых различных видов комбинаций, что и обеспечивает большее количество функций, причем, очевидно, у человека с большим разнообразием.

Подобные исследования вывели ученых на предположение о существовании генных сетей, ибо сцепка генов порождает координированное поведение их друг к другу, стимулируя и подавляя их активность. Это все изучает вновь рожденная наука – геноинформатика, которая с поддержки функциональной гномики использует новую методику применения биоикрочипов для получения сведений об отдельных белках. Это позволяет собирать экспериментально генные цепи, следить за поведением тысяч белков и генов в различных клетках и тканях, иметь информацию о совокупности всех генов организма.

Л. Л. Киселев в одном из своих докладов в Институте Человека подчеркнул, что биология за краткий отрезок времени обрела невероятное количество новой информации, которая еще не осмыслена на должном уровне. Новые приемы исследования микробиологических процессов сделали для ученых возможной интеграцию знаний о белках: стал возможным сбор отдельных белков в генные цепи, соединение в целое ранее разрозненных сведений. Тем самым на уровне современной биологии получили реализацию характерные для всей сегодняшней науки методологические обновления: совершился переход от редукционизма к интегративизму, дающий постижение не отдельных функций, элементов, но целого организма. Это приближает возможность увидеть истинную разницу между всем миром животных и человека, выявить биосоциальную целостность последнего [75].

Успехи рождают новые проблемы на этом пути: сегодня несоизмеримо возросший объем имеющихся уже знаний обгоняет уровень их понимания, освоения. Возникает информационная перегрузка науки, все острее встает задача повышения емкости знаний, сжатия информации. Эту задачу, по словам основателя синергетической парадигмы новой науки Г. Хакена можно решить «переходом от необходимости рассматривать действие и поведение отдельных частей... к описанию всей системы» [150, с. 42]. Вкладом биологии в решение этой задачи академик Л. Л. Киселев назвал ставший реальностью ее новый раздел – биология человека. «Мы вышли на новый уровень познания человека, – отметил он, – опираясь теперь на его биологические свойства. Философы, обществоведы, социологи должны как можно теснее взаимодействовать с новой биологией, чтобы такое сложное явление, как человек, познавать комплексно, с разных сторон, в совокупности и взаимодействии его биологического и социального начала. Это будет взаимно интересно» [75, с. 200]. Это потребует существенного изменения приемов, способов, подходов в изучении становящихся объектов, переосмысления, а порой и

переоткрытия известных уже их свойств, уточнения смысла старых понятий, введения новых.

Постнеклассическая наука обратилась к новому мышлению, использовав рождающуюся синергетику в сочетании с системным подходом. Сегодня системно-синергетический подход входит в общую теорию сложных самоорганизующихся, саморазвивающихся систем и обретает характер парадигмы современной науки. Синергетика обращается к уже изученным объектам разных наук, она прилагает к ним попытки экстраполяции моделей и методов этого подхода к объектам социальной философии как к сложным антропосоциальным системам, которые включают деятельность индивидов.

Выводы к Разделу 1

Анализ формирования представлений и взглядов на биосоциальную целостность индивида в историческом аспекте, а также исследование ее становящегося характера, позволило представить социум, самого индивида и его биосоциальную целостность не как результат, а «как результат вместе со своим становлением». Незавершенная и, возможно, незавершаемая биосоциальная целостность, самореализуясь индивидом в обществе, выступает источником дальнейшего развития социума.

Проблема биосоциальной целостности индивида на современном этапе развития науки рассматривается в контексте анализа его взаимодействия с социальным окружением, деятельности и специфического воздействия социализирующих институтов, прежде всего малых групп, в которые индивид оказывается включенным на протяжении всей своей жизни. Наиболее распространенное в современных исследованиях понимание сущности биосоциальной целостности индивида можно интерпретировать как процесс наиболее полного выявления и реализации индивидом своих возможностей, достижения намеченных целей в решении лично значимых проблем, что позволяет реализовать индивиду свой биосоциальный потенциал

максимально полно. Хотя понятие биосоциальной целостности достаточно употребимо в научной сфере, на сегодня практически отсутствует глубокий анализ онтологических и гносеологических основ биосоциальной целостности индивида и влияния социального пространства на указанное свойство индивида. Считаем, что проблема биосоциальной целостности индивида как объект философского изучения наиболее адекватно исследуется в рамках естественной среды для индивида – социуме и его структурных элементах – малых группах общества.

Показано, что применение синергетического подхода в исследовании системы «общество-индивид» выявляет механизмы самоорганизации сложной системы и действие ее побуждающей «социальной силы». Социум как сложная система проявляет свойство эмерджентности, или способности передавать составляющим элементам спонтанный импульс. Индивиды, направленные жизнедеятельной практикой общества, деятельно-активным проявлением воздействуют на социальную систему и обеспечивают обществу выход на качественно новый уровень и способность вновь порождать и развивать у составляющих, т.е. у индивидов, их человеческие свойства. В синергетике такого рода циклически повторяемое взаимодействие целого и элемента принято называть взаимоиндукцией, при этом элемент характеризуется как ведущий параметр всей системы.

Результаты исследований, представленных в Разделе 1, нашли отражения в следующих публикациях автора:

Здоровье человека техногенной цивилизации – знать и иметь // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского – Симферополь: Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, 2008 – Том 21 (60), № 4 – С. 305 – 310. – (Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія).

К парадигме «здоровьеформирование» // «Развиток научных исследований `2005»: материалы международной научно-практической конференции, (7–9 листопада 2005 р., м. Полтава) – Полтава: Вид-во «ІнтерГрафіка», 2005. – Т. 4. – С. 67 – 72.

Гуманизм как воплощение ценности человека // «Научные исследования – теория та эксперимент `2006»: материалы второй международной научно-практической конференции, (15 – 17 травня 2006 р., м. Полтава) – Полтава: Вид-во «ІнтерГрафіка», 2006. – Т. 3. – С.159 – 162.

РАЗДЕЛ 2

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ИНДИВИДА КАК РЕЗУЛЬТАТ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЕГО В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Отношение человека и общества к Земле и к Космосу, абиотическим и биотическим факторам окружающего мира, к исторически сложившейся цивилизации и современности, к взаимодействию производства, культуры, обмена, распределения и потребления в материальной и духовной сферах общественной жизни, к большим и малым факторам жизни людей – все эти исследования ценны лишь в контексте системы связей между всеми явлениями общества и человека [5, с.221].

Во втором разделе работы решается задание показать становящийся характер биосоциальной целостности индивида и индивида как элемента общества, которое вступает в переходной этап своего саморазвития. Осветив выход общества на концептуальный уровень подхода к вопросам, которые не решены на сегодняшний день, но требуют неотложного их прояснения и в общетеоретическом, методологическом и в практично-

прикладном аспекте, обратимся к феномену «гражданское общество» с целью осуществления социально-философского анализа этого феномена (пусть в его конкретно-историческом проявлении) и особенностей его как переходного периода в истории, который отмечен, прежде всего, проявленной сознательной и самоорганизованной активностью значительной части общества, т.е. граждан, которые активно влияют на обеспечение организованной, стойкой жизнедеятельности общества, на реализацию свободной, комфортной жизни членов общества и их участия в саморазвитии, в самореализации своих потенциальных возможностей. Материалы предложенного раздела работы раскрывают следующий за постиндустриальным обществом этап – гражданское общество, в объединениях которого происходит самореализация биосоциальной целостности индивидов, превращаемая в их активную жизнедеятельность, что обеспечивает последующее усовершенствование общества и новые возможности улучшения условий саморазвития его членов. Все эти процессы, которые составляют единую деятельность, которая осуществляется во взаимодействии целостного общества с каждым индивидом, составляют социализацию. Генезис и природа самого гражданского общества отражается на меняющемся характере социализации индивида. Социализация может быть рассмотрена как проявление сложными системами способности к воспроизведению самоподобия, как механизм взаимодействия системы и элементов по принципу рекурсивного круга. Рассматривая социализацию, которая совершается как процесс сопряжения совместных усилий, направленных на реализацию потенциалов человеческой природы индивида, сопряженными усилиями самого индивида и общества в их взаимодействии, возможно применять модель системно-синергетического подхода, который раскрывает свойство антропо-социальных сложных систем, такое как эмерджентность, т.е. способность самовоспроизводства и передачи самоподобия.

Применение модели общей теории саморазвивающихся систем позволяет по-новому увидеть и оценить взаимосвязи между составляющими системы «социум-индивид», совершить попытку раскрыть механизм самоорганизации и саморазвития этой системы в социальной динамике. Факт рождения гражданского общества является подтверждением того, что главный детерминирующий момент саморазвития общества – это следствие качественного этапа развития биосоциальной целостности индивида, его способности к самореализации во взаимодействии с саморазвивающимся социумом. Детально прослеживая многоуровневость и непрерывность проявления эмерджентности в сложных социальных системах, в пространстве объединений гражданского общества – больших и малых групп, можно определить их посреднические функции при контакте индивидов и взаимодействии между собой и социумом. Подобный анализ придает жизненности пребыванию в социуме индивида, который непрерывно реализует потенции активной жизнедеятельности, на фоне которой актуально значимо выступают и проблема индивида, по изменению себя, и проблема окультуривания его свободного времени.

2.1. Индивид и его социализация в гражданском обществе.

Основываясь на результатах исследования, проведенного в первом разделе и выводах к нему, где ведущим положением является то, что проблему биосоциальной целостности индивида, возможно, адекватно рассматривать в контексте анализа его взаимодействия с социальной средой, мы обратились к проведению аналитического междисциплинарного обзора исследований гражданского общества как феномена современного социума.

Начнем с понятия «общество» и остановимся на определении, предложенном российским социологом и политологом, философом И. И. Кравченко в его последней работе «Государство и общество» [85] «Общество – это неприродная совокупность людей, объединенных общей исторической судьбой, общей территорией, совместной жизнедеятельностью, общей политической жизнью и политической активностью, включающей формирование государства» [85, с. 22]. В этой смысловой нагрузке понятие общество нами было использовано при анализе системы «индивид – общество» и рассмотрении сложной системы и ее элементного состава.

Политологами (К. С. Гаджиев, Э. А. Ключенко, О. А. Россомахина, Ю. Ю. Руденко, В. В. Шагли) отмечено, что в отдельных контекстах, когда необходимо подчеркнуть включенность индивидов в целостное множество, объединяемое своей совместной жизнедеятельностью в границах определенной территории, термин «общество» выступает как синоним термина «государство», которое в своей общности организуется политическими, и экономическими, и юридическими, и нравственными, а также – культурными и религиозными началами. Каждое из этих начал образует сложную функциональную государствообразующую систему. Все системы функционируют одновременно и совместно, хотя участие какой-либо из них может быть на время незаметным (мораль, право, культура и др.). В любом обществе – государстве эти системы бывают представлены, они однородны по своим функциям, (т.е. универсальны), формируются в единстве и способны действовать инклюзивно, т.е. включаться в другие системы (лат. *includere* – внедряться, проникать). Эти системы, а также любые объединения, образующие структуру социума, могут осуществлять в обществе свою политику, т.е. выступать в качестве субъектов управляющей деятельности. При этом политика понимается не как прямая политизация, а в «гораздо более полном, чем это принято смысле», как «процесс выбора цели и средства ее достижения, принятия

решений, начиная с замысла, составления проекта и плана действий и кончая получением желаемого результата» [93: 231].

Политологи термин «политика» употребляют, когда говорят о государстве, имея в виду политическую систему и её проникающее воздействие на все остальные сферы общества. Термин «государство» при этом служит для обозначения «центральных руководящих институтов политической системы, направляющих и регулирующих функционирование других общественных систем, вносящих в них политическое начало» [40, с. 99].

Характеризуя судьбу гражданского общества в трудах социальных политиков, И.И. Кравченко пишет: «Первым реальным шагом в формировании гражданского общества считается подписание в 1215 г. английским королем Иоанном безземельным «Великой хартии вольности», утверждавший право человека быть свободным и определенных рамках автономным по отношению к государству» [85, с. 32].

Несмотря на то, что современные исследователи отмечают зависимость гражданского состояния от уровня развития правовой системы, демократических институтов и принципов. Демократия есть политическая форма функционирования гражданского общества. Вместе с тем, отечественный юрист А. Т. Кучерена полагает, что «гражданское общество как исторический феномен существует около трех тысяч лет, начиная с государств Древнего мира» [90, с. 289].

В тексте одного социально-политического исследования приведены слова бывшего посла Великобритании в Российской Федерации Родерика Лэйна. «Развитие демократии занимает очень много времени – это правда,- говорил он. – Например, моей стране для этого потребовалось около пяти столетий» [106, с. 147].

Гражданское общество как достижение прогрессивного развития общества в странах сталинско-брежневского Советского Союза,

гитлеровской Германии, в маоистском Китае, а квазисоциалистических режимах Восточной Европы имело свою, сложную судьбу. Проблема взаимоотношения государства и гражданских институтов решалась в пользу государства. Гражданская активность в условиях тотального государственного контроля над общественной жизнью в той или иной степени подавлялась властью. Возможности гражданской активности – экономические и социальные элементы базирования групповых гражданских интересов (такие, как рыночные структуры с экономической свободой и конкуренцией, независимые профессиональные союзы и ассоциации, суды присяжных, разнообразные политические партии и идеологические течения со свободой слова и независимостью средств массовой информации) были разрушены или деформированы. В Советском Союзе с 50-х годов, когда уже менялась и природа советского государства, все население представляло некоторое государственное общество, где под строгим партийно-государственным контролем создавались и действовали негосударственные общественные организации, стимулируемые установками единой идеологии, осуществляли превращенные, а не подлинные акты гражданской и политической активности [61]. Это послужило основанием для ряда исследователей утверждать в своих публикациях, что в авторитарных и даже в тоталитарных государствах власти создавали различные общественные организации неполитического характера, которые обслуживали, конечно, режимные органы, но одновременно служили определенной части общества, по крайней мере, своим членам. Так, например, Я. Пляйс выражает уверенность, что и в наши дни следует выделять в таких случаях особый тип – програжданское общество. При этом он отмечает, что «основная функция структур, создаваемых по воле или с великого благословения всесильного тоталитарного или авторитарного государства – служение этому государству, в то время как служение людям стоит на втором плане. При зрелом гражданском

обществе все как раз наоборот. Эта разница весьма существенная, но все, же не принципиальная» [117, с. 72].

Естественно, так проявляется близость «реального социализма», ядром которого – принцип общественного самоуправления, постоянно освещающая программу развития социалистической демократии «через укрепление государства». Сегодня, если западные эксперты измеряют прогресс в развитии гражданских структур количеством возникающих неправительственных организаций, то мы – тем, насколько полно государство погружено в этот процесс, как много мероприятий гражданского якобы характера проведено с участием государственных лиц и с помощью власти [136, с. 420]. Национальное мышление видит беды страны, прежде всего в отсутствии какого-то ответственного звена и сочувственно воспринимает сетование власти на то, что она все еще недостаточно сконцентрированная без прочных «вертикалей». Национальное мышление чрезвычайно вяло реагирует на идеи ответственного распределения властных прерогатив и государственных функций среди субъектов гражданских отношений, самоуправляющихся социальных корпораций и ассоциаций, способных регулировать свои взаимоотношения не по принципу принуждения и подчинения, а на основе взаимных соглашений и обязательств, то есть своего рода «общественного договора». Это значит, что нам не дано пока, воспринимать и понимать общество в его автономности от политической жизни, от государственной оболочки, как самостоятельную и самодостаточную сущность, исходную для всех иных функций и образований, принципиально первичную структуру, в которой реализуется основной жизненный процесс человека и его интересы. Таким образом, наши затруднения в восприятии сущности, а значит и в укреплении реальности гражданского общества каким-то образом связаны с особенностями национального самосознания. Мы находим, что человеку проще представить себя в контексте запутанных и неустойчивых

государственных отношений, нежели в системе гражданских взаимозависимостей и социальных связей, которые нужно еще налаживать самим [136, с. 427].

Однако абсолютное большинство современных публикаций выдвигают принципиальное возражение против такой оценки гражданского общества, в котором при тоталитарном и авторитарном режиме могли бы функционировать самостоятельные и независимые от государства общественные институты, призванные обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, ибо не может быть свободной личностью, где монополия на власть подчиняет себе все источники жизнеобеспечения людей, лишает их свободы экономического выбора, а создаваемые властными органами организации способствуют лишь жесткому контролю государственных структур над личностью.

Глубокую характеристику усилиям государственных институтов, налаживающим самоорганизацию и самоуправление для преодоления отношений отчуждения в трудовых и творческих коллективах в ракурсе современной теории управления, дает профессор А. В. Бузгалин [30, с. 404]. Он останавливает внимание на примерах переходных форм, направленных на преодоление отчуждения в условиях реалий советского периода приводит движение по организации участия рабочих в управлении и самоуправлении, по крайней мере, в простейших его формах по учету и контролю. Материалы подобной практики в 50-60-е годы ушедшего века получали довольно широкое освещение в печати, естественно, нередко сохраняя следы лакировки, преувеличения. Авторитарно-бюрократический стиль насаждения и курирования подобных мероприятий проистекал из тоталитарной природы самого общественно-политического строя, из «превращенной» формы строящегося социализма [30].

Изучение проблемы гражданского общества в рамках государства в Восточной Европе практически началось в последнем десятилетии

прошлого века, но активный интерес к ней породил поток литературы – монографической, журнальной, газетной. Зарубежными авторами отмечается, что идея гражданского общества направляет трансформационные процессы нового века во всей Восточной Европе и бывшем СССР, что сложилась атмосфера некоторой одержимости этой идеей как идеалом «хорошего общества», как панацеей от всех трудностей переходного периода [58, с. 120].

Вместе с тем, разноголосица толкования проблемы в целом термина в ходе обсуждения, в спорах политиков и их призывах строить гражданское общество велика.

Прежде всего, нельзя не отметить тот исторический факт рождения гражданского общества как феномена демократических начал организации жизни общества, и естественно, политической сферы с её юридическим закреплением относится в разных исследованиях к разному времени.

Правительства большинства стран с рыночной экономикой заявили в современных условиях о том, что относят себя к гражданскому обществу, что все необходимые институциональные предпосылки для самоорганизации граждан в этих странах обеспечены, социальные отношения и институты действуют в условиях рыночных отношений (частное предпринимательство, прибыль, конкуренция, движение капиталов и пр.), а такие социальные институты как парламент, независимый суд, адвокатура, свободная пресса, общественные контролеры и различные правозащитные объединения предоставлена возможность подчинять деятельность государства общественным интересам [61, с. 277]. Реализация всех этих предпосылок, в значительной мере ориентированных на тенденции устойчивого развития и усовершенствования всего жизненного процесса человека, сохранности и обеспечения его индивидуальных прав и свобод заняли действительно не десятилетия, а столетия. Многие годы совершался непрерывный

процесс усвоения накапливающегося всеускоряющимися темпами опыта, осмысления и конструктивного переустройства обжитого мира становящегося гражданского общества как формы исторически неизбежного типа буржуазной цивилизации. И в общей адаптации индивидов к этой новой социальной реальности трансформировалось общественное мышление. Мощный процесс стихийного обновления мировоззренческой картины мира и устремленные усилия духовной элиты Западной Европы, составил целую эпоху, вошедшую в мировую историю как «эпоха Просвещения».

Как предпосылку гражданского общества характеризует практическую философию в одноименной статье Ю. Н. Солонин [136]. Он показывает разработку идей гражданского общества как условия жизни «частного человека» и внедрение их в общественное сознание и включение огромных интеллектуальных сил Европы, развивших тему исследования до целой отрасли духовной культуры человечества. Название Практическая Философия отвечает контексту динамики философской мысли в последние два столетия, профессиональной интенции участвующих исследователей, а также предмета и цели. Работа состояла частично в изменении всей структуры мышления массового человека, «не единичного, не отдельных личностей, а сознание всего общества в целом. В привитии ему иных ценностей, иных мотиваций и оснований понимания сущности общества, своего места в нем, смысла собственных интересов, средств и способов их достижения, своего долга и обязанностей, границ между правами, как коллектива, так и индивида и многое другое» [136, с. 430].

Неоднозначно решается вопрос о том, кто же представляет гражданское общество в социуме первого десятилетия XXI века, какими слоями общества оно будет представлено позже, на уровне более высокой зрелости. Полагают, что гражданское общество это – авангардная, перспективная, развивающаяся часть общества, это опорная сила для

государства (т.е. для руководящей силы страны), способная быть с нею в партнерских отношениях и вести за собою остальную часть общества. Эта часть представлена активными гражданами: в конце XIX – начале XX веков как новый класс, а со второй половины XX века как средний класс, чем подчеркивается классовый – мелкобуржуазный и среднебуржуазный характер общественной среды, а у её представителей – проявление дополнительных свойств: высокий профессионализм в конкретных видах деятельности и неременное обладание собственностью [21].

Неясность состава индивидов, образующих гражданское общество в настоящий момент остается; вводимые термины типа «элита», «социальная элита» ясности не вносят. В ходе философской дискуссии отмечено высказывание английского профессора Яна Шольте, который заявил, что не следует включать в состав гражданского общества представителей политических партий ввиду их активного, открытого воздействия на формирование властных органов. Российский философ Н. В. Мотрошилова возражает такому подходу к вопросу о составе объединений активно действующих граждан как членов гражданского общества, напомнив, что на Западе уже запущен в действие потенциал гражданского общества, который складывается из активных действий самых широких слоев населения. Это участники деятельной помощи в организации и удержании порядка в сфере социальной жизни общества – граждане, объединяющиеся в малые и средние группы типа *grass roots* (англ. – корни травы). Эта деятельность служит самовоспитанию населения в духе гражданственности. Этому учатся разные слои населения [104, с. 106]. Социолог Т. И. Заславская выделяет среди населения Восточно-европейских стран многочисленные слои и группы с высокой нравственностью и трудовой ориентацией в жизни, не причастные к коррупции и к махинациям, обладающие хорошим образованием и высоким интеллектуальным потенциалом и называет их «базовым слоем» общества. Это люди «отличаются гражданской

зрелостью, но по вине государства и властей попали в зону бедности, в зону борьбы за выживание, отнимающей у них силы» [60, с. 174]. Но именно их организованность в будущем – резерв гражданского общества.

Пробуждение гражданственности на пути к гражданскому обществу необходимо, требует воспитания «сословий» бизнеса, богатых и обеспеченных людей. Всему населению страны, приступившей к самореформированию власти, к созданию деятельных гражданских ассоциаций должно быть понятно, что гражданских прав и обязанностей каждому члену общества недостаточно, что одной активности в политическом пространстве для выполнения своего гражданского долга не хватит [100, с. 3].

Гражданином страны человек является не только тогда, когда идет на выборы. Его первейшая и именно гражданская функция, в чем прав Гегель, – честное, ответственное, «справедливое», как говорили еще Сократ и Платон, выполнение своих функций, своего дела в семье, в трудовой деятельности, в сферах повседневного общения с другими людьми. Спасатель, милиционер, врач, учитель, чиновник и другие нарушают также и гражданский долг, если идет против правовых и моральных норм и принципов, выработанных для его профессии, «сословия», для его социальной роли. Так и родители, бросившие на произвол судьбы, сделавшие беспризорниками собственных детей, нарушили элементарный гражданский долг [104, с. 4]. Но социальность общества определяется формированием в общественном сознании общей цели и смысла движения к гражданскому обществу, общественным мнением – убежденностью: самоорганизация общества возможна только при ответственности и высокой сознательности каждого, т.е. при гражданственности всех.

Неоспорима важность проблемы становления гражданского общества как основной цели для нашего общества на современном этапе. Но является ли эта цель нашего общества целью каждого отдельного

гражданина? Думаем, что нет, так как человек стремится к удовлетворенности жизнью, реализации себя как личности, сохранению чувства собственного достоинства. Но в этих стремлениях, каждый осознает и побуждает окружающих к осознанию того, что жить надо именно так, будучи субъектом, способным определить свое место в обществе.

Полномерная реализация стремлений для каждого возможна именно в гражданском обществе. Простейший анализ показывает, что гражданское общество как социальное образование является условием, средой, т.е. средством реализации для человека его стремления к удовлетворенности жизнью. Слагая частные устремления и действия граждан, основанные на верховенстве права, дабы их реализация не ущемляла интересы и свободы других, государство частично прослеживает процесс жизнедеятельности общества. Однако невозможно определить направленность этого процесса и факторы, которые влияют на его скоротечность, не зная толкования и признаков того типа социального образования к которому приведет самоорганизация общества.

Позиция ряда современных философов, политологов, социологов (М. Б. Билалов, И. А. Гобозов, Г. Н. Гумницкий, Е. А. Когай, О. В. Козлова, А. С. Колесников, А. Н. Чумаков, Я. С. Яскевич и др.) заключается в том, что мы движемся по пути к гражданскому обществу, и практически каждый ученый пытается дать определение гражданскому обществу, описать его признаки, выделить этапы его становления и т.д. Но, изучая работы, направленные на проблему формирования гражданского общества мы не могли не заметить разность акцентов этих определений. В некоторых случаях создается впечатление, что авторы, одинаково называя изучаемую проблему, по-разному трактуют понятие «гражданское общество». Использование понятия, которое толкуется и понимается по-разному, не может привести к конструктивной дискуссии.

Есть необходимость четкой терминологической характеристики понятия «гражданское общество», обозначающего определенное конкретное социальное образование. Как известно, главными требованиями к термину считают системность, которая касается понятийного смысла, словесного выражения и соответствия между содержанием и формой, соответствие обозначаемому понятию, однозначность и конкретизацию в границах терминосистемы [131].

Раскрывая сущность понятия «гражданское общество», необходимо учитывать, что закономерности, в частности социальные, не законы физики и действуют не везде одинаково. Как правило, эти закономерности не обладают универсальным статусом, так как опосредуются рядом факторов – особенностями культуры, доминирующего национального сознания, наконец, цивилизационной спецификой. И реализация этих закономерностей наталкивается порой на дилеммы, которые способны вообще блокировать их осуществление [78, с. 50].

В работе осуществлена попытка осмысления аксиологической амбивалентности оценки современных украинских реалий, затрудняющих неизбежное продвижение социальных преобразований и, соответственно, становления в нашей стране гражданского общества.

Представления о гражданском обществе формировались в рамках западной либеральной концепции, исходящей из того, что разумно организованное общество способно породить в мире совершенный порядок, основанный на здравом смысле, науке и справедливости, а государство, основанное на этих началах, гарантирует единство общественной жизни и обеспечивает прогресс, высшая цель которого – личная свобода, массовая политическая и экономическая активность граждан, и социальная защищенность [61].

Гражданское общество – это разумно организованное общество, а разумность организации предполагает учет многих особенностей

исходного состояния общества, с момента, когда взят курс на формирование гражданского общества.

В литературе нередко можно встретить выражение «мы строим гражданское общество» [49, с. 122]. Сторонники построения гражданского общества исходят из должного, а не из сущего. Гражданское общество – сложнейший организм, формирующийся на протяжении многих веков не по распоряжению властей сверху, а по инициативе общественных негосударственных структур снизу. И его формирование зависит не только от наличия частной собственности и демократии, но и от традиций народа, его менталитета, сознания индивидами своих интересов и готовности их отстаивать [49].

Гражданское общество формируется снизу – это основа теории гражданского общества, и в первую очередь данный процесс должен проявиться через ассоциации граждан, через гражданское сознание, сама власть при этом не обладает гражданским сознанием [80, с. 102].

Вопрос о природе возникновения гражданского общества и подчиненность этого процесса конкретным исходным политическим, экономическим, социальным и пр. условиям не менее важен, чем вопрос его сущности. Как замечает М. И. Билалов, многие из прежних параметров гражданского общества или утрачены, или трансформируются. К таковым можно отнести доминирование частной собственности, рыночной экономики, ставку на рационализм, индивидуализм в общественной жизни. Но при ориентире на них необходимо учесть их существенное изменение даже в странах с устойчивыми традициями гражданского общества. Ныне в наиболее продвинутых странах идет процесс становления глобального гражданского общества, который подвергает заметной трансформации эти и другие значимые и знаковые стороны классического гражданского общества [24, 88].

В связи с этим, когда в определении приводится ряд признаков, черт и знаковых сторон, возникают различные толкования понятия «гражданское общество». Так, И. А. Гобозов отметил, что основными признаками и условиями функционирования гражданского общества являются: универсальное правовое государство, возможность легального существования неофициальных социальных институтов и учреждений, доминирование социальных связей над личностными, личностное начало, свобода и ответственность, развитое самосознание личности. На основании указанных признаков было дано определение гражданскому обществу – это такое общество, в котором существуют неофициальные структуры в виде различных организаций, социальных институтов, движений, комитетов, ассоциаций, сообществ, собраний и т.д., действующих в рамках юридических законов и норм и оказывающих заметное влияние на официальные органы власти [49, с. 122].

В предложенном определении не нашлось места очень важной составляющей существования и функционирования гражданского общества – частной собственности, которая и является, по мнению А. Н. Чумакова, основой свободы человека, а также началом практического пути: от обретения частной собственности к свободе; от свободного человека к гражданину и, как следствие, гражданскому обществу; от гражданского общества к демократии [159].

Не согласен с данной постановкой вопроса Г. Н. Гумницкий, который критикует позиции либерализма, не принимает роли частной собственности в формировании свободного человека, которому есть что защищать и отстаивать, у которого есть основания независимо, имея запас материальной прочности, в виде частной собственности, мыслить и действовать во имя своих гражданских позиций и свобод. Он намеренно выдвигает на передний план в вопросе формирования прогрессивного общества человека «счастливого», обладающего положительными и, несомненно, прекрасными качествами: чувством исполненного долга,

чистой совестью, ибо человек ведет нравственный образ жизни, следует принципам гуманности и справедливости, подчиняет свою жизнь интересам общества, народа и служащего ему государства. Чем не утопия? Автор продолжает, что частная собственность несовместима с социальностью человеческой природы и не может быть той экономической основой, которая способствует обретению людьми свободной и счастливой жизни. Эту основу Г. Н. Гумницкий усматривает в организующей роли «сильного государства», для которого единственно истинной и научной была и остается идеология социалистическая, основывающаяся на теории марксизма [51, 97].

Какое же государство нужно обществу – сильное или правовое? Если рассматривать гражданское общество в историческом аспекте, то понятно, что оно может сформироваться и функционировать в правовом государстве и наоборот, формирование правового государства в современных условиях возможно, лишь на основе развитого гражданского общества, как системы самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализацию частных интересов и потребностей. Самим же базисом гражданского общества, как считает Я. С. Яскевич, является многоукладная рыночная экономика, плюрализм форм собственности, самостоятельность субъектов хозяйствования. Гражданское общество как совокупность организаций, объединений граждан, а также правовых норм, ценностных установок, идей и представлений, реализует через них групповые и частные интересы членов общества и необходимое для этого взаимодействие с органами государственной власти [174, с. 41]. Автор считает, что становлению гражданского общества не противоречит междисциплинарный поиск по формированию идеологических приоритетов, как на государственном, так и негосударственном уровнях.

Как же соотносится гражданское общество и правовое государство, можно ли выделить первичное и вторичное, или это взаимодополняющие друг друга стороны цивилизационного процесса. Функционирование гражданского общества возможно на основе права, жизнь правового государства поддерживается постоянным совершенствованием управленческой и правовой систем и контролем их со стороны гражданского общества. Гражданское общество и правовое государство развиваются и формируются параллельно, проходя вместе различные этапы и периоды противостояния и сотрудничества, трансформируясь и изменяясь, но при условии, что движение в развитии направленно на благо человека и приводится в действие самими, же людьми, которые стремятся к удовлетворенности жизнью в рамках правового поля.

Как отмечает А. С. Колесников, в науке, по меньшей мере, имеется два принципиально различных подхода к природе гражданского общества, связанные с его широкой и узкой трактовкой. Одни характеризуют его как общественную систему в целом, достигшую определенного уровня социально-экономического, культурного развития и обладающую всеми признаками цивилизованности (рыночная экономика, демократия, соблюдение прав человека и т. д.). Другие рассматривают данное общество как особую систему, противостоящую государству, систематизируя все научные представления, сложившиеся в рамках рассмотрения гражданского общества как особой сферы социума, как негосударственную общественность и негосударственную частную жизнь. Гражданское общество рассматривается с этой точки зрения либо как вся сфера негосударственной жизни социума, либо как ее частная или, напротив, общественная сфера, обладающая значительной степенью автономии по отношению к государству.

Понятие «гражданское общество» содержательно раскрывается в следующих аспектах: обыденно-традиционном, моральном, политико-

правовом, социально-экономическом – каковые и составляют основные моменты «модели гражданского общества». Так, признаками гражданского общества считают активность членов общества в процессе принятия политических решений, гражданскую свободу, защищенную правами и ограниченную обязанностями, демократический принцип правления, принцип неотъемлемости естественных прав, важнейшим из которых представляется право частной собственности [81, с. 51–52].

Среди указанных черт гражданского общества для каждой национальной и ментальной традиции характерны свои значимые черты. В. А. Конев выделяет требуемую для нашей (постсоветской) традиции черту – способность граждан государства судить о нем, влиять на его действия с одной стороны, и способность членов общества влиять на изменение социальных отношений и на общественные события с другой. Поэтому гражданское общество постсоветской традиции может быть основано именно на образовании и воспитании индивида, способного ориентироваться на нравственные ценности. Поэтому путь к гражданскому обществу лежит через образование, ориентированное на воспитание, на формирование свободного критического мышления индивида [83, с. 33–34]. Становление гражданского общества невозможно без развития разного рода общественных организаций, которые выступают своеобразным средним звеном между государством и большинством граждан [32, с. 50]. Одна из основных характеристик сегодняшнего обустройства гражданского общества в Украине и «ее неперенный атрибут – деятельность, направленная на усовершенствование форм взаимосвязи между людьми» [91, с. 116.].

Понятие «гражданское общество», как бы излучая демократию, верховенство закона, свободы, равенство, солидарность, плюрализм, тем не менее, настолько трудно уловимо, что напоминает улыбку Чеширского кота (имеется в виду, что моральная привлекательность гражданского общества есть, а самого его нет), «Ускользание» гражданского общества

не есть своеобразие его настоящего, оно характерно для всей его истории. Спектр представлений о гражданском обществе в историческом контексте достаточно широк: оно понималось как общество вообще, как моральная категория; оно не противопоставлялось государству, оно было призвано восстановить справедливость; выступало как теоретическое понятие, как политическая мобилизирующая идеология, как предмет культурного воображения [118, с. 82–83].

На наш взгляд гражданское общество формируется по мере того, как все члены общества становятся в равной мере свободными субъектами, обладающими естественными и неотчуждаемыми правами и свободами. Возникает гражданская политическая культура.

Соблюдение прав и свобод человека – показатель зрелости демократических и правовых основ государства, его «качества», способности обеспечить свободную и достойную жизнь людей во всех сферах их деятельности – политической, личной, социальной, экономической и культурной. Путь к гражданскому обществу в Украине лежит через гражданскую активность и сознание членов общества, выражаемые посредством ассоциаций граждан и при условии возрастания плотности этих ассоциаций в обществе. При таких условиях возможны контроль над соблюдением права и движение к его верховенству. На фоне отлаженной правовой системы возможно функционирование многоплановой рыночной экономики (без двойных стандартов), следствием которой выступит накопление легальной частной собственности (в отличие от частной собственности большинства граждан сегодняшней Украины). Такая ситуация послужит фундаментом обретения свобод на основе частной собственности.

Гражданское общество – феномен естественно – исторического процесса. С его возникновением в ходе истории образуется, стихийно складывается, структурируется (в виде институтов социума, групп, организаций или «корпораций», как их именовал в свое время Гегель)

множество объединений членов общества, активно влияющих на различные сферы социальной жизни, и способность такого влияния, получив в результате их объединения. Образование такого рода возникло сравнительно недавно и прошло свой путь от начала XIX века до наших дней [168].

Социально-философский термин гражданское общество обозначает не просто совокупность жителей страны или планеты. В объединении с термином «общество» термин «гражданский» выражает особую природу, качественное состояние самого объекта и трансформацию индивидов, его составляющих.

Термин «гражданин», если судить по справочным изданиям второй половины XX в., составляет характеристику лица, принадлежащего к определенному государству, чья Конституция и Закон о гражданстве утверждали за ним определенные права и обязанности, например, избирательное право [165, с. 469]. Иными словами, термином «гражданство» в СССР и странах Запада подтверждалась правовая и политическая принадлежность лица к данному государству, взамен термина «подданство», который в обществе с монархической формой правления служил выражением иного характера общественных отношений (докапиталистических). Замена такого рода явилась выражением изменений природы самого общества и положения в нем его членов: гражданин оказывался субъектом формирования государственной власти, тогда как подданный был лишь объектом её воздействия.

К. Маркс считал, гражданское общество продуктом закономерного развития общества, проявлением самоорганизации общественного организма «Возьмите определенную степень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенное гражданское общество» [96, с. 402]. С ликвидацией буржуазного строя, – полагал он, – отпадает необходимость в гражданском обществе и государстве.

Демократизация режима, упрочнение правовых основ жизни общества вызывали изменения в образе жизни людей, в их общении между собою и внутри социальных институтов, в формах объединения и организации последних. Как подчеркнуто М. С. Каганом, освобождение индивида несло гуманизирующее проявление демократических нововведений рождаемых капитализмом: «на смену безликим индивидам с доличностными мифологически-феодалным «мы-сознанием», с закреплением сословных прав и обязанностей, «намертво» определяющих принадлежность человека к дворянству, духовенству, его включенность в крестьянскую общину, в ремесленный цех, в торговую гильдию, объявлялось право самосознания человека, провозглашалось право выбора каждым, его самоидентификация» [68, с. 216].

Все это получило закрепление в юридических документах – биллях, декларациях, конституциях. Основным признаком демократического способа организации совместной жизни людей стало правовое закрепление в правах личности, юридически узаконивших ценность человека, независимо от его социального положения, этнической принадлежности, пола, возраста, вероисповедания.

Гражданское общество, как и личность, было новоевропейским образованием, оно породило демократическую форму бытия социума [68, с. 215]. Но, в свою очередь, оно воспроизводилось самой демократией, являло собою силу активизации масс. Массы во имя укрепления демократических прав и свобод и законной автономии личности самоорганизовывались и образовывали свободные, инициативно возникающие объединения, сообщества, институтизированные организации, независимые от политической власти и способные воздействовать на неё.

В Украине жизненно важной задачей является «постепенное пробуждение у людей здоровых потребностей, собственного достоинства, честности, гражданской активности и ответственности, иными словами,

их превращение из «правимого населения» (по М. Грушевскому) в свободных самостоятельных и социально-активных, способных контролировать власть и не допускать её поворота, а иерархическому режиму или автократии» [58, с. 119]. Здесь выделена способность ранее управляемого («правимого») населения осуществлять контроль над властью, предотвращать отход политического режима в стране от курса демократии. Действительно, мысль о гражданском обществе наполнена смыслом противоположения всего населения страны и политического аппарата власти, противостояния их как сторон целого. Усилия властных органов и активизированной части жителей являют собой взаимное противодействие друг другу, а в случае баланса их сил действуют как упорядочивающее начало, как регулятор жизни общества. Это отчетливо проступает в судьбах государств и народов.

Самоорганизация социума на современном этапе истории, т.е. становление гражданского общества с совершенствующимся в нем индивидом предстает действительно как человекоразмерный процесс, где впервые индивид и общество взаимодействуют в достижении биосоциальной целостности *homo sapiens*.

Процесс социализации как взаимодействие в системе «общество-индивид» выполняет социальную функцию воспроизводства субъекта социально-исторического процесса, обеспечивает преемственность цивилизации и культуры, поддерживает равновесие и устойчивость развития общества, рост самосознания и самореализацию его членов.

Рассмотрение используемого в социально-философских и психологических исследованиях термина «социализация» засвидетельствовало широту и выраженную двусторонность обозначенного этим термином процесса. Социализация как процесс взаимодействия социума и индивида предусматривает как воздействие социума на индивида, так и воздействие индивида на социальную среду посредством своей активной преобразующей деятельности. Отмечают три

сферы социализации – деятельность, общение и самосознание (с самоопределением, самореализацией, самоутверждением и самооценкой индивида) [102].

Социализация может быть рассмотрена как процесс и как результат взаимодействия индивида с социальным пространством, представленным гражданским обществом, которое пребывает на этапе становления и трансформируется посредством влияния на него индивида.

С момента включения индивида в совместное участие в избранной деятельности, во взаимодействие всей группы, индивид действует сопричастно с общественными процессами, осуществляет конструктивные усилия мысленного и реального обстраивания социальной сферы. В исследованиях европейских и особенно американских социологов делается особый упор на структурные трансформации социума и на деятельное взаимодействие между собою индивидов. Во множестве возникающих в XX веке теорий проявлялось влияние Т. Парсонса и структуралистских позиций Р. Мертона, которые отстаивали установку на индивида как на структурную единицу, полностью интегрирующуюся в целое (социальную систему), т.е. осуществляющую, надо понимать, процесс односторонней адаптации [158, с. 18–26]. Активность индивидов мыслилась при этом как взаимодействие их между собою, как активное проявление конкретных ситуативных соприкосновений, которыми и запускался ход общественной истории. Свои исследования (а они выражались в возникновении множества вариантов «теории взаимодействия») сторонники такой установки обращали на исследование жизненных событийных ситуаций в группах, на совместное бытие членов групп, на межличностные акты их активности. Это означало, что социология держала курс на изучение взаимодействующих индивидов в группе как на первооснову исторического процесса. Примером осмысления становились мелкие процессы внутригрупповой динамики, межличностные конфликты, что

заслоняло содержание деятельности группы как социального коллективного субъекта, лишало ее субъектного существования в социальном контексте [158]. В трудах ученых освещались тщательно отслеживаемые результаты простого присутствия или одновременного участия в деятельности других людей, находящихся рядом, выявлялись факты снижения или усиления эффекта работы испытуемых в зависимости от поведения экспериментатора. Надо отметить, что единодушия в такой позиции у социологов уже в те времена не было. Так, Э. Гидденс не соглашался с Т. Парсонсом в вопросе о возможности подмены термина «взаимодействие» выражением «прямое присутствие». Он отстаивал свою трактовку социальных структур, а главное – подчеркивал активную роль индивидов в структуризации общественного организма, предлагая «изучение способа производства и воспроизводства социальных систем – основывающихся на осмысленных действиях актеров, занимающих по отношению друг к другу определенные позиции в процессе взаимодействия» [44, с. 69–70]. Здесь косвенно отмечено, что социальные системы произведены и воспроизведены осмысленными действиями объединенных и, очевидно, организованных для этого – «занимающих по отношению друг к другу определенные позиции» индивидов. «Общности эти, – продолжает далее Э. Гидденс, – обладают особыми структурирующими свойствами, способствующими воспроизводству социальных практик во времени и пространстве» [44, с. 71]. Он возражает Т. Парсонсу в вопросе о том, что посредством «растягивания» (stretching) социальных отношений в пространстве и времени можно «продлить» индивидуальное присутствие [44, 158]. Пусть при этом не употребляется термин «хронотоп», но время и пространство здесь берутся в единстве, сочетаясь с понятиями «социальное производство», «рекруссирование», «повседневная жизнь», и ведется рассуждение о возможности считать для повседневного объединенного опыта и длительной протяженности институтов обратимости времени.

О значении категории времени для социологии и для западноевропейской мысли в целом упоминает А. В. Чистяков, говоря о развертывании во времени всемирной истории, человеческой жизни, человеческого познания. «Однако, наряду со временем, – продолжает он далее, – есть и другая форма, организующая человеческое бытие» важная для социологии ибо «социальные процессы разворачиваются в нем, более того, социальные процессы способны сами создавать и трансформировать то пространство, в котором существуют» [158, с. 31]. Такое упоминание времени – «и другая форма» – для социологии явно недостаточно, даже если краткий историко-аналитический обзор категории пространства высвечивает отдельные аспекты воздействия представлений о нем на образ жизни индивида в обществе.

Пространство необходимо для существования человека: пространство обитания (дом), пространство передвижения, пространство работы, пространство отправления естественных нужд, пространство коммуникаций, пространство мысли.

Когда говорят о пространстве, то, прежде всего, имеют в виду территорию и определенное местоположение. В средние века, например, существовала определенная иерархия мест. Выделялись места священные и места профанные, места защищенные и места открытые, незащищенные. Принципиально отличались друг от друга такие сферы пространства, как ад, чистилище и рай, а также мир земной и мир небесный. Особыми статусами различных «мест» обладал и город, церковь, кладбище. Недвижимость всех этих мест фиксировала локализацию вещей и людей в определенных точках и сама по себе закрепляла нахождение индивида в определенном месте, задавала дальнейшую программу образа жизни [158, с. 38–43]. Успехи науки, открытие Галилея в частности, изменили миропонимание: однозначная локализация привязанность к территории индивида сменилась представлением о бесконечной протяженности пространства и возможным

изменении местоположения людей. В социологии тема пространства, однако, в качестве специального объекта долгое время не рефлексировалась.

В социогуманитарное знание понятие «пространство» проникло сравнительно недавно (до середины XX века исследователи пользовались термином «среда»), причем сразу вошло в обиход как понятие «социальное пространство». Оно позволяет обозначить сложившуюся систему отношений между людьми, которая имеет свои границы, фиксирует факт освоения пространства, его захвата или преобразования. Применительно к протеканию социальных процессов социальное пространство выступает формой, упорядочивающей, организующей отношения между людьми. Не только среда, не только объективное социальное окружение составляет социальное пространство, но также те связи, которые человек выстраивает вокруг себя, совершая различные выборы. Важнейшее измерение социального пространства общества составляет степень внутреннего, духовного вовлечения членов данного общества в его жизнь, разделения ими общих ценностей, мотивов, значений, устремлений данного общества. Человеческие действия не просто «протекают», а конструируются, выстраиваются в соответствии с пониманием человеком их значения. Совокупность этих актов действия, дают саму жизнедеятельность людей, в пределах которой реализуются акты коммуникации между людьми. В состав духовного измерения социального пространства входят не только осознаваемые, но и бессознательные, досознательные, архетипические образы, оказывающие свое влияние на поведение людей [105].

Расширяются границы и множатся разнообразные формы отношений и тех форм связи, непосредственных и опосредственных контактов, на основе которых происходят события, образующие дальнейшую повседневную жизнь людей, складываются, формируются духовные образования, эмоции, переживания, запечатлевающиеся в

мыслях, образах, сохраняемых в памяти, питающих воображение. Так в жизни людей начинает функционировать образ мира – привычного, знакомого в основном и устойчивого. Этот образ воздействует на духовную жизнь индивида, на его поведение, шкалу жизненных ценностей. Общий образ мира в представлениях членов объединений, отдельных индивидов может получать развитие в их мыслях, воображении, вызывать различные переживания. Ориентация на него, как на личностное или групповое пространство, поведение с учетом привычных условий жизни, узнанных и выработавших уже определенную адаптивность, ведет к интериоризации, к личностному представлению о своем, о жизненном мире («обжитом мире», как его называет Э. Гусерль, а Л. С. Выгодский – «зоной ближайшего развития»). В пространстве этого «своего» мира оформляются результаты процесса социализации, складываются навыки социальных контактов в различных формах жизнедеятельности общества. Это служит актуализации ближайшего, прямого, многообразного и многоканального воздействия общественных отношений и общественной жизни на индивидуальных и коллективных субъектов [158, с. 41–44].

Пространственные отношения, не сводящиеся лишь к перемещениям в физическом пространстве и к перемещениям в социальной иерархии, делаются еще более сложными при возникновении виртуального пространства. Действительно, с помощью новых информационных технологий создается возможность контакта между людьми вне физического присутствия. Конечно, такого рода контакты были возможны и благодаря почте, телефону, телеграфу и другим техническим посредникам коммуникации, однако новые информационные технологии создают новое качество этого общения. Сегодня ясно, что к виртуальному пространству относятся многие характеристики гетеротопии (быть одновременно открытым и закрытым для доступа, обеспечивать многоканальность общения, оказывать воздействие на

окружающее актуальное пространство, соединять несоединимые, различные пространства).

Пространство, созданное с помощью цифровых технологий, стремительно внедряется не только в жизнь современного общества, но и в структуру жизненного пространства индивида. Это новое пространство растет и делается все более активным. Его пользователями становятся не только взрослые и молодые люди, но и дети. Какое влияние оно оказывает на процессы социализации, еще только предстоит выяснить. Виртуальный мир – это важнейший инструмент манипуляции сознанием, более эффективный и масштабный, чем печать, радио и телевидение. И СМИ, и создатели виртуальных миров обладают особой формой власти, обеспечиваемой возможностью «декодировать» стили и пространства, связанные с различными субкультурами, а также порождать новые субкультуры.

Сегодня мы наблюдаем усиление тенденции к гиперразвитию «опосредственной социальности». Она проявляет себя в возрастании роли различных посредников (прежде всего технического плана) в социальных процессах, в том числе и в процессе социализации. Реальные человеческие контакты всегда были опосредованы (жестом, письмом, телефоном и т.д.). Специфика современных цифровых технологий и масс-медиа как посредников коммуникации состоит в том, что они стремятся подменить собой первичную онтологическую реальность. На рубеже XX-XXI вв. все более широкое распространение получают технологии, симулирующие действительные отношения и связи. В результате социальность и социальное пространство перерождаются в некое симуляционное образование, члены которого могут быть в любой момент отключены от него.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в представлениях русскоязычных социологов выписана пространственная характеристика социальных объединений, но она выступает у них вне связи с доминантой

времени (интенционал самих исследователей в значительной мере сместился к активности субъектов виртуального мира). Не получает признания у них пока и термин хронотоп (от греческого *chronos* – время, *topos* – место) – «времяпространство» как выражение единства временных и пространственных отношений, который, по утверждению М. М. Бахтина, в своем выражении неразрывности пространства и времени трансформирует кантовскую заповедь о пространстве и времени как необходимых формах всякого познания [19, с. 509]. Как подчеркивает Л. А. Микешина, М. М. Бахтин не просто заимствовал термин хронотоп из концепции А. А. Ухтомского, но выявил его как «выражение неразрывности в объектах естественных и гуманитарно-социальных наук» [100, с. 405]. М. М. Бахтину, по ее словам, принадлежит заслуга обнаружения и обозначения в хронотопе основы для современного понимания природы темпоральности и пространственности, ставшего основанием для совершенно принципиально иных, отличных от традиционных, представлений о взаимоположенности человека и мира [100]. Хронотоп служит выражением временно-пространственных отношений; перенесен из естествознания в литературу для выражения обозначения неразрывности пространства и времени; употребляется как категория – метафора проясняющая слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Хронотоп помогает индивиду, «внутреннему человеку», как выражался М. М. Бахтин, осознавать, что «жить – значит занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни». Все это позволяет считать хронотоп «концептуально значимым – гуманистическим понятием» [19, с. 407], которое, как мы покажем ниже, проливает свет на пребывание индивида в хронотопе социальных сообществ. Но прежде необходимо остановить внимание на одной из последних инноваций в методологии научного знания.

Речь идет о предложенной М.А. Розовым, теории социальных эстафет, в которой он обращается к области научного знания. Он изучает эстафетную природу знаний в науке, раскрывает их куматоидный характер и делает общий вывод о том, что «все социальные явления – это куматоиды, в основе которых лежит механизм социальных эстафет» [123, с. 10]. Термином куматоид у М. А. Розова отмечается волнообразная природа объекта (греч. *Kuma* – волна). Для пояснения непривычного смысла характеристики феноменов знания и социальных явлений предлагается термин социальная эстафета и дается её сопоставление с волной.

Представьте себе одиночную волну, бегущую по поверхности водоема, – пишет М. А. Розов, – она может перемещаться на значительное расстояние, но это вовсе не означает, что все частицы воды движутся вместе с нею в том, же направлении, иными словами, волна захватывает в сферу своего действия все новые и новые частицы, непрерывно обновляя себя по материалу. В одном случае куматоидное единство скреплено механизмом его функционирования в обществе как своеобразной постоянной программой действий действующих индивидов, включаемых в него лишь на какой-то период и сменяемых затем новыми и новыми. В других случаях в куматоиде сохраняется состав действующих индивидов, их деятельные функции в пределах целостности ими образуемой, трансформируются с течением времени. Так, например, социальная общность «семья» на протяжении жизни сменяющих друг друга поколений членов этой семьи сохраняет целостность в виде ячейки с социальными устоями и традицией в ней накапливаемых. Та же семья, если брать ее историю от возникновения до завершения брачно-семейных отношений жены и мужа, сохраняет состав брачно-семейной пары, но отношения их и функции трансформируются с возрастом: они – молодожены становятся родителями детей, затем дедушкой и бабушкой внуков... Социальные явления имеют куматоидный характер, т.е.

выступают как социальные эстафеты, уже потому, что совершаемые процессы здесь имеют смысл передачи опыта от человека к человеку, от поколения к поколению. При этом действующие индивиды совершают воспроизведение наличествующих образцов (действия с имеющимися предметами), как форм поведения или осуществления форм действия по созданию или использованию каких-либо предметов, продуктов, а также их применения в качестве орудий новых действий [123].

Самые характерные для социальных куматоидов черты сводятся к следующему: они транслируют социальный опыт, т.е. воплощают механизм сохранения традиции на всех уровнях развития истории; они состоят из воспроизводства образцов, т.е. основываются на реализации определенной программы – социальной программы, в составе которой обязательно наличествуют образцы, причем непосредственный характер этих образцов здесь важен; действующие социальные объекты в куматоиде – индивиды и коллективные субъекты, во-первых, со временем меняются по составу, во-вторых, их составляющие действуют при взаимодействии друг с другом согласно стандартной программе, в-третьих, эта деятельность ведет к образованию структурных изменений самого куматоидного объекта – общества, где возникают и активизируются социальные группы, объединения.

Примеры социальных куматоидов, приводимые М. А. Розовым, разнообразны. Он говорит об учебных заведениях, в частности университете, где идет постоянная смена студентов при выпуске окончивших и наборе вновь поступающих, где всегда состав потоков на курсах представлен в комплекте, и каждый год на 1-й курс приходят другие обучающиеся. В связи с трансформацией определенных условий в стране, в международных связях, в развивающейся науке меняются документы кафедры, состав этих кафедр. Меняются здания общежитий, учебные корпуса. Меняется даже состав дисциплин, включаемых в учебный план, и отчасти обновляются программы учебных курсов. Но, не

смотря на все изменения, он остается университетом и функционирует как сложная структура в целостной программе высших учебных заведений Украины. Множество этих объединенных программ несут в себе образцы, которые постоянно воспроизводятся и ориентируют события на трансляцию в жизнь целого ряда социальных программ страны и программ коллективного и личностного порядка для индивидов – участников.

Куматоидами являются социальные институты, такие как газета, научно-исследовательский институт, политическая партия, воинское подразделение. В них также осуществляется замена разных сторон, смена участников – всего, кроме взаимосвязанных программ деятельности людей. Социальные куматоиды представлены нацией, этносом, языком людей. В них непрерывными деятельными усилиями индивидов воспроизводится постоянно и передается от поколения к поколению социальная программа. Можно считать куматоидом образ жизни людей, ведь в нем постоянно воспроизводится изо дня в день, из года в год и передается от поколения к поколению способ времяпровождения в том или ином сообществе людей, в семье, в том же этносе. И даже в столь сложном объекте рассмотрения, как город, нетрудно заметить постоянные обновления людей даже их предметного окружения, а город при этом остается самим собою [122, с. 59–63]. Важно отметить, что каждый индивид в любой момент своей жизнедеятельности оказывается включенным в ту или иную роль той или иной социальной общности. Более того, почти каждый из них одновременно является «исполнителем» значительного числа ролей в других куматоидах – объединениях, в других коллективных деятельных субъектах. При этом образуются переплетения, совмещения, накладки их хронотопов. Так реализуется целостное, событие социальных явлений и процессов – социальных куматоидов.

Любая социальная роль, в которую включается индивид, практически обеспечивает возможность социализации. Индивид реализует свои возможности при включенности во взаимодействие с другими действующими индивидами. Все они проявляют активность и «воспроизводят по образцу» опыт, уже сложившийся на разных уровнях деятельных сообществ. Эстафета деятельностно-поведенческой активности в контексте теории М. А. Розова получает фиксацию в описаниях операций, процедур, функций должностного лица или образа, транслирующего из прошлого механизмы ими разделяемых обязанностей, сформированных и отработанных в прошлом. Процессы социальных эстафет, по Розову, это те же в действии воплощаемые социальные роли индивидов. Социологи, как подчеркивает И. Кон, цитируя Т. Парсонса, «дают такое определение социальной роли: это «структурно организованное, т.е. нормативно регулируемое участие лица в конкретном производстве социального взаимодействия с определенными конкретными ролевыми партнерами» [82, с. 249]. Здесь нельзя не заметить сближения сущностных характеристик одного и того же феномена языковыми средствами различных концептуальных систем. М. А. Розов имел все основания заявить, что идея куматоида – социальной эстафеты давно созревала в рассуждениях исследователей. Можно добавить, что его предтечи до сих пор, однако не выходили на конечные положительные результаты. Так, И. Кон, в своем анализе личности и её социальных ролей, рассуждал далее следующим образом: «Что же такое человеческое общество? На первый взгляд кажется, что общество – просто совокупность индивидов. Как писал К.Маркс, люди сами являются и актерами, и авторами своей всемирно-исторической драмы. Но состав индивидов меняется, а определенные формы социального взаимодействия, общественные отношения остаются» [82, с. 248].

Казалось бы, целостно взятый И. Коном социум получает характеристику близкую к идее М. А. Розова о куматоиде, опережая тем самым на несколько десятилетий автора теории «социальных эстафет». Здесь отмечено, что участники социальных процессов, активно-деятельные индивиды сменяют друг друга, а «определенные формы социального взаимодействия», или скажем, по-розовски, социальная программа остается. Она реализуется непрерывно усилиями уже обновленного состава, воплощая традицию, воспроизводя социальные процессы общества в целом. Но И. Кон из своего предположения делает неожиданный вывод: «Отсюда тезис, – пишет он, – что общество состоит не из индивидов, а из совокупности отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» [82, с. 250]. Пусть даже за этим следует сомнение, что, дескать, такого вывода у К. Маркса просто не может быть, что в основе структуры общества лежит структура самой общественной деятельности, но в рассуждении такого рода явно сквозит влияние общесоциологической позиции того времени – доминанты межличностных отношений индивидов как основы самоорганизации социума.

Сила розовского образа куматоида состоит в том, что он высвечивает все ракурсы функциональной роли индивида – конструктивно-творящие акты формирования общественных отношений и сообществ как структурных образований социума, – реализацию этих отношений актами взаимодействия друг с другом в жизнедеятельных процессах и закрепления в традициях тех преобразований самого социума, какие в виде освоенного опыта транслируются поколениями индивидов-созидателей и пользователей культуры.

М. А. Розов, безусловно, прав также в том, что идея социальной эстафеты и её куматоидной природы «задает особую онтологию при понимании социальных явлений и ориентирует на выявление социальных программ их взаимосвязей и способов существования» [122, с. 62].

Включенность индивида в состав определенной группы выражается в том, что их хронотопы частично включаются друг в друга, могут переплетаться, противопоставляться, терпеть преобразования под воздействием друг на друга в определенных ситуациях. Жизненный путь отдельных индивидов или целого поколения сопряжен с пространством – временем развития всей страны. Каждый взятый момент этого развития осуществляется как куматоид: появляются новые члены общества, рождаются и проходят социализацию на всех этапах своей жизни, вплоть до смерти, ибо непрерывно проявляют деятельно-поведенческую активность, которая и выступает как составляющий компонент жизнедеятельности человечества. Человечество как определенное множество своих составляющих, т.е. людей планеты, предстает подлинным куматоидом от начала своей истории, в настоящий, как и в каждый ее момент, а также в перспективе будущего развития. Куматоидом является и индивид, на жизненном пути которого каждый возрастной этап, каждый сегмент организма и хронотопа отмечен явными и неявными трансформациями, социокультурными преобразованиями. При всем том, что индивид непрерывно переходит в иное состояние, как бы превращается «в своё другое», он продолжает идентифицировать себя с самим собою, со своим «Я». Равным образом человеком бывают отмечены куматоидного характера изменения в тех социальных группах, в которых он деятельно участвует достаточно длительное время. Он наблюдает за своим вживлением в новую группу, отмечает смену состава с его воздействием на деятельные усилия членов, возможные изменения в деятельности, осуществляемой сообща, трансформацию групповых ценностей, обычаев, установок и норм и пр.

Таким образом, совершенно очевидным становится то, что учение о хронотопе, а также теория эстафет – куматоидов органически, как и теория ролей, вписывается в характеристику бытия индивида в системе общество – индивид, и это проясняет включенность индивида в

многочисленные социальные группы – подсистемы разного уровня, образующие структуру целостного социума.

Обращение к синергетическому подходу и к принципам общей теории сложных систем дает возможность познать социальное пространство становящегося гражданского общества и раскрыть специфику процесса социализации индивида в нем. Основываясь на этом подходе достаточно представить самостоятельную модель механизма социализации или взаимодействия индивида и общества как сложную, эмерджентную, нелинейную, открытую синергетическую систему. Социализация предстает как процесс и как результат взаимодействия индивида (гражданина) с меняющейся при его участии социальной средой, каковую представляет становящееся гражданское общество в XXI веке. В ходе этого взаимодействия постепенно согласуются ожидания и требования с обеих сторон, так, что индивид получает возможность адаптироваться к составляющим социального системного порядка. Только пребывая в нем, индивид обретает какую-то часть гармонично сочетаемых черт биосоциальной целостности, а макросфера общества делает усилия, чтобы воспроизвести эти составляющие в каждом индивиде, благодаря его деятельным усилиям по самоорганизации и организации его окружения, и вступает в иную, восходящую стадию.

Социализация представлена как система взаимодействия «общество-индивид» и применение синергетического подхода с выявлением сопряженности усилий участников как части и целого раскрывает ход изменения знаний, навыков, представлений в рамках социокультурных запасов сегодняшнего общества и трансляцию их в поступках, действиях на микроуровне системы в событиях-ситуациях, а также активизацию всех сфер жизни общества, т.е. макроуровня. Подобное двухуровневое протекание процессов (в разных системах и частях этих систем) разнотемповые и разновременные – показатель типично синергийный. Подчеркнуто, что главный символ обращения к

системе индивид-общество, включаемой в модель гражданского общества, выражен установленным здесь слого «СО»: взаимодействие. Термин диалектики «взаимодействие» выражает самый общий, отвлеченный вид отношения (это может быть и просто событие систем и воздействие их друг на друга), а в данном случае, когда индивид включен в гражданское общество, обе стороны своими активными действиями направлены к единой цели, «на общий результат» [8, 9] – на достижение биосоциальной целостности человека. Если к концу XVIII в. общество заявило идею гражданского общества как социального устройства с главной целью обеспечения свободы и благополучия личности, а сейчас, в начале XXI в., правительства большинства стран с рыночной экономикой относят себя к гражданскому обществу, объявляют что все необходимые институциональные предпосылки для самоорганизации граждан уже налицо, то есть основания о гражданском обществе говорить, как о принципиально новом этапе истории, о выходе общества на новый аттрактор.

Как и следует из важного постулата общей теории сложных систем, общество как система рассматривается в плане отношения части и целого, но при этом это целое не равняется сумме своих частей-индивидов. Социальные системы и процессы существенно сложнее любых моделей, они включают внешние влияния и влияния наблюдений, так что несостоятельность надежд на предсказуемость, а тем более на долгосрочный прогноз в общественных науках можно считать математически доказанной. В свете теории рефлексивности уместней говорить не о прогнозе, а сотворении малопредсказуемого будущего. Зная возможные аттракторы нашей системы, мы можем распознать направление к конкретному будущему и принимать меры, поддерживая желательные тенденции и препятствуя негативным. Это называется эволюционным подходом к управлению [154].

Общество имеет в своем составе индивидов, в нее входящих, обособленных или включенных в социальные подсистемы разного плана. Оно имеет также свою организацию, общее единство (целостность), а также новые качества и свойства, благодаря организации и единству в нем возникающие. Общество не существует изначально, как исходное первоначальное единство. Оно создаваемое, организуемо взаимодействием индивидов, их взаимоотношениями при этом друг к другу; свойства эти называют эмерджентными (англ. to emerge – внезапно возникать). Способность к эмерджентности, порождая в обществе что-то новое, обновляет его состояние, выводит его на более высокий уровень. Так именно гражданское общество обрело свое существование возникновением независимых от властных органов самостоятельных объединений индивидов, защищаемых законодательно-правовой системой, демократическим режимом. Поэтому гражданское общество ведет свой счет со середины XIX века, хотя латентные, оппозиционные по отношению к власти, самостоятельные объединения индивидов, несомненно, существовали и в ранние исторические времена.

Свою эмерджентность гражданское общество распространяет на весь состав своего населения, на индивидов – граждан, которые тем самым перестают быть «подданными» (они обретают гражданственность).

Это свойство микроэмерджентности (гражданственности) присуще индивиду только в силу его причастности к гражданскому обществу, только внутри данной системы, где возникают, развиваются потенциальные возможности индивида, возникают и приобретаются только посредством целого и благодаря этому целому. Так индивиды развивают свои способности к родному языку, осваивают менталитет своего этноса, приобщают себя к культурному миру своей страны и всего человечества. И все это включено в механизм социализации индивида, который при этом своим жизненно активным пребыванием в гражданском обществе и деятельно-созидательным участием в его

совершенствовании, осуществлением своего выбора – образ жизни приближается при прямом и опосредованном содействии становящегося гражданского общества к социальной целостности, к человечности.

Здесь именно, согласно задачам исследования, появляется необходимость или возможность прояснить диалектическую природу соучастия индивида и гражданского общества в поступательном, прогрессивном ходе истории, в самореализации биосоциальной целостности индивида. Эмерджентное качество, возникнув в обществе, в его подсистемах, в индивиде, проявляется как действенная репродуктивная сила: новое, подобно феномену события, взрывает ситуацию, порождает новое.

Эмерджентность как вновь возникающая совокупность качеств, свойств – это и есть то, что составляет особенность всякого целого, чем целостная система «больше» суммы своих частей, а общество – больше совокупности своих граждан.

Эти способности могут проявляться и на уровне индивида, а в дальнейшем могут быть обращены вновь на само целое, т.е. макроэмерджентность влияет на микроэмерджентность, а та, в свою очередь, способна проявлять обратное воздействие. В результате по ходу процесса социализации эмерджентно присущие свойства, формируют сложные единства индивида и общества, в котором их взаимодействие замыкается, образуя рекрессивную петлю.

Далее нам предстоит рассмотреть жизнь индивида в контексте возникновения социальных структурных подсистем и раскрыть механизм взаимодействующих сил, участвующих в процессе социализации индивида на пути его биосоциальной целостности.

2.2. Реализация биосоциальной целостности индивида в пространстве объединений гражданского общества

Процесс социализации индивида в пространстве общества, как было показано в предыдущем разделе, характеризуется не только в плане адаптации человека, но и в творении и конструировании окружающего мира, себя и своих деятельных способностей. Подтверждается известная мысль К. Маркса об историческом процессе: «Как само общество производит человека, как человека, так и он производит общество» [97, с. 589]. Утверждая, что «общество есть законченное сущностное единство человека с природой», Маркс особо подчеркивает, что «следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду» [97, с. 589]. Это предупреждение от дуализма укрепляет нашу уверенность в изучении системы «общество-индивид» как целого и его части (элемента), где целое и больше, и не больше суммы частей, где проявляется синергетичность индивида и общества в едином процессе исторической самоорганизации на пути построения общества и формирования человека как человека в его биосоциальной целостности.

В обществе, кроме людей, других деятельных субъектов нет. Их взаимодействие лежит в основе организации общества как системы, в виде возникающих объединений, образований, групп и складывающихся между ними связей, общественных отношений. Термин «организация» сегодня употребляется в разных смыслах и имеет, по меньшей мере, четыре значения. Это некое общее и неотъемлемое свойство системы. Это – сама система, обладающая этим свойством. Это и процесс превращения случайного, неупорядоченного и разрозненного в необходимое, упорядоченное и целостное, совершаемый при управляющих воздействиях извне или как реализация свойств самой системы к самоорганизации в меняющихся условиях. Это также результат такого процесса [145, с. 463–464].

Сами люди – индивиды предстают носителями этих общественных отношений, выступая при этом в виде индивидуальных и коллективных субъектов действий [95, с. 194].

Разговор о субъекте действия – это всегда ответ на вопрос: «С кем имею дело?» невозможно относиться к словам и суждениям другого только как к тексту, без соотнесения со «статусом» его автора. Кого представляет тот или иной человек: только себя самого – или же некую диффузную общность, какой-то коллектив? А может, институцию? В любом из названных случаев возникают совершенно разные образы действующего/говорящего. Иногда это случайный человек, вроде соседа по купе, который интересен/важен только здесь и только как приятный или неприятный попутчик. Иногда это довольно типичный представитель «народа», либо какой-то социальной группы (студенчества например), ли даже мифического сообщества (типичная «блондинка» или типичный «ботаник»), по которому мы можем судить о некоей совокупности «других таких же». Иногда это лидер либо доверенное лицо группы, обладающий не только авторитетом среди совершенно определенных, реально консолидированных людей, но также и полномочиями принимать решения и заявлять об общих интересах. Если это лидер какого-то общественного движения, партии, он аккумулирует основные характеристики этого движения или партии: ценностные установки, выбранные стратегии успеха, цели деятельности и прочие характеристики лидера могут многое сказать о возглавляемом им сообществе. А если основой консолидации выступает некое учреждение или институция – наподобие какого-нибудь министерства, корпорации или иной административной единицы, – тогда данный человек в меньшей степени оказывается интересен как психологически-гносеологическая монада.

Становление и функционирование коллективных деятелей, ими, как правило, обозначают сложившихся действователей – сформировавшиеся группы, сообщества и, конечно же, учреждения, социальные,

политические, экономические институты. Сформированность означает наличие важного ресурса, способность оказывать влияние – организованности. Слабый – значит не способный к действию.

Еще одно понятие и способ концептуализации действующего – «субъект». Питер Штопка замечает, что с появлением организмической метафоры в социологии (общество – это организм) в смысловой контур этого понятия вошла очень важная мысль: социальная жизнь не развивается по каким-то трансцендентным законам, лежащим вне людей и вне общества. Жизненную силу и трансформационную динамику сообщают ей сами люди, которые могут и хотят действовать, раскрывая тем самым скрытый потенциал организма – общества к эволюционированию [164].

Идея поиска субъекта действия оказалась очень плодотворной. Благодаря многочисленным попыткам концептуализации возникло много важных вопросов и как ответ на них – множество новых концепций. Но что важнее всего – это понятие проделало большой путь от сингулярности и индивидуальности до коллективности, обладающей свойствами, не сводимыми к простой сумме свойств отдельных индивидов. Так, Томас Гоббс признавал единственного субъекта – суверенного государя, ответственного лишь перед самим собой. Руссо наделял субъективностью «общую волю», нивелирующую в себе воли отдельных индивидов. Французская революция легитимировала идею народных масс как автономной силы, обладающей способностью к само тождественному действию, но одновременно способной порождать социальный порядок. Вместе с тем, уже Токвиль и Конт задавались вопросом: как люди начинают хотеть действовать, прежде чем станут субъектом действия в реальности. Они открыли особую роль интеллектуалов – людей, работающих с миром идей и «объективных социальных законов»: те сообщают обществу образы будущего и представления о способах его достижения.

Любой действующий субъект не только обусловлен ситуацией, но и участвует в ее производстве, и степень такого формирующего влияния определяется способностью социального субъекта (да и каждого индивида в отдельности) освободиться от форм, традиций и норм, подталкивающих к конформному воспроизводству поведения и потребления, ради реализации принципов самостоятельного определения своей деятельности и заинтересованного, не отчужденного участия в производстве новых культурных моделей. В формировании особого взгляда на современность, которая характеризуется растущей способностью коллективных агентов воздействовать на самих себя, определять характер собственной жизни в противовес предписаниям и влиянию власти.

Важным дополнением к сказанному является следующее соображение: одним группам людей статус социального субъекта присваивается, а другим в нем отказано. Относительно любой общности, группы, объединения людей мы можем говорить о субъектности – подтвержденной ресурсами способности действовать для достижения своих целей, соотносясь при этом с требованиями и намерениями других участников взаимодействовать. Сформированная субъектность предполагает, что актер способен устанавливать правила в значимой для него системе отношений и заставлять окружающих если не следовать этим правилам, то, по крайней мере, учитывать их существование при ведении собственных дел, при принятии решений или же при непосредственных контактах с представителями сообщества. Например, руководство предприятия, где нарушаются права профсоюза или кого-то из его членов, должно учитывать, что профсоюз будет решать возникшие проблемы через суд. На наш взгляд, суверенитет, описываемый через правила – это одна из базовых характеристик субъектности.

Помимо способности устанавливать правила и по ним организовывать взаимодействие с партнерами и контрагентами, важна

собственная способность социального субъекта следовать заявленным правилам. Когда говорят, что один участник взаимодействия манипулирует другим, провоцирует его на какие-то невыгодные для него действия, фактически это означает, что этому второму участнику отказывают в субъектности, в способности самостоятельно определять стратегию своих действий и следовать этой стратегии. Такая ситуация возникает, например когда профсоюзам предлагают кулуарные переговоры в конфликтной ситуации, в то время как в интересах профсоюза – обсуждение темы на собрании его членов.

Субъектность складывается из некоторого набора характеристик, которые в совокупности представляют собой «профиль», «социальный характер» того или иного коллективного агента – точно так же, как мы можем описывать, допустим, особенности разных оркестров через указание числа музыкантов, специфику и количество инструментов, соотношение мужчин и женщин, частоту концертов, предпочитаемый репертуар, преобладание дружелюбия или враждебности и т.д. К таким характеристикам могут относиться, например:

- особенности самоидентификации людей, образующих сообщество, осознание того, на чем строится переживаемая общность с другими, «такими же, как и я»;

- внутригрупповая солидарность, как перераспределение ответственности: человек делегирует сообществу долю ответственности за себя, одновременно принимая ответственность за группу, за ее целостность;

- выделенность или диффузность в пределах более широкой социальной общности;

- обладание институционализированным статусом, подтвержденным какими-либо легитимирующими актами или процедурами (свидетельствами, договорами, законами, выборами и т.д.);

- наличие более или менее постоянного состава участников сообщества, а также наличие (или отсутствие) лидера или лидерской группы, берущей на себя инициативу и ответственность за его существование и деятельность;

- согласие относительно целей сообщества и способность данной организационной структуры их реализовывать, наличие воспроизводящихся практик, ритуалов или коллективных актов, подтверждающих статус субъекта;

- наличие партнеров и контрагентов, признающих легитимность данного субъекта, допускающих для себя возможность «иметь с ним дело» [170].

Стоит подчеркнуть, что отсутствие той или иной характеристики или слабая ее выраженность вовсе не означают отсутствия субъективности у того или иного коллективного агента. Субъективность может строиться вокруг разных базовых характеристик, которые будут обеспечивать его своеобразие. Мы можем оценивать субъективность по степени выраженности перечисленных выше аналитических переменных, а можем оценивать ее применительно к той роли, на которую претендует агент в заданной системе отношений. Если воспринимать субъектность как некоторый «профиль» социальной общности, можно утверждать, что он способен меняться как под влиянием внутренних процессов, так и под влиянием внешних сил или ситуаций. Справедливо заметить, что деятельность социальных агентов не только способствует структурным и культурным изменениям, но и сама меняется в ходе своего осуществления сообразно изменениям, происходящим в действующем субъекте.

Если мы предполагаем, что существует этап становления субъектности и этап ее полноценного функционирования, значит, субъектность также может исчезать. Иногда - в результате естественного хода вещей – например, когда члены сообщества сочли решенными задачи, для которых оно сформировалось; либо когда они разочаровались

в декларированных целях. Иногда – принудительно, под давлением внешних воздействий: дискредитации сообщества или его лидеров, репрессий, массовых увольнений, формальных организаций.

Здесь важно подчеркнуть, что люди конструируют систему взаимодействия, приписывая статус социального субъекта одним и отказывая в нем другим. Иными словами, субъективность формируется в борьбе за получение и поддержание своего статуса. Там, где субъекты вступают в конкурентные отношения, оппоненты стараются, прежде всего, поставить под сомнение способность контрагента принимать самостоятельные, ответственные и компетентные решения, т.е. его субъектность.

Понятие социального субъекта оказывается очень важным в аналитическом плане. Оно позволяет избегать однобокости, когда социальные системы описываются без действующих лиц, когда действия агента рассматриваются только как воплощение структурных характеристик и оцениваются позитивно в том случае, если развивают социальную систему в направлении прогресса и рациональности. Свойство человеческих сообществ состоит в том, что они способны порождать и изменять собственные действия, а не адаптироваться к меняющимся условиям гомеостатическим образом. На это указывали многие социологи, изучавшие традицию исследований социальных движений. Например, Амигаи Этциони в своей книге «От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям» разрабатывал идею активного общества как респонсивной системы, в которой общественные объединения и отдельные граждане имеют постоянно обновляемый опыт социальной мобилизации и коллективного действия, а государственные учреждения и институты обладают организованной, т.е. специальным образом устроенной способностью воспринимать воздействие и отзываться на него. Он показывал, что активные общества

последовательнее и эффективнее решают свои проблемы, чем пассивные или дрейфующие [166].

Основная характеристика последних – проведение требуемых изменений только тогда, когда в них созревает настоятельная необходимость, и практически всегда – в состоянии угрозы превращения проблемной ситуации в системную, увязанную с множеством других проблем.

Главный вывод, который напрашивается при изучении всех концепций этого рода, состоит в том, что если в обществе нет способных к соперничеству или борьбе субъектов, социальных групп, акторов, динамичность его развития как целостного организма, а также эффективность решения возникающих проблем оказывается крайне низкими. Для того чтобы стать полноценным социальным субъектом, группа должна участвовать в «диалектике контроля» – то есть уметь оказывать влияние на тех партнеров и контрагентов, которые имеют влияние на нее саму. Действительно, органы власти по своей природе призваны осуществлять контроль, управление и принуждение и, безусловно, именно они обладают наибольшими возможностями для реализации этих задач. Соответственно, для участия в «диалектике контроля» социальным субъектам необходимы несимметричные социальные ресурсы, и их поиск и актуализация напрямую связаны с мобилизационными и рефлексивными возможностями общества. Если бы «диалектика контроля» не существовало, общества потеряли бы свою трансформационную динамику – ведь структурам жизненно необходимо «питаться действиями», которые не только их трансформируют, но главное – оживляют [44].

Воздействие общества на индивидов осуществляется или непосредственно, или через группы. Исследуя в социализации сочетание приспособления и обособления человека в обществе, социальные психологи выделяют такие виды, как стихийная социализация,

относительно направляемая, относительно социально контролируемая социализация и самоизменение человека (аутопоэзис). При этом признают, что наиболее исследована положительная социализация, отвечающая запросам общества [105]. Конкретные группы служат своеобразными трансляторами социального опыта, их называют институтами социализации (Е. П. Белинская и др.). Каждая группа людей выступает по отношению к внешней среде как определенная, так или иначе, согласованно действующая система, обладающая своим специфическим поведением, не сводимым к действиям образующих ее индивидов. Совокупным субъектом человеческой деятельности – макросубъектом – является также само общество.

Коллективные субъекты человеческого действия оказываются возможными благодаря выработанным программам деятельности. В прямой зависимости от характера этих программ и их осуществления находится степень организованности различных коллективных субъектов, т.е. координация действий людей, соответственно нормам. Все групповые нормы являются социальными нормами, т.е. представляют собой «установления, модели, эталоны должного, с точки зрения общества в целом и социальных групп и их членов, поведения» [107, с. 148]. Важнейшим из них является признание различной значимости разных ценностей для групповой жизнедеятельности, различное их соотношение с ценностями общества. Когда речь идет об относительно общих и абстрактных понятиях, например о добре, зле, счастье и т.п., т.е. ценности являются общими для всех общественных групп, то они могут быть рассмотрены как ценности общества. Ценности каждой группы складываются на основании выработки определенного отношения к социальным явлениям, продиктованной местом данной группы в системе общественных отношений, ее опытом и целями [65].

Следует отметить, что индивиды, кроме институализированного воздействия, испытывают влияние друг на друга. Они взаимодействуют

между собою в повседневном общении, решая весьма разнообразные бытовые задачи, осуществляя социальные контакты на разных уровнях. Процесс социализации осуществляется повседневно, на всем жизненном пути человека. Пребывание в местах общего пользования, поездка в транспорте, пребывание во дворах и на улицах города, движение в толпе или в колонне, нахождение в среде театральной публики, в аудитории, на стадионе или в массовых зрелищах – все это составляет непрерывающийся процесс межличностных контактов, общения и взаимодействия. Несомненно, при этом обмен информацией имеет в значительной степени стихийный характер, сам индивид такого рода ситуации практически почти не контролирует. Вместе с тем, все возрастающее осложнение форм общественной жизни, гигантский рост и развитие массовых средств потребления произведений культуры и искусства, массовых форм проведения свободного времени, пользование средств массовой информации делают процесс социализации индивида постоянным и достаточно интенсивным. В этих условиях, как отмечают социологи, жизнедеятельность индивидов, обретение ими социальности осуществимо главным образом через группы. Социальные группы – это общности взаимодействующих людей, подсистемы общественного организма, в состав которых одной за другую индивид оказывается включенным (а зачастую и участвует одновременно в нескольких из них) определенное время или на протяжении всей своей жизни.

Социальными группами заняты, прежде всего, социологи и социальные психологи, хотя они вынуждены признать, что смысл самого понятия группа неточен. Статистика и демография, например, выделяют и рассматривают так называемые условные группы, где оказываются люди, объединяемые самими исследователями по общему признаку, взятому произвольно лишь для определенного анализа состояния населения. Таким признаком может быть уровень заработной платы, количество имеющихся детей, пользование транспорта или определенного маршрута,

возраст и пр. В конкретных социологических исследованиях практикуется такой подход, когда отыскивается объективный критерий различения групп, а затем каждую из них исследуют по заданному плану – в соотношении с обществом, с входящими в группу личностями и т.д.

Социальная психология исходит, подчеркивает Г. М. Андреева из социальной природы своего главного объекта исследования – системы «индивид-общество», выявляет значимость группы для индивида-члена. Здесь группа является как продукт своей собственной деятельности, как деятельностьная система, как коллективный субъект, включающий своих членов в систему общественных отношений, определяющий объективное их место в социальном организме [7, 170].

Целостность каждой социальной группы в организме – обществе, как считает Г. М. Андреева, необходимо представить в ракурсе социально-философского анализа, через реализацию деятельностного подхода с освещением всего жизнедеятельностного проявления активности группы, с проработкой механизма внутригруппового взаимодействия индивида с тем целым, в которое он включается как элемент сложного, становящийся составляющим этого сложного. Общность с группой оформляется для индивида в осознании принявшей его группы через представление «мы» о членах ее (и себя в числе их). Достаточным основанием групповой причастности общности-группе для индивида служит убежденность в факте идентичности, социальной идентичности своего «я» в числе «мы». Этот статус разделяет для индивида отныне всех людей на «мы» и «они». Групповые нормы и ценности, весь багаж группового сознания, включая потребность, интересы, мнения группы, индивид получает в совладение. Ему само пребывание, соучастие в групповой жизни предоставляет «почву для подражания, причем не, всегда, просто в виде принятия внешних черт облика человека, но и в виде воспроизведения образцов поведения, или всего образа жизни» [7, с. 180]. Чувство единства возникает благодаря

общности ценностей, которым принадлежит значимая роль, когда сообщество на пути своего развития вынужденно выбирать один среди несовместимых путей на основе прошлого опыта, существующего порой в виде общепринятых групповых предписаний. Эти предписания определяют в той или иной степени целостность, согласованность, единство социальной группы-субъекта деятельности, определяют принимаемые им решения.

Структурное многообразие современного общества представлено социальными группами. Виды их рассмотрены несколькими не совпадающими между собою классификациями, в которых за критерий деления групп берутся различные основания: по виду деятельности и заявляемым целям и задачам, по длительности действия, по численности и постоянству состава, по характеру контактов между членами, по престижности и авторитарности среди других групп. Различают группы также по способу их образования, когда повод или цель могут быть такими: совместное пребывание для выражения акта деятельности-отношения, отклик на призыв кого-то, или реакция на событие, «здесь и сей час» (свершившееся уличное происшествие, дорожно-транспортная авария).

Общепринято выделять группы по объему как «малые» и «большие». Большие группы подразделяются на стихийные, неорганизованные и организованные [7, с. 149–151]. К стихийным группам относят: толпу, массу, публику, социальные движения как особые социальные явления, которые также рассматриваются в аспекте большого числа участников с обостренно-психологическим настроем и массового стихийного поведения. Стихийные группы такого плана рассматривают как постоянные сообщества на разных этапах его развития. Существует мнение, что история социальной психологии начиналась именно с анализа таких групп (Л. Бельмонт, Б. А. Грушин, К. Лебон, Б. Д. Парыгин, Г. Тард). В стихийных группах формируется и функционирует

общественное мнение с различного рода дополнениями, нередко с произвольной, даже необычной информацией, порой просто слухами и сплетнями. От действий таких групп часто зависят политические и социальные решения [7, с. 170], стимулируются особые формы групповых действий. В XXI внимание к этим формам возрастает. Таковы бурные студенческие выступления во Франции, США, возникновение в Европе движения «зеленых», «спонтанные» демонстрации антиглобалистов, с одной стороны, и включенность в обсуждение общепланетарных проблем сегодняшнего дня, проблем начальных явлений глобализации – с другой. Раздаются призывы сделать рассмотрение побочных больших групп главной задачей социальной психологии. Так, Г. Г. Дилигентский считает, что анализ больших групп – это «ключ» к познанию содержания психики индивида, поскольку именно на макросоциальном уровне, т.е. в хронотопе больших социальных групп формируется социально-психологическое «содержание социально-значимых черт человеческой психики» [52, с. 78].

В больших группах действительно вырабатываются такие специфические регуляторы человеческого поведения, как нравы, обычаи и традиции, формируются общие грани образа жизни, языка всей большой социальной группы. В ходе своей жизни в культуре каждая большая социальная группа нарабатывает своеобразные представления о повседневной реальности, свои навыки, их интерпретации и осмысления, на основе чего складывается некоторая собственная для этой большой группы картина мира. По инициативе французского философа С. Московичи этот продукт группового мировосприятия называют менталитетом и используют для выделения каждой группы по отношению к сознанию других групп [2, с. 94]. Слабая разработка теории менталитета позволяет здесь лишь отметить, что менталитетом обозначают глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий устойчивые социально-психологические установки и элементы бессознательного, распространенные в социальной группе, выражающие

своеобразное видение (осознание) людьми окружающей реальности и ориентирующие в той или иной мере социальное поведение – каждого индивида [64, с. 584].

Ментальность группы, прежде всего, выражает характер, стиль, способ группового политического мышления, восприятие политической жизни, влияет на состояние умонастроений и соответствующих ориентаций, деятельности субъектов политики. В зависимости от сложившегося менталитета группы её члены проявляют определенную восприимчивость к той или иной идеологии, к культурным нормам, к политическим ценностям. Практически ни один индивид не может избежать пребывания хоть на самое короткое время в хронотопе той или иной большой группы и её воздействия на свою – субъекта ментальность, ориентацию и деятельность.

Однако самое внушительное, непосредственное и процессуально-действенное воздействие на индивида совершается в малых социальных группах. Социальная группа, именуемая малой в социальной психологии, составляет ближайшую жизненную сферу, первичный слой того мира индивида, который осознается им как обжитый, воздействием со стороны которого ему и транспортируется значительная часть влияния целостного социума уже в виде ситуационно обусловленных, на личностном уровне совершаемых актов социализации. Природа, характер этих малых обществ, их многообразие и разнообразие отражают темпы общественного развития, зрелость и прогрессивность процессов его составляющих. Социальные психологи, хотя и не достигли полного согласия, но ориентируют исследователей социогуманитарного знания на такое определение: «Под малой группой понимается немногочисленная по составу группа, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов» [7, с. 187].

Усиливающиеся и убыстряющиеся изменения общественной жизни вызывают появление новых малых групп в структуре общества. На основе различных видов деятельности формируются команды, организации полугомерческого характера, референтные группы внутри объединений. В настоящее время социальными психологами отмечаются эти новые разновидности объединений и общностей, ибо природа производственно-экономических отношений создает объединения служебно-функциональные, далекие от той коллективности, которая была свойственна любому подразделению бывшего СССР и складывалась, как результат идеологического внушения. Активный интерес к малым группам определяется, прежде всего, предметной природой самих малых групп, в которые индивид включен с самых ранневозрастных периодов жизни, в которых и посредством которых контакты с окружающим миром очевидны, отслеживаемы, наблюдаемы. Результаты внутригрупповых контактов – взаимодействий, трансформация поведенческого плана доступны для изучения и оценки. Методика изучения малых групп, равно как и истолкование получаемых результатов, со временем существенно меняется. Начальный этап традиционной русскоязычной социальной психологии, вслед за заокеанскими коллегами, проявлял интерес к индивиду, его деятельно-поведенческой активности в зависимости от простого пребывания в группе, от самого факта присутствия рядом других действующих членов. Далее социальные психологи перешли к внутригрупповым процессам группы как коллектива, к взаимодействию участников в групповой деятельности, пытались выяснить тип последней. Затем сформировались навыки изучения структуры и других характеристик группы, их измерение и коррелирование в общей оценке типов как коллективного субъекта, локально выделенного и участвующего в пространстве деятельности более широких социальных общностей.

Прежде всего, представляют интерес те специфические признаки малых групп, которыми обусловлено своеобразие и их особая значимость

в процессе социализации индивидов в силу изначальной контактности, сопряженности хронотопов хотя бы на отдельном этапе жизни включаемого индивида. Вне социализации из ребенка не вырастет человек: общество не производит робинзонов. Самое существенное в малой группе, выделенное исследователями, – это непосредственные личные контакты составляющих группу членов. Малая группа – это реальная группа людей, сопричастующих в общем хронотопе и участвующих в совместной деятельности. Их деятельное участие и формирует соответствующие по времени, месту деятельности, типу этой деятельности, исторически наличествующие в хронотопе данного социума общественные отношения, которые здесь осуществляются в виде межличностных отношений и непосредственных контактов. Специальные исследования показывают, что специфика малых групп основывается на выбираемых группой общественных предпочтениях, ценностях, установках, которые в области конкретных общественных явлений могут существенно трансформироваться самой группой и даже отличаться от общественных. На групповые ценности ориентируются и правила поведения членов группы, сама её общая деятельность, нормативы нравственных предпочтений и одобрений. Постоянный контакт участников общегрупповой деятельности побуждает внутренние контакты членов, проявление приязни, личного предпочтения, выделение отдельными участниками личных авторитетов и референтных подгрупп. Положение каждого индивида в объединении как бы обозначается его местом в общих жизнеактах; его статус зависит от результата оценивания его поведения, выполнения им определенных функций. Реализация определенных функций, выполняемых индивидом, складывается в такую его характеристику, как роль в группе, которая может меняться, равно как сама деятельность и атмосфера отношений членов. В ходе проявления общей заинтересованности поставленными целями, характером общего движения к ним, эмоциональные контакты членов развиваются в

сплоченность группы, что укрепляет ее общественную значимость как социальной общности и повышает у индивидов чувство защищенности, ответственности и дружеской взаимовыручки.

Особую значимость для индивида представляют малые группы именно как «зоны ближайшего развития», где групповое жизненное пространство, причастность к социальной активной деятельности и совместному социально-культурному обогащению способствуют их становлению как личности и как члена общества [39]. Очень точно выражена эта значимость для индивида в рассуждении И. И. Кального, который отмечает: «Только в малых социальных образованиях современный человек находит то, что не дает ему «большое» сообщество. Только в границах «своей колокольни» он находит понимание и сочувствие, солидность и надежду на справедливость, ибо все эти социальные характеристики имеют не абстрактный, а вполне конкретный характер, ориентированный на утверждение нравственного начала общественной жизни» [71, с. 88]. Он выделяет малые группы как такие уединенные коллективные пространства, где трудно исказить информацию, а посему трудно манипулировать общественным мнением. Открытость этих образований обуславливает непосредственное участие людей в самоуправлении, заставляет их добровольно брать на себя меру ответственности за себя и других, обеспечивая устойчивость и прочность единства, как общественного бытия, так и общественного сознания [71]..

В дополнение к этим характеристикам малых групп – наличие непосредственных личных контактов членов и взаимообогащение навыками общения, культурного взаимовлияния и пр. – отметим ряд общих черт группового сосуществования индивида, обращением к описанию социального сообщества известным американским философом науки Т. Куном [74, с. 289]. Он изучал деятельность ученых-исследователей, в его книге наука получила совершенно новое объяснение. Прежде всего, он показал научное сообщество во всех его

проявлениях – от глобальных объединений естественников и гуманитариев до дисциплинарно – профессиональных школ и малых групп – как определяющего, важнейшего субъекта на когнитивном поле науки. И в этом огромная методологическая значимость его труда [55]. К развивающейся науке он применяет деятельностный подход и рассматривает ее как целостный процесс созидания научного знания. Наука у Т. Куна человекоразмерна (термин В.С. Степина): индивиды – ученые – это основатели и зодчие «научного знания». Они действуют одновременно на двух уровнях. На индивидуальном – как самостоятельные творящие личности и на коллективном – как члены научного сообщества с его установками на правила и задачи исследовательской деятельности, на оценку любого ее результата, на общую парадигму науки [55].

Автор высказывает мысль о возможности применения подхода, им предлагаемого, ко всякой деятельности осуществляемой в других областях и другими сообществами [89, с. 262–263]. Для изучения групп – сообществ он предлагает следующие вопросы: «Каким образом человек избирает сообщество, каким образом сообщество отбирает человека для участия в совместной работе, будь она научной или какой-то иной? Каков процесс социализации группы и, каковы отдельные его стадии? Что считает группа в целом, как коллектив, своими целями? Какие отклонения от этих общих целей будет она считать допустимыми, и как она устраняет недопустимые заблуждения?»[89, с. 269].

Все эти вопросы помогут выявить социологическую характеристику каждой группы, динамику ее развития, механизм внутренних контактов. Анализ вхождения индивида в группу, адаптации его в новом окружении и статус среди остальных членов – все это именно прорисовывает ситуацию. Но, кроме этого, обратим внимание, что у Т. Куна идет речь о целостном процессе. Здесь процесс рождения научного знания идет целостно, а у индивида – члена социальной группы – тоже целостность с

одновременным включением в содеятельность со всеми членами, а через это опосредовано – с обществом. Т. Кун подчеркивает, что каждый ученый творит в едином со своим сообществом духе – у них общая парадигма, т.е. исходная для научного творчества концептуально-мировоззренческая позиция, но собственно творческий поиск, ход мысли – это процессы, присущие голове индивида. Он осмысляет, планирует, выбирает, оценивает – сам, в своём, лично ему принадлежащем, внутреннем мире. Здесь происходит переплетение, взаимосодействие хронотопа индивида с групповым хронотопом, их взаимоподпитка и дополнение. Здесь реализуется посредническая роль группы между индивидом и социумом, в сопряжении их усилий в процессе социализации индивида.

Включенность индивида в малой группе может быть рассмотрена как взаимосодействие части и целого и как общение и взаимодействие с себе подобными. Это – единый процесс как активная деятельность обучения и воспитания, протекающих одновременно. В этом процессе индивид одновременно выступает как конкретный индивидуальный субъект своей жизнедеятельности и вместе с тем он – составляющий коллективного субъекта – малой группы. Через посредство малой группы (а он, заметим, одновременно, опять-таки, включен в несколько групп: как член семьи, производственного объединения, слушатель курсов, член определенной конфессии, союза художников или рыболовов т.д.) индивид оказывается включенным участником, носителем общественных отношений всего социума. Общественные отношения, собственно, и представлены структуризацией общества, функционированием и развитием сгруппированных во взаимосодействии индивидов. Надо полагать, К. Маркс именно в этом смысле характеризовал человека-индивида как совокупность общественных отношений. Индивид как активный участник малой группы – социальной подсистемы оказывается также включённым в структуру социума, т.е. тем самым в его

жизнедеятельности реализуется «два в одном», что и присуще части любого сверхсложного целого.

Изменения социума, как целого, сказывается на характере самой деятельности индивида, на его образе жизни. В рассуждениях В. С. Библера, относительно XX века с такими его социальными катаклизмами мирового масштаба, как две мировых войны, мировая революция, тоталитарные режимы, отмечается еще и напряжение «научно-технической революции» с её дисфункцией всех важнейших форм жизнедеятельности людей. Отмечается неизмеримо возросшая противоречивость подобных напряжении и дисфункций, которая проявлялась в техногенном обществе с его ускоренным развитием науки, техники, технологий, с применением научных знаний в производстве и во всех сферах жизни общества [23, с. 42–44] Экономическая и научно-техническая рационализация производства и условий жизнедеятельности в первом десятилетии XXI века набирает силы. Но набирают силы и негативные процессы. В техносфере как в надприродно – искусственной реальности складывается техногенный образ жизни людей, непомерно концентрируются богатства людей с рядом господствующей нищетой целых народов и стран, разрушается природная среда планеты с угрозой экологического кризиса, подвергается техносферно-биологической трансформации и сам человек.

О дисфункциях форм жизнедеятельности индивида в обществе и меняющихся общественных отношениях В. С. Библиер пишет, подчеркивая, что основной формой деятельности все более становится не деятельность в мега-коллективах, регулируемая мануфактурным и машинным разделением функций, но деятельность в малых группах, динамично меняющихся задачи и смыслы своей цельности в зависимости от изменения задач и смыслов индивидуальной активности. Исчезает насильное распределение работников в различных точках «системы машин и механизмов», решающей сферой деятельности оказывается

«деятельность, направленная на возможность деятельности», – работа самоизменения [23, с. 43].

Самым существенным в изменении форм жизнедеятельности индивида здесь отмечена трансформация деятельности в особый вид активности, «направленной на возможности деятельности». Так удачно В. С. Библером обозначена, надо полагать, прежде всего, деятельность всех людей в сфере обучения – одних в роли обучающих, других – в роли обучаемых. Системой обучения общество владело с самых давних времен, хотя она и не была изначально выделена из производственной сферы. Изменения её отражали всё новый уровень производственных процессов, механизм передачи традиций. Эти изменения складывались в систему сформированных усилиями государства социальных институтов, воспроизводящих общую и профессиональную подготовку новых поколений к участию в жизнедеятельности общества, обеспечивающих возможность деятельности в рамках куматоидов социальных групп. В переходные периоды истории, в сложных ситуациях кризисного состояния общества, подобного сегодняшнему, деятельность индивида «направленная на возможность деятельности» обретает несколько иной характер. Прежде всего, проблемной становится сама возможность обрести, получить эту трудовую деятельность, работу, обеспечивающую материально существование самого индивида, членов его семьи. Эта возможность в условиях кризиса вынуждает индивида на действия по выбору будущей профессии, по переподготовке, по поиску места и «устройства» на должность, по получению способности приспособливаться к быстро меняющимся условиям. Ориентируясь на изменение шкалы ценностей общества, индивиды и малые группы вынуждены менять свои цели и задачи. Так реализуется одна из значимых сторон процесса социализации.

Еще одним неотвратимым и решающим сдвигом в социальной жизни общества и индивида на грани XX – XXI веков явился рост

свободного времени индивида [38]. Этот рост свободного времени как продукт техногенных достижений постнеклассического общества проистекал также из трансформации деятельности индивидов в «деятельность, направленную на возможность деятельности, в работу самоизменения». Эту работу самоизменения мы вслед за В. С. Библером должны мыслить значительно шире и глубже, чем воспитание и обучение в системе, сформированной усилиями государства. Термином «самоизменение» обозначена исторически неизбежная для индивида способность, обязанность, обязательность «на-себя-действия» для активного сознательного целенаправленного развития и реализации в себе человеческого потенциала, всей его биосоциальной целостности. Такое "на-себя-действие" становится средоточием новых форм социальности, в которых общение людей, причем это ключевое действие в процессе общественного развития осуществляется не в рабочее время, но во время свободное (свободно определяемое моей волей).

Итак, существенным изменением в жизнедеятельности индивида явилось усиление особого вида активности – работы по самоизменению, и проявляется ключевой для его развития фактор – свободное время. Свободное время – это часть времени, которая после обязательного общественного труда остается в бюджете времени индивида, и он может использовать его по своему усмотрению, варьируя границы необходимых затрат вне рабочего времени. Отделить рабочее время от вне рабочего бывает порою достаточно трудно самим исследователям. Но, как отмечается в «Философской энциклопедии», «человек может варьировать границы тех или иных необходимых затрат вне рабочего времени, но он должен тратить время на воспроизводство своих физических и духовных сил» [38, с. 568]. Последнее замечание, надо полагать, подчеркивает, что в ракурсе развития индивида свободное время выступает именно как необходимое.

Хотя свободное время является предметом изучения социальной психологии, педагогики, социологии, социальной и культурной антропологии, на сегодня в отечественной науке прослеживаются немногочисленные систематические исследования свободного времени, социально-философские теории, разработанные междисциплинарные подходы к свободному времени на фоне новых цивилизационных проблем. Исключения составляют разработки второй половины прошлого века, среди которых исследования Г. Н. Волкова (1965), Б. А. Грушина (1967), Г. А. Пруденского (1964), С. Г. Струмилина (1961) и др.

Свободное время современного человека возрастает и меняется в своем наполнении вместе с трансформацией самой деятельности, рабочего времени и других жизненных процессов. Резкий количественный рост его был отмечен вступлением общества в техногенную эру, но значимость самого феномена осмыслялась давно, в разные времена по-разному. Античность отмечена идеалом жизни свободной от повседневных забот и права на избираемый вид созерцательности или зрелищности. Средневековье предпочитало заполнение свободного времени и преодоление меланхолии обращением в сферу общения с богом. Романтизм Нового времени претендовал на собственный стиль жизни пробуждающейся личности и склонялся к получению излишеств и изощренных форм наслаждения. Последнее столетие отмечено каскадом взлетов и падений, расцвета искушений зоны свободного времени при неизменном расширении затрат, использования техноинноваций и росте разнообразия предлагаемых способов и форм отдыха, развлечений и удовольствий. И между тем свободное время остается проблемой для общества и на настоящий момент, причем острой проблемой. Объяснение этому в середине минувшего века социологи связывали с тем, что сфера трудовой, производственной деятельности индивидов была представлена коллективными субъектами – большими или малыми группами, и деятельность индивида в этой сфере

была подконтрольной общественности, а в свободном времени такого постоянного контроля не было: «Резкое увеличение степеней свободы в использовании свободного времени, – отмечал В. Э. Шляпентох в 70-х. годах – нередко порождало социальные конфликты; такое внезапное увеличение свободного времени сопровождается усилением алкоголизма, преступности и других патологических социальных явлений» [162, с. 160].

Реальность сегодняшнего дня подсказывает, что проблема свободного времени не может быть решена организацией контроля над каждым индивидом в деле организации и выстраивания бюджета свободного времени – отдыха, досуговой занятости, сфер общения и пр. В. С. Библер обращал наше внимание на то, что начало роста свободного времени и несомненная тяга к нему индивидов проявляется в каждом обществе в катастрофических судорогах, поскольку бытие в условиях свободного времени для большинства людей дело непривычное, а свобода самоопределения человеческих поступков трудно переносима. «Но ведь свободное время это и есть время бытия в культуре, и оно-то, – добавлял он, – становится в ходе научно-технической революции основным временем общественного бытия и общественного сознания (сперва в форме досуга, затем – «всеобщего труда»)» [23, с. 43].

Свободное время здесь названо «бытием в культуре», поскольку это время индивида свободно для его «на-себя-действия», т.е. для все новых и новых форм социализации уже по личному усмотрению, во имя намеченной им самим своей линии жизни. Это формирование индивидом своего хронотопа – здесь, сейчас и на будущее. Несомненно, в обществе свобода появляется только на уровне достаточной сложности индивида, когда он способен выбирать свободно, сознательно, рационально и ответственно. Выбирать, т.е. осваивать и усваивать, интериорезировать какую-то часть тех накоплений культуры, и цивилизации, какими владеет общество. В этом выборе и в реализации его, в готовности использовать

на самосозидание, «на-себя-действие» могут и должны индивиду помочь и общество, и социальная политика государства. Чем больше возможностей выбора в удовлетворении духовных и материальных потребностей, чем лучше осуществляется подготовка индивидов к этому выбору, тем активнее участие индивидов в совершенствовании себя, своего «обжитого мира», всего общества.

Еще раз подчеркнём одно из важнейших положений теории сложных динамических систем: часть и целое находятся в неразрывном единстве как противоречивые взаимодействующие начала. Целое обеспечивает единство и разнообразие частей, связывает их воедино, упорядочивает и организует их функционирование, а части в своем функционировании проявляют новые свойства, меняют свои связи и отношения, конструктивно воздействуют на качественное изменение целого. Именно так общество, образуя взаимосвязанное целое, защищает интересы индивидов и коллективных субъектов, которые соблюдают правила общежития, упорядоченных форм жизнедеятельности. Вместе с тем оно накладывает ограничения на формы активности индивидов, вносящие деструкцию в упорядоченную, нормированную организованность общества. Так создается безопасность и тех зон, того пространства, в которых действуют члены общества – индивиды, точнее их взаимодействующие группы, объединения, позволяющие им приближаться в своем развитии к биосоциальной целостности человека.

Противоречивое взаимодействие составляющих системы «общество-индивид» раскрывается в свете общей теории сложных систем как механизм саморазвития, самоорганизации сложной системы «социум». Общество, в том числе и становящееся гражданское общество, на том его начальном этапе становления, событие с которым выпало на нашу долю, – не ставит задачей уничтожения, стирания на нет своеобразия, неповторимости индивидов – граждан. Его задача – преобразовать дискретное разнообразие составляющих элементов-

индивидов в целостную форму единого организма. На каждом этапе своего пути какую-то часть этой задачи общество и решает. Общество, как целостная сложная система обретает особое свойство самоорганизующихся систем: спонтанно возникающая без внешних воздействий активность целого передается его составляющим, действиями которых общество выходит на новый уровень своего развития. Помимо спонтанного возникновения, эмерджентность отмечается как такое свойство, которое от сложного целого передается его составляющим – частям и элементам, в данном случае – индивидам и их малым группам. По мере подобного изменения индивидов меняется сама система как нечто целое, она именно благодаря их активности принимает форму все более сложного организованного единства. На этом уровне качественно новой сложной системы трансформированными оказываются все индивиды и их сообщества, т.е. субъекты индивидуальные и коллективные, которые формируют, конструируют этот новый уровень целого. Можно считать, что тем самым оказывается, раскрыто самовозникновение процесса непрерывного развития системы «индивид-общество», процесса, образующего неразрывный рекурсивный круг [103, с. 340] или феномен «круговой причинности» [150, с. 37].

В самом общем виде механизм самоорганизации общества раскрывает путь каждого члена общества к биосоциальной целостности как собственно человеческого свойства. На этом пути важна самоорганизация членов общества. Надо, чтобы каждый индивид хотел быть «вполне человеком» – сознавал и понимал это, был способным для этого оказывать нужное «на-себя -действие». Уже сейчас для каждого возможно использование своего свободного времени. Свободное время организует структуру жизни индивида, ибо определяет баланс его труда и отдыха, общение и коммуникации с себе подобными, темпы и ритмы жизненных процессов. Свободное время как время «бытия в культуре» приближает индивида к высшим духовным ценностям, которые

становятся для него все более значимыми, воздействуют на его поведение, переводят его в другое состояние, формируют его как личность.

Современные научно-исследовательские материалы наук о человеке, всего антропоцентрического подхода позволяют углубить и расширить характеристики свободного времени как «одного из главных благ, которым располагает человек» [162, с. 149]. В социально-философском плане свободное время – это подлинная социокультурная общечеловеческая ценность. Даже в кризисном состоянии, подобном нынешнему, в обществе находится возможность побуждать индивидов искать, находить и реализовать условия для личной самореализации. Есть основания считать, что свободное время – это неотвратимый и решающий сдвиг в социальной жизни, – это системообразующий фактор исторического развития социума.

Вся развернутая выше характеристика свободного времени в достаточной мере определяет основные характерные свойства этой сферы хронотопа социума: во-первых, индивида в сфере свободного времени ожидает обязательный, хотя и не принудительный труд, труд «на-себя-действия», с приложением постоянных усилий по самоорганизации своей личности, её зоны ближайшего развития – своего «обжитого мира», с напряжением выбора и принятия решений и т.д. И все это он осуществляет как субъект своей свободной деятельности – сознательно, творчески, ответственно. Во-вторых, индивиду при реализации возможностей своего свободного времени предстоят усилия по организации образа жизни, своего, семьи, коллег, друзей, соседей. Индивид в сфере своего свободного времени действует в буквальном смысле индивидуально, т.е. осуществляя свободу своего выбора, однако при этом он включается в действующие объединения людей или создает сам новые. «Чтобы решать задачи обучения и развития, – пишет В. Е. Хиценко, – людям нужно организовываться в социальные единицы» [154, с. 31]. Он называет эти системы-единицы или организации:

любительские спортивные команды (коллективы), объединившиеся любители театра или других видов искусства, сплоченные информационной деятельностью незримо связанные контактеры, поклонники военных искусств, памятников древности и пр. [154]. Все эти малые группы у социологов именуется как стихийные (Г. М. Андреева, Ю. А. Левада), что, впрочем, применимо у них и к большим группам типа толпы. Несмотря на спонтанность, внеплановость возникновения подобных малых групп в сфере свободного времени общества, есть все основания, называть их инициативными, самодеятельными сообществами.

На микроуровне актов человеческой активности вырисовывается макроуровень социальных процессов, развивается культура как продукт и результат жизнедеятельности человечества, развивается главный продукт исторического процесса – сам человек. Об этом еще в 70-е годы прошлого века говорил нобелевский лауреат, академик П. Л. Капица, когда рассматривал связи и контакты всех уровней на почве науки, искусства и спорта как способствующие росту культуры человечества. Он подчеркивал, что «именно в этих сферах инициатива на местах способствует преодолению конфликтов и рубежей в межрелигиозных и межнациональных отношениях» [73, с. 70].

Начало третьего тысячелетия подтверждает эти слова с новой силой. Общество в своей самоорганизации не может не осознать необходимости обеспечить и активизировать силы и творчество, не применить способность каждого своего члена к самореализации. В этом залог успеха и даже спасения общества. Самоорганизация общества, по словам М. К. Мамардашвили, невозможна без высвобождения этих свободных социальных сил, рождающихся во множестве самых разнообразных самостоятельных объединений, жизнеспособных и активных в разных сферах своей культуры. Философ имеет в виду различные подобные объединения, подчеркивая их необозримое

разнообразие, от Общества филателистов до Союза театральных деятелей [93].

Отвечая на вопрос о судьбах культуры человечества, о том, в чем же должна заключаться культурно-созидательная работа, которую можно рассматривать не только в рамках внутреннего «духовного строительства», не только в интеллектуальном и нравственном совершенствовании и очищении каждой личности, но и в зримых социальных формах, М. К. Мамардашвили заявлял следующее: «По моему, единственное наше спасение – высвобождение свободных социальных сил. Таких, которые рождаются и сцепляются друг с другом, минуя обязательное государственное опосредование» [93, с. 141–142]. Эти рассуждения М. К. Мамардашвили – о культурно-созидательной работе в том ее воплощении, какое предполагает зримые социальные формы, избираемые самими людьми, их усилиями организуемые и наполняемые. В подобных объединениях-образованиях, сплачиваемых совместными усилиями участников, непосредственно активных и в их организации – воссоздании единения для деяния, для совместного, избранного по желанию и наклонностям, и в поддержание регулярного функционирования этого деятельного единения – созревает осознанная свобода людей, их ощущение развития. Здесь, по словам М. К. Мамардашвили, важна именно она – образуемая активно-деятельными, самодеятельными объединениями среда, в которой человеку легко вытащить из-под спуда и пустить в действие свои собственные способности к самоорганизации, в том числе и способности, организовывать для себя желаемое общение, приятное и полезное использование свободного времени, развитие своих жизненных сил. Им подчеркнута мысль о том, насколько важно каждому человеку умение жить в условиях общества, «когда рядом с тобой существует множество самодеятельных образований, жизнеспособных самих по себе, которыми государство сознательно решило не «управлять» [93, с. 138].

Вот такого рода деятельности в обществе самодеятельных, инициативных объединениях в самых разных сферах общественной жизни флуктуируют мотивы и цели, интересы и побуждения отдельных личностей, их интенции и склонности, осмысленные и произвольно совершаемые поступки. На этом микроуровне общечеловеческой жизнедеятельности складываются, сопрягаются, суммируются акты человеческой активности. «Только свободная ассоциация, по утверждению А. Н. Бузгалина, способна порождать феномен массового инсайта, импульсы массового новаторства, переживание массового катарсиса» [30, с. 41].

Ход истории, эволюционные изменения социального организма измеряются не отдельными актами индивидов, а их совместными сопряженными однонаправленными усилиями каких-либо групп, объединений людей, начиная от семьи, организации, партии. Здесь имеет место уже макроуровень социальных процессов. Эти коллективные объединения и представляют в ходе истории субъектов деятельности того или иного вида, они показывают степень свободы общества и каждого его члена.

В дополнение той глубинной сущностной характеристике, что даёт сама способность общества в ходе своей самоорганизации структурировать объединения индивидов как их личностно-индивидуальные интенционально побуждаемые устремления к творческой коллективной деятельности, рассмотренной А. Н. Бузгалиным [31], здесь правомерно остановить внимание на социальных образованиях этническо-культурной направленности. Такого рода образования, вызываемые общностью интересов или целевыми устремлениями, формировались усилиями самих участников по их добровольному выбору. Время их появления совпало с периодом возрождения «малых народов» Российской империи и служило проявлением убеждений необходимости охраны традиций прошлого, прежде всего традиций организационных.

Опорой поддержания этих традиций для национального возрождения украинцев в последние десятилетия XIX начала XX века в России, с ее индустриализацией, модернизацией, политизацией, расширением образования и ростом мобильности общества, с усилением русификаторских тенденций, стали громады (в переводе с украинского – «общества, общины»). Громадовские традиции, с их ярко выраженными элементами общинности, корпоративного коллективизма, пронизывают всю дореволюционную историю украинского национального движения. Для поддержания, которых требуется наличие стойких, пусть инертных, иногда бездействующих структур, основанных на личных связях, преданности идее, корпоративной этике, которые непрерывной нитью, связывают воедино десятилетия, поколения, идеи, формы и методы работы. Но в определённый момент они разветвляются, эволюционируют и, выполнив свою миссию, исчезают.

Громады – кружки украинской интеллигенции, появившиеся в середине XIX века и просуществовавшие до начала 1900-х годов. Термин «громада» впервые был использован представителями польского демократического студенчества в названии сборника «Отрывки в прозе и стихах Иосифа Проспера Громадского» (Киев, 1858). Под именем «Громадского» подразумевался коллективный псевдоним студенческого кружка, объединённого общими научно-общественными интересами и являвшегося частью студенческой гмины (землячества) Киевского университета, к тому же частью наиболее передовой.

Громады, на наш взгляд, – это наиболее жизнеспособные очаги украинского возрождения, которым принадлежала уникальная, быть может, еще не до конца оцененная роль хранителей национальных традиций и одновременно – генераторов новых идей, роль «убежища» для тех немногих украинских интеллигентов, которые не желали окончательно раствориться в «общероссийском» антиимперском освободительном море, роль «связников» между «антрактами»

национального возрождения, роль воспитателей и опекунов молодого поколения. Ведущей организационной формой украинского движения громады выступили на «культурнической» («организационной») стадии.

Громады были организациями внесловными, многонациональными, аполитичными, вдохновлёнными идеей украинского национального возрождения.

Основные этапы эволюции громад совпадают с общей периодизацией украинского национального движения и ведущими линиями развития украинской социально-политической мысли. Национальное возрождение – длительный процесс, включающий три стадии: 1) «академическую» – «ностальгическое» время собирания наследия; 2) «культурную», или «организационную», – превращение народного языка из предмета изучения в орудие литературного творчества и перевода, основание сети культурных организаций, посредством которых национальное сознание вносится интеллигенцией, «пионерами национальной идеи», вглубь этнической массы; 3) «политическую» – этап массовых национальных движений. В действительности наблюдается пересечение и переплетение всех трёх стадий. Действующей силой этого процесса становятся «будители» и «активисты» в лице громад, объектом воздействия – народ [112].

Показательна ситуация в Одесской громаде 90-х годов XIX в. Так, Л. А. Смоленский полагал, что «уже само по себе существование громады, пусть даже безо всякой работы, имеет огромное значение, что она организует, подбадривает людей, не даёт изменить идее национального возрождения», и любой другой идее. Интересно также высказывание Е. Х. Чикаленко: «Мы вместе поужинали, а всякое преломление хлеба и потребление вина в коллективе сближает и объединяет их. А это в высшей степени важно, ибо, когда вся Украина покроется такими громадами, пусть даже бездействующими, и придёт час

организованного коллективного выступления, тогда людям легче будет сплотиться, так как они уже будут объединены» [112, с. 46].

Начало XXI века ознаменовалось глобальным общечеловеческим кризисом, выражением которого оказалась нарастающая волна социальной дезинтеграции на мировом уровне. Для современного украинского общества это выразилось обострением проблем микросферы, такими как одиночество, отсутствие смысла жизни, конформизм, безнравственность, социальная пассивность, чувство незащищенности как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Все это уходит основаниями в фундаментальную проблему отчуждения человека от самого себя, отсутствия человека в человеке, преобладания экономической политики, целью которой является сделать индивида и его потребности объектом манипуляции со стороны внешних – экономических и политических – сил [110].

Возвращение или присвоение своей сущности человеком означает свободу от внешних манипуляций, преодолением же отчуждения и адекватным ответом будет становление социальных институтов, формирующих основу гражданского общества и ориентированных на человека [130]. В условиях отчуждения индивиды обретают себя благодаря возможности принимать решения, свободно действовать, когда они входят в созданное ими же социальное пространство для развития своей неповторимой индивидуальности, где рост свободы одного из них не только не ограничивает свободы другого, но и является условием позитивного деятельностного освобождения. Такие неотчужденные формы организации индивидов, где самореализуется их биосоциальная целостность, мы видим в инициативных самодеятельных физкультурных объединениях граждан. Поскольку физическая культура есть неременный момент существования индивида для поддержания особого режима функционирования его человеческой телесности (природной,

биологической составляющей) без чего никакое существование не могло бы состояться [37].

Физическая культура не есть в сфере культурного существования человека нечто частное, отдельное. Напротив, она является необходимым атрибутом, специфическим сквозным элементом человеческого культурного существования. Другие его элементы такого же рода – это культура теоретико-познавательная, культура нравственная, культура эстетическая, культура, связанная с актом человеческой веры – они и составляют биосоциальную целостность индивида.

Культура в наиболее обобщенном толковании этого термина понимается как особого рода процесс, «механизм», посредством которого становится возможным человеческое бытие, или, можно сказать также, «производится человек» как рефлексивное, сознательное существо. Культура неизбежно имеет дело с телесностью человека, трансформируясь и создавая необходимые предпосылки для появления осознающего себя человеческого существа. Существование культуры на субъективном уровне предполагает наличие у человека духовно-практической установки и соответствующего волевого усилия, в соответствии с которыми он внутренне ориентирован на осмысление жизни, осознание ее смысла как ценности, или благоговения перед даром жизни [37]. Культура в человеке – это реализация сущностных возможностей самой человеческой телесности. Волевое, телесное обусловленное усилие индивида становится важнейшим фактором жизни и воспроизводства данного бытия в высших его формах.

Каждая ситуация институциональной деятельности индивида, обычно как форма существования в нем одного конкретного типа культуры, при более внимательном анализе, оказывается случаем реального формирования также и культур других типов. А это в свою очередь значит, что данная социальная деятельность может быть использована в качестве средства развития не исключительной, но и

многих других типов культуры. Это значит, в частности, что средством развития физической культуры являются не только те или иные виды физической активности как таковой, не только спортивно-тренировочная (атлетическая) или «физкультурная» деятельность, подвижные игры. В качестве таких средств равным образом могут выступать иные виды социальной деятельности – художественная, научная, религиозная и др.

Культура как таковая, подчеркнем это еще раз, целостна; в ее составе представлены во всей полноте своей те отношения человека к миру, которые в принципе можно считать базовыми. Однако разнообразные проявления человеком его сущностных потенций, наиболее непосредственно воспринимаемая сторона его поведения – это, конечно, сторона деятельно-практическая. Не случайно в философской антропологии и в психологии столь широко распространены подходы, в рамках которых в качестве исходных, базовых реальностей, подлежащих анализу при осуществлении попыток построить концепцию человека или его психических проявлений, берутся такие случаи активности человека, как практическое действие. Таким образом, двигательная (деятельно-практическая) активность человека рассматривается как специфическая, базовая в определенном смысле, стихия, где рождается, разворачивает себя человеческая сущность и где эта сущность себя рефлексивно реализует.

Добровольные объединения небольшого количества людей для совместного проведения физкультурного двигательного досуга – это малогрупповые формы организации социума, описанные выше. Их деятельность не управляется какими-либо положениями, инструкциями или структурами, у них нет плана подготовки спортсменов-розрядников. Однако характер и содержание их деятельности во многом определяются уровнем физической культуры общества, господствующими в нем тенденциями, традициями, течениями моды и т.д. Жизнеспособность их определяется устойчивостью личностно-эмоциональных отношений

между участниками. Именно эти обстоятельства, определяющие подлинную жизненность физкультурных ценностей, осваиваемых индивидами, делают малогрупповые формы одним из перспективных направлений в развитии физической культуры общества [18] и гражданского общества в частности, т.к. наличие подобных объединений структурирует социальное пространство, позволяет индивиду самовыразиться в деятельности ему интересной, при этом реализуя свой природный биопотенциал телесности.

Хотя наличие объединений такой деятельной направленности не отражает уровень общественно-политической активности граждан, это способствует структурированию социума сообществами инициативного самодеятельного характера, где индивид обретает зачастую смысл жизни, групповую нравственность, пространство прямого, избранного им же, общения по интересам, чувство защищенности, возможность самоидентификации, выражение и оценку своей физической и личностной индивидуальности. Казалось бы, такие сообщества бесполезны в общественно-политическом плане, но при возникновении ситуаций противостояния общества и государства «людям легче будет сплотиться, так как они уже будут объединены».

Для гражданского общества особо значимы такого рода объединения, которые служат для проявления свободного выбора и самодеятельной активности объединившихся индивидов. Анализ объединений физкультурной направленности не являлся задачей работы, но мы видим в этом перспективу дальнейших исследований очерченной проблематики.

Выводы к Разделу 2

Проведенный аналитический междисциплинарный обзор исследований сущности и понимания многогранного социального феномена «гражданское общество» в аспекте проблематики проведенного исследования, позволяет рассматривать гражданское общество как

феномен естественноисторического процесса. Гражданское общество представлено совокупностью общественных институтов, непосредственно не включенных в структуры государства, посредством которых граждане в таком единении реализуют свои интересы и инициативы. Такое построение гражданского общества, образуясь в ходе истории, самоорганизуется, структурируясь включением граждан в разнообразные институты в виде институтов социума (ассоциации, организации, самодеятельные объединения и пр.), способных активно влиять на различные сферы социальной жизни. Современное развитое гражданское общество – это общество свободной самоорганизации, это традиция гражданского объединения на основе права и закона. Значимым для нашего исследования гражданского общества, среди главных его характеристик, выступает уровень самоорганизации и саморегуляции общества, способность индивидов, как граждан государства, судить о нем, опосредованно влиять на его действия, а также их способность, как членов общества, воздействовать на социальные отношения и общественные события.

Процесс социализации индивида в гражданском обществе отмечен спецификой, обусловленной тем, что система «социум-индивид» как сложная многоуровневая социальная система приобретает особенные признаки сложной системы – взаимоиндукции и эмерджентности. Это раскрывает механизм процесса социализации в гражданском обществе, многоуровневый характер взаимодействий в социальной системе, обусловленный, прежде всего, активным влиянием друг на друга субъектов социализации – общества и индивида. Процесс социализации индивида в пространстве гражданского общества характеризуется не только в плане адаптации индивида, но и в творении, конструировании, преобразовании окружающего мира, себя и своих деятельных способностей.

Самодеятельные объединения гражданского общества, в которых посредством личностных контактов, отношений и связей происходит освоение индивидом социального пространства, выступают как составляющие социальной системы. Социальное пространство объединений гражданского общества является непосредственной средой самореализации биосоциальной целостности индивида, которое представляет собой динамичную социальную систему, отражающую темпы общественного развития, зрелость и прогрессивность процессов их составляющих. В границах самодеятельных объединений гражданского общества происходит как освоение внешнего социального пространства, так и его трансформация под воздействием индивида, т.е. интеграция внутренне-индивидуального и внешне-социального в единое многомерное социальное пространство индивида.

Механизм самореализации биосоциальной целостности индивида в инициативных объединениях гражданского общества обусловлен тем, что самое непосредственное и процессуально-действенное воздействие на индивида совершается в малых социальных группах. Такого рода группа составляет ближайшую жизненную сферу, первичный слой того мира индивида, который избран им самим и осознается как обжитый. Названные объединения добровольно избираются самими участниками или ими же создаются на основе общих устремлений и интереса к творческой, научной, познавательной, двигательной и пр. деятельности. Малые инициативные группы как необходимый структурный элемент гражданского общества являются для индивида «зоной ближайшего развития», где групповое жизненное пространство, причастность к социальной активной деятельности, совместному социально-культурному обогащению, составляют для индивида на-себя-действие, способствующее его становлению как личности, как полноправного члена общества.

Результаты исследований, представленных в Разделе 2 нашли отражения в следующих публикациях автора:

Самодеятельное спортивное сообщество как субъект культурно-оздоровительной деятельности // Наукове пізнання: методологія та технологія. – Одеса, 2004 – Випуск №1 (13) – С. 149 – 154. – (Серія: філософія, соціологія, політологія).

Физическая культура и спорт в пространстве досуговой деятельности // Наукове пізнання: методологія та технологія – Одеса, 2006 – Випуск №1 (17) – С. 141 – 145 – (Серія: філософія, соціологія, політологія).

О человекомерности гражданского общества // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского – Сімферополь: Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, 2008 – Том 21 (60), № 3 – С. 64 – 69. – (Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія).

Гражданское общество – цель или средство // Наукове пізнання: методологія та технологія – Одеса, 2008 – Випуск № 2 (22) – С. 46 – 51. – (Серія: філософія, соціологія, політологія).

Индивид в хронотопе инициативного сообщества // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского – Сімферополь: Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, 2010. – Т. 23 (62), № 2. – С. 78 – 84 – (Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія)

ВЫВОДЫ

1. Анализ формирования представлений и взглядов на биосоциальную целостность индивида в историческом аспекте, а также исследование ее становящегося характера, позволило представить социум, самого индивида и его биосоциальную целостность не как результат, а «как результат вместе со своим становлением». Незавершенная и, возможно, незавершаемая биосоциальная целостность, самореализуясь индивидом в обществе, выступает источником дальнейшего развития социума.

2. Проблема биосоциальной целостности индивида на современном этапе развития науки рассматривается в контексте анализа его взаимодействия с социальным окружением, деятельности и специфического воздействия социализирующих институтов, прежде всего малых групп, в которые индивид оказывается включенным на протяжении всей своей жизни. Наиболее распространенное в современных исследованиях понимание сущности биосоциальной целостности индивида можно интерпретировать как процесс наиболее полного выявления и реализации индивидом своих возможностей, достижения намеченных целей в решении лично значимых проблем, что позволяет реализовать индивиду свой биосоциальный потенциал максимально полно. Хотя понятие биосоциальной целостности достаточно употребимо в научной сфере, на сегодня практически отсутствует глубокий анализ онтологических и гносеологических основ биосоциальной целостности индивида и влияния социального пространства на указанное свойство индивида. Считаем, что проблема биосоциальной целостности индивида как объект философского изучения наиболее адекватно исследуется в рамках естественной среды для индивида – социуме и его структурных элементах – малых группах общества.

3. Показано, что применение синергетического подхода в исследовании системы «общество-индивид» выявляет механизмы самоорганизации сложной системы и действие ее побуждающей «социальной силы». Социум как сложная система проявляет свойство эмерджентности, или способности передавать составляющим элементам спонтанный импульс. Индивиды, направленные жизнедеятельной практикой общества, деятельно-активным проявлением воздействуют на социальную систему и обеспечивают обществу выход на качественно новый уровень и способность вновь порождать и развивать у составляющих, т.е. у индивидов, их человеческие свойства. В синергетике такого рода циклически повторяемое взаимодействие целого и элемента принято называть взаимоиндукцией, при этом элемент характеризуется как ведущий параметр всей системы.

4. Проведенный аналитический междисциплинарный обзор исследований сущности и понимания многогранного социального феномена «гражданское общество» в аспекте проблематики проведенного исследования, позволяет рассматривать гражданское общество как феномен естественноисторического процесса. Гражданское общество представлено совокупностью общественных институтов, непосредственно не включенных в структуры государства, посредством которых граждане в таком единении реализуют свои интересы и инициативы. Такое построение гражданского общества, образуясь в ходе истории, самоорганизуется, структурируясь включением граждан в разнообразные институты в виде институтов социума (ассоциации, организации, самодеятельные объединения и пр.), способных активно влиять на различные сферы социальной жизни. Современное развитое гражданское общество – это общество свободной самоорганизации, это традиция гражданского объединения на основе права и закона. Значимым для нашего исследования гражданского общества, среди главных его характеристик, выступает уровень самоорганизации и саморегуляции

общества, способность индивидов, как граждан государства, судить о нем, опосредованно влиять на его действия, а также их способность, как членов общества, воздействовать на социальные отношения и общественные события.

5. Процесс социализации индивида в гражданском обществе отмечен спецификой, обусловленной тем, что система «социум-индивид» как сложная многоуровневая социальная система приобретает особенные признаки сложной системы – взаимоиндукции и эмерджентности. Это раскрывает механизм процесса социализации в гражданском обществе, многоуровневый характер взаимодействий в социальной системе, обусловленный, прежде всего, активным влиянием друг на друга субъектов социализации – общества и индивида. Процесс социализации индивида в пространстве гражданского общества характеризуется не только в плане адаптации индивида, но и в творении, конструировании, преобразовании окружающего мира, себя и своих деятельных способностей.

6. Самодеятельные объединения гражданского общества, в которых посредством личностных контактов, отношений и связей происходит освоение индивидом социального пространства, выступают как составляющие социальной системы. Социальное пространство объединений гражданского общества является непосредственной средой самореализации биосоциальной целостности индивида, которое представляет собой динамичную социальную систему, отражающую темпы общественного развития, зрелость и прогрессивность процессов их составляющих. В границах самодеятельных объединений гражданского общества происходит как освоение внешнего социального пространства, так и его трансформация под воздействием индивида, т.е. интеграция внутренне-индивидуального и внешне-социального в единое многомерное социальное пространство индивида.

7. Механизм самореализации биосоциальной целостности индивида в инициативных объединениях гражданского общества обусловлен тем, что самое непосредственное и процессуально-действенное воздействие на индивида совершается в малых социальных группах. Такого рода группа составляет ближайшую жизненную сферу, первичный слой того мира индивида, который избран им самим и осознается как обжитый. Названные объединения добровольно избираются самими участниками или ими же создаются на основе общих устремлений и интереса к творческой, научной, познавательной, двигательной и пр. деятельности. Малые инициативные группы как необходимый структурный элемент гражданского общества являются для индивида «зоной ближайшего развития», где групповое жизненное пространство, причастность к социальной активной деятельности, совместному социально-культурному обогащению, составляют для индивида на-себя-действие, способствующее его становлению как личности, как полноправного члена общества.

8. Указанная актуальность диссертационного исследования обусловлена современной картиной мира, в которой центральной фигурой предстает человек, подтверждает реальную предпосылку оформления единой науки о человеке: во-первых, это современная физико-астрономическая картина мира – Вселенная, развивающаяся как единое целое, во-вторых, это совсем недавно сформулированный антропный принцип. В-третьих, есть все основания считать, опираясь на данные современной науки, что самые тонкие особенности человека, как именно свободного и духовного существа, укоренены в его уникальной биологии. Что касается методологии, то эта часть наименее отработана в современной науке.

9. Обоснованное идеей создания единой науки о человеке исследование вопроса всестороннего изучения человека показало необходимость синтеза историко-философского и философско-

методологического анализа наук (в данном случае наук о человеке) и объединения последнего с историко-культурным аспектом к описанию науки.

10. Философское осмысление очерченной проблемы может предложить методологический спектр исследования, который способен закрепиться и стать фундаментом синтеза знаний о человеке, как результат обобщения всего материала, который касается затронутой проблемы. Этот методологический спектр имеет отношение к материалу каждой из наук о человеке, каждая из которых может найти в использовании предложенных идей источник прогрессивного самоизменения в известных науке формах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдушенко В. Л. Философская антропология / В. Л. Абдушенко // Новейший философский словарь. – [3-е изд., исправл.] – Мн. : Книжный Дом, 2003. – С. 1095–1097.
2. Абрамова М. А. Социально-психологический подход к исследованию больших социальных групп / М. А. Абрамова // Вестник Новосибирского государственного университета. Т.6. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2008 –Выпуск 2 – С. 90–95.
3. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пьер Адо. – М.-СПб: Изд-во «Степной ветер», ИД «Коло», 2005 – 448 с.
4. Алейник Р. М. Человек в философском постмодернизме / Р. М. Алейник. – М. : МИК, 2006. – 224с.
5. Ананьев Б. Г. Методологические основы комплексного исследования человека / Б. Г. Ананьев, В. Я. Ельмеев // Социология и идеология. – М.: Наука, 1969. – С. 221–234.
6. Андреев И. Л. Происхождение человека и общества / И. Л. Андреев – М. : Мысль, 1988. – 415 с.
7. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 365 с.
8. Анохин П. К. Избранные труды. Кибернетика функциональных систем / П. К. Анохин. – М.: Медицина, 1998. – 292 с.
9. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. / П. К. Анохин // Проблемы системной организации функций. – М. : Наука, 1973. – С.5 – 61.
10. Антипина Г. С. Теоретико-методологические проблемы исследования малых социальных групп / Г. С . Антипина – Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1982 – 112 с.
11. Аристотель. О душе // Сочинения : в 4 т. / [ред В. Ф. Асмус]. – М. : Мысль. –.....– Т.1. –1976. – С.371–448.

12. Архангельский Л. И. Социально-этические проблемы теории личности / Л. И. Архангельский. – М. : Мысль, 1974. – 221 с.
13. Аршинов В. И. Гражданское общество как проблема коммуникативного действия / В. И. Аршинов, Н. Г. Савичева // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. Вып. 3. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 426–435.
14. Аршинов В. И. Медицина III и опыт применения препарата «Стимулин Д» / В. И. Аршинов, А. В. Малый, П. А. Попов // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 501–513.
15. Аршинов В. И. Синергетика: эволюционный аспект / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М. : Арго, 1994. – С. 229 – 242.
16. Афанов А. П. Социализация индивида как субъектно-объектный процесс / А. П. Афанов. – Донецк, 2001 – 230 с.
17. Ахизер А. С. Проблема субъекта: человек – субъект / А. С. Ахизер // Вопросы философии. – 2007. – №12. – С. 3–15.
18. Бальсевич В. К. Физическая активность человека / В. К. Бальсевич, В. А. Запорожанов. – К. : Физкультура и спорт, 1988. – 224 с.
19. Бахтин М. М. Формы времени и хронотоп в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного знания. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – С. 507–514.
20. Белинская Е. П. Социальная психология личности / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая – М. : Аспект Пресс, 2001. – 301 с.
21. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 788 с.
22. Бердяев Н. А. Мое философское мировоззрение / Н. А. Бердяев // Н. Бердяев о русской философии. Ч.1. – Свердловск: Из-во Урал. Ун-та, 1991. – С. 19–25.

23. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры (На путях к гуманитарному разуму) / В. С. Библер – М. : Прогресс, 1991. – 176 с.
24. Билалов М. И. Какое гражданское общество нужно России? / М. И. Билалов // Вестник Российского философского общества. – М. : ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2009. – Выпуск № 2 (50) – С.88 – 91.
25. Болтер Дж. А. Человек тьюринга: западная культура в компьютерный век / Дж. А. Болтер // Социология культуры: современные зарубежные исследования. – М., 1987 – С. 67 – 114. .
26. Борзенков В. Г. На пути к единой науке о человеке / В. Г. Борзенков // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / [под общ. ред. Б. Г. Юдина] – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 30–51.
27. Борзенков В. Г. Теология в современной биологии. / В. Г. Борзенков // Высшее образование в России. – 2003. – №5 – С. 24 –29.
28. Борзенков В. Г. Человек в современной научной картине природы / В. Г. Борзенков // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / [под общ. ред. Б. Г. Юдина]. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 201–220.
29. Боринштейн Е. Р. Личность: ее языковые ценностные ориентации / Е. Р. Боринштейн, А. А. Кавалеров. – Одесса : Астропринт, 2001 – с. 168.
30. Бузгалин А. В. Глобальный капитал / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 512 с.
31. Бузгалин А. В. На пути к социальному освобождению человека / А. В. Бузгалин // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.). Т. 5. – М.: Современные тетради, 2005.– С.189–190.
32. Булычев И. И. Демократия и контрдемократия / И. И. Булычев // Вестник Российского философского общества. – М.: ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2006. – Выпуск №2 (38) – С. 50 – 51.

33. Василькова В. В. Синергетика и архетипические коды социальной самоорганизации / В. В. Василькова // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 242–247.
34. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление / В. И. Вернадский // В. И. Вернадский о науке. – Дубны: Изд-во «Феникс», 1997 – . – Т.1: Научная мысль. – 576 с.
35. Веряскина В. П. Императивы экологической этики и новый образ человека / В. П. Веряскина // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Пресс-Традиция, 2003. – С.266–279.
36. Визитей Н. Н. Физическая культура и здоровье спортсмена (философско-антропологический аспект проблемы) / Н. Н. Визитей // Теория и практика физической культуры. – 2008. – № 9. – С. 3–6.
37. Визитей Н. Н. Физическая культура личности. Проблемы человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты / Н. Н. Визитей. – Кишинев: Штинница, 1989. –130 с.
38. Волков Г. Н. Свободное время / Г. Н. Волков // Философская энциклопедия / [гл. ред. Ф. В. Константинов] – М.: Советская энциклопедия, 1967. – –Т.4: «Наука логики» – Сигети – 1967. – С. 568.
39. Выготской Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготской – М.: Педагогика. –.– Т.1 : Вопросы теории и истории психологии, 1982. – 488 с.
40. Гаджиев К. С. Политическая наука / К. С. Гаджиев – М. : Изд-во «Международные отношения», 1994 – 400 с.
41. Гегель Ф. Наука логики /Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1997. – 800 с.
42. Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1998. – С.151–201.
43. Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М. : Ad Marginem, 1995 – 239 с.

44. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – [2-е изд.] – М. : Академический Проект, 2005. – 528 с.
45. Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М. : ОАО Изд-во «Радуга», 2003 – 1328 с.
46. Гнатик Е. Н. Философские проблемы евгеники: история и современность / Е. Н. Гнатик // Вопросы философии. – 2005. – №6 – С. 93–106.
47. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1991. – ...– Т. 2. – 924 с.
48. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989. –...– Т. 1. – 685 с.
49. Гобозов И. А. И еще раз о гражданском обществе / И. А. Гобозов // Вестник Российского философского общества. – М. : ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2009. – Выпуск № 3 (51) – С.119 – 122.
50. Грушин Б. А. Свободное время / Б. А. Грушин // Социология и идеология. – М. : Наука, 1969. – С.136 – 146.
51. Гумницкий Г. Н. Об идеологии либерализма, истине и добре / Г. Н. Гумницкий // Вестник Российского философского общества. – М. : ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2010. – Выпуск №2 (54) – С. 91 – 97.
52. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология / Г. Г. Дилигенский. - М.: Наука, 1994. – 304с.
53. Дильтей В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // Собрание сочинений: в 6 т. – М. : Дом интеллект книги, 2000. –...– Т. 1. – С.270 – 730.
54. Дмитриева М. С. О пределе абстрагирования в метанауке /М. С. Дмитриева, С. А. Алексеев, А. Н. Филатова. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского – Сімферополь: Таврійський нац. ун-т імені В. І. Вернадського, 2008 – Т. 21 (60), № 3 – С. 137–142.

55. Дмитриева М. С. Синергетика в науке и наука языком синергетики: [сб. статей]. – Одесса: Астропринт, 2005. – 184 с.
56. Добронравов С. В. Основы философской антропологии: опыт дедуктивного построения / С. В. Добронравов // Философское наследие и современность: сб. науч. работ. Ч.2 – М.: МГГУ, 2008. – Выпуск 8 – С. 12–22.
57. Дубинин Н. П. Генетика, поведение, ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев – М.: Политиздат, 1982. – 304 с.
58. Дулин П. Г. Гражданское общество и государственная власть в Украине. П. Г. Дулин // Украина в системе современных цивилизаций и трансформации государства и гражданского общества. – Одесса: «ВМВ», 2006. – С. 118–120.
59. Загороднюк В. Бачення знання та людини у філософії модерну та постмодерну / В. Загороднюк // Філософська думка – 2006. – №4. – С.3 – 11.
60. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская – М: Дело, 2003 – 568 с.
61. Зеленко. Б. И. Гражданское общество. / Б. И. Зеленко // Глобалистика: Энциклопедия / [гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков]. – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003 – С. 277–279.
62. Зеленов Л. А. К проблеме социальной активности личности как движущей силы развития общества / Л. А. Зеленов, Л. В. Филиппова и др. // Человеческий фактор. – М.: Изд-во ин-та философии, 1987. – С. 69 – 73.
63. Зюзев Н. Ф. Философия Питирима Сорокина / Н. Ф. Зюзев. – Сыктывкар: Эском, 2004 – 402 с.
64. Ирхин Ю. В. Ментальность / Ю. В. Ирхин // Глобалистика: Энциклопедия / [гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков]. – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003 – С.584.

65. Кавалеров А. А. Цінність у соціокультурній трансформації: монографія / А. А. Кавалеров. – Одеса: Астропринт, 2001 – 224 с.
66. Кавалеров А.И. Знание и сознание: [монография] / А. И. Кавалеров. – Одесса: Астропринт, 2008. – 160 с.
67. Кавалеров А. И. Наука XX століття: методологія, трансформації, епістемологія / А. И. Кавалеров. – Одеса: Астропринт, 2008. – 136 с.
68. Каган М. С. Формирование личности как синергетический процесс / М. С. Каган // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 212 – 227.
69. Казначеев В. П. Здоровье нации, просвещение и образование / В. П. Казначеев. – Кострома: КГПУ, 1996 – 246с.
70. Казначеев В. П. Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения / В. П. Казначеев, Е. А. Спирин. – Новосибирск: Наука, 1991. – 304 с.
71. Кальной И. И. Идея гражданского общества: история и современный интеллектуальный диалог / И. И. Кальной // Гражданское общество: идея, наследие социализма и современная украинская реальность. – Луганск: Альма матер, 2002. – С. 77–91.
72. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Сочинения в шести томах. – М.: «Мысль», 1966. – Т. 6. – 1966. – С. 349 – 587.
73. Капица П. Л. Влияние современных научных идей на общество / П. Л. Капица // Вопросы философии. – 1979. – №1. – С.61–71.
74. Карпинская Р. С. Биология, идеалы научности и судьбы человечества / Р. С. Карпинская // Вопросы философии. – 1992. – №11. – С. 139 – 149.
75. Киселев Л. Л. Парадоксы биологии человека / Л. Л. Киселев // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / [под общ. ред. Б. Г. Юдина]. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С.193 – 200.
76. Киссель М. А. Джамбаттиста Вико / М. А. Киссель. – М.: Мысль, 1980. – 197 с.

77. Князева Е. Н. Загадка человека: человеческая особенность коэволюционных процессов / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного знания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С.379 – 409 с.

78. Когай Е. А. Дилеммы российского самосознания и гражданское общество / Е. А. Когай // Вестник Российского философского общества. – М.: ЗАО «Московские учебники – СиДипресс», 2006. – Выпуск №2 (38) – С. 49 – 50.

79. Кожурин А. Я. Формирование дискурсов о человеке в европейской философии XIX века / А. Я. Кожурин // Философский век. Альманах: материалы международной конференции (19–21 декабря 2002 г.) Часть 2. – СПб.: Центр истории идей, 2002. – С.33–40.

80. Козлова О. В. К проблеме гражданского сознания и гражданского общества в РФ / О. В. Козлова, Ю. Л. Балюшина // Вестник Российского философского общества. – М.: ЗАО «Московские учебники – СиДипресс», 2009. – Выпуск №4 (52) – С. 99 – 104.

81. Колесников А. С. Философия в гражданском обществе / А. С. Колесников // Вестник Российского философского общества. – М.: ЗАО «Московские учебники – СиДипресс», 2006. – Выпуск № 2 (38) – С.51 – 53.

82. Кон И. Личность и ее социальные роли / И. Кон // Социология и идеология. – М.: Наука, 1969. – С. 248–261.

83. Конев В. А. Каков наш путь к гражданскому обществу? / В. А. Конев // Вестник Российского философского общества. – М. : ЗАО «Московские учебники – СиДипресс», 2006. – Выпуск № 2 (38) – С.32–35.

84. Корсаков С. Н. Иван Тимофеевич Фролов /С. Н. Корсаков – М. : Наука, 2006. – С.500–529.

85. Кравченко И. И. Государство и общество / И. И. Кравченко // Вопросы философии. – 2007. – №7. – С. 19–35.

86. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / Ксенофонт Афинский. – Москва-Ленинград: ACADEMIA, 1935–420с.
87. Кузнецов Н. С. Социальная организация и мотивация / Н. С. Кузнецов // Человеческий фактор. – М.: Ин-т философии. – С.114–123.
88. Кулиев З. А. За философию медицины здоровья / З. А. Кулиев // Вестник Российского философского общества. – М.: ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2009. – Выпуск № 2 (50) – С.178–182.
89. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; [пер. с англ. И. З. Налетова]. – М.: Прогресс, 1977 – 300с.
90. Кучерена А. Т. Между народом и государством: 30 веков гражданского общества / А. Т. Кучерена. – М., 2004 – 331с.
91. Лисеенко Е. В. Современные инструменты гражданского общества и государства / Е. В. Лисеенко // Украина в системе современных цивилизаций и трансформации государства и гражданского общества. – Одесса: «ВМВ», 2006. – С. 116–118.
92. Лощаков Д. Г. Методологические и социально-этические проблемы комплексного изучения человека / Д. Г. Лощаков // Вопросы философии. – 1988. – №2 – С. 127 – 131.
93. Мамардашвили М. К. Дьявол играет с Нами, когда мы не мыслим точно.../ М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс-Культура, 1992 – С.126 – 143.
94. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления / М. К. Мамардашвили. – [2-е изд.] – М. : Прогресс, 2001. – 352 с.
95. Маркарян Э. Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности / Э. Маркарян // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. – М.: Наука, 1972. – 320 с.
96. Маркс К. Полное собрание сочинений: в 50 т / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. – Т.27 – 1962. – 696 с.

97. Маркс. К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 517 – 642.

98. Матурана У. Р. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / У. Р. Матурана, Ф. Х. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 233 с.

99. Мечников И. И. Этюды о природе человека / И. И. Мечников – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. – 298 с.

100. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.

101. Мирандола Д. Речь о достоинстве человека / Д. Мирандола // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. – Т.1. – М.: Искусство, 1981. – С. 506–514.

102. Можейко М. А. Социализация / М. А. Можейко // Новейший философский словарь – Мн. : Книжный Дом, 2003. – С. 964 – 966.

103. Морен Э. Необходимость реформы мышления / Э. Морен; [перевод Ю. А. Данилова] // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 334 – 342.

104. Мотрошилова Н. В. Гражданское общество и социальная практика. / Н. В. Мотрошилова // Российская философская газета. – 2007 – №5. – С. 2–4.

105. Мудрик А. В. Социализация человека / А. В. Мудрик. – М.: Издат. центр «Академия», 2004. – 170 с.

106. Муштук О. З. Массовая политическая культура россиян и возможности демократического обустройства России / О. З. Муштук // Гуманитарное измерение меняющегося мира: [сб. статей]. – М.: Издат. Центр ЕАОИ, 2008. – С.147 – 166.

107. Налимов В. В. Самоорганизация как творческий процесс: Философский аспект / В. В. Налимов // Синергетическая парадигма.

Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 143–154.

108. Нарский И. Физикализм / И. Нарский // Философская энциклопедия / [гл. ред. Ф. В. Константинов] – М.: Советская энциклопедия, 1967. – Т.5–1970 – С. 327.

109. Никифоров А. Л. Методологическая концепция П. Фейерабенда / А. Л. Никифоров // Вопросы философии. –1976. –№ 8. – С. 142–146.

110. Одинцова О. Н. Проблема отчуждения и гражданское общество / О. Н. Одинцова // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.). – Т. 4. – М.: Современные тетради, 2005.– С.453

111. Оконская Н. Б. История и биология / Н. Б. Оконская. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993 –.264 с.

112. Пасько Я. Феномен соціальної держави в історичній традиції / Я. Пасько // Філософська думка – 2007. – №2. – С.40 – 48.

113. Петриківська О. С. Філософська антропологія як методологія синтезу знань про людину: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09.00.02 „Діалектика і методологія пізнання” / О. С. Петриківська. – Одеса, 2007. – 18 с.

114. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи; [перевод с англ. О. В Захаровой]; под. ред. Д. М. Гвишиани – М. : Прогресс, 1985 – 312 с.

115. Платон. Государство / Платон // Человек : Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / сост. П. С. Гуревич. – М. : Политиздат, 1991. – С.86–100.

116. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плейснер. – М. : РОСПЭН, 2004. – 368 с.

117. Пляйс Я. Возникновение и этапы развития гражданского общества / Я. Пляйс // Обозреватель – 2007. – №5. – С.70 – 76

118. Подвойский Л. Я. Проблема гражданского общества в России и за рубежом / Л. Я. Подвойский // Вестник Российского философского

общества. – М. : ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2009. – Выпуск № 3 (51) – С.82 – 83.

119. Пунченко О. П. Образование как канал трансляции нравственных ценностей социума / О. П. Пунченко, П. Е. Козленко // Актуальні проблеми духовності: зб. наук. праць – Кривий Ріг, 2007. – Випуск №8 – С. 215–225.

120. Пунченко О.П. Экзистенциалы природного и социального бытия человека / О.П.Пунченко // Новое в науке и практике. – 2004. – №4 (23). – С.29–34.

121. Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии /А. Н. Радищев // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения /сост. П. С. Гуревич. – М. : Политиздат, 1991. – С. 394–410.

122. Розов М. А. Строение научного знания (проблемы методологии и методики анализа) / М. А Розов // Философия науки. – М.: ИФРАН, 1997. – Вып. 3. – С. 59–87.

123. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / М. А Розов. – Смоленск: Изд-во Смолен. ун-та, 2006. – 499 с.

124. Романенко С. С. Гражданское общество – цель или средство // Наукове пізнання: методологія та технологія – Одеса, 2008 –Випуск № 2 (22) – С. 46 – 51.

125. Романенко С. С. Здоровье человека техногенной цивилизации – знать и иметь // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского – Сімферополь: Тавр. нац. ун-т імені В. І. Вернадського, 2008 – Том 21 (60), № 4 – С. 305 – 310.

126. Романенко С. С. Физическая культура и спорт в пространстве досуговой деятельности // Наукове пізнання: методологія та технологія – Одеса, 2006 – Випуск №1 (17) – С. 141–145

127. Рубинштейн С. Л. Человек и мир / Л. С. Рубинштейн – М.: Директ – Медиа, 2008. – 360 с.

128. Сагатовский В. Н. Антропологическая целостность: статус и структура / В. Н. Сагатовский // Очерки социальной антропологии. – СПб.: «Петрополис», 1995. – С.41–55.

129. Сагатовский В. Н. Социальная философия: поиски целостности / В. Н. Сагатовский // Социально-политический журнал. – 1994. – №3–6. – С. 55–60.

130. Сейфи Г. Социальные болезни современности / Г. Сейфи, А. В. Лебедев // Вестник Российского философского общества. – М. : ЗАО «Московские учебники – СиДипресс», 2004. – Выпуск № 3 (31) – С. 66 – 68.

131. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова – Полтава: Довкілля – К., 2010. – 844 с.

132. Ситько С. П. Введение в квантовую медицину / С. П. Ситько, Л. Н. Мкртчян. – К. : Паттерн, 1994 – 147с.

133. Ситько С. П. Традиции восточной медицины с точки зрения современной науки / С. П. Ситько // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 517–596.

134. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. – [2-е изд., перероб. и доп.] – Мн.: Харсвет, М. : АСТ, 2001. – 976 с.

135. Смирнов И. Н. Здоровье человека как философская проблема / И. Н. Смирнов // Вопросы философии – 1985 – №7 – С. 83–93.

136. Солонин Ю. Н. Практическая философия как предпосылка гражданского общества / Ю. Н. Солонин // Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции / под. ред В. В. Парцвания. Выпуск № 3 – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005 – С.419–435.

137. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 503 с.

138. Спиноза Б. Собрание сочинений: в 2 т. / Б. Спиноза – М. : Госполитиздат.– Т.1 – 1957 – 640 с.

139. Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2004. – №3. – С. 37–43.
140. Тарнас Р. История западного мышления / [Р. Тарнас; перевод Т. А. Азаркович] – М. : КРОН-ПРЕСС, 1995 – 448 с.
141. Филарет. Богословие и антропологические концепции XX века / Филарет // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / под. общ. ред. Б. Г. Юдина – М. : Прогресс-Традиция, 2007 – С. 104–115.
142. Философия естественных наук: [учеб. пособие / под. общ. ред. С. А. Лебедева]. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2006. – 560 с.
143. Философия тела / М. Н. Эпштейн. Тело свободы / Г. Л. Тульчинский – СПб. : Алетейя, 2006. – 432 с. – (Серия «Тела мысли»).
144. Философская энциклопедия: XX век. – М.: АСТ, 2001. – 1726 с.
145. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
146. Фролов И. Т. Избранные труды: в 3 т. / И. Т. Фролов. – М.: Наука, 2003. –.....– Т 3.: О человеке и гуманизме – 2003. – 789 с.
147. Фролов И. Социология и этика познания жизни и человека / И. Фролов // Природа. – 1982 – №9 – С.29–51.
148. Фромм Э. Вклад Маркса в познание человека / Э. Фромм // Философия и общество. – 1998. – № 3. – С. 234–250.
149. Фромм Э. Здоровое общество / Эрих Фромм; [пер. с англ. Т. Банкетовой]. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 539 с.
150. Хакен Г. Основные понятия синергетики / Г. Хакен // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 28 – 55.
151. Халапсис А. В. Ноосферология В. И. Вернадского / А. В. Халапсис // Философия и социология в контексте современной культуры: [сборник научных трудов]. – Днепропетровск: ДДУ, 1988 – 116 с.

152. Хейзенга Й. Homo ludens. Человек играющий: В тени завтрашнего дня. / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс, 1992–464 с.
153. Хен Ю. В. Проблема природы человека в современных геномных исследованиях // Философия природы сегодня / [пер. с пол. В. Л. Васюков]. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 425–437.
154. Хиценко В. Е. Несколько шагов к новой системной методологии / В. Е. Хиценко // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С.8–15.
155. Хоружий С. С. Контуры до-Кантова Человека / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2005. – №1. – С. 22–38.
156. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергетической антропологии / С. С. Хоружий // Философские науки. – 2008. – №1. – С. 10–31.
157. Цыбра Н. Ф. Самоутверждение личности. – К., 1989.
158. Чистяков А. В. Социализация личности в виртуальном пространстве / А. В. Чистяков. – Ростов н / Д. : Рост. ун-т, 2006. – 184 с.
159. Чумаков А. Н. Еще раз о гражданском обществе / А. Н. Чумаков // Вестник Российского философского общества. – М.: ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2009. – Выпуск №1 (49) – С. 8 – 12.
160. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1992 – 572 с.
161. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31 – 95.
162. Шляпентох В. Э. Социология для всех: некоторые проблемы, результаты, методы / В.Э. Шляпентох. – М.: Советская Россия, 1970. – 250 с.
163. Шпачинський І. Л. Творчий потенціал особистості і його реалізація в умовах трансформації суспільства: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09.00.03 «Соціальна філософія та філософія історії» / І. Л. Шпачинський. – Одеса, 2006. – 20 с.
164. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; [пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова.] – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

165. Энциклопедический словарь: в 2 т. / [гл. ред. Б. А. Введенский]. – М.: Гос. науч.изд-во «Большая Советская Энциклопедия», 1953-1955.

166. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – Зеленоград: Ладомир, 2004 – 384 с.

167. Юдин. Б. Г. От утопии к науке: конструирование человека / Б. Г. Юдин // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / [под общ. ред. Б. Г. Юдина]. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 8–29.

168. Юдовская А. Я. Эволюция права в государствах Европы и Америки (XVII – XIX вв.) / А. Я. Юдовская – СПб.: Спец. лит., 1996. – 164 с.

169. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. – Минск: ООО "Попурри", 1998 – 720 с.

170. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: [курс лекций для студентов] / В. А. Ядов. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с.

171. Якобсон Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985 – 370 с.

172. Ярославцева Е. И. Культурные проблемы сохранения здоровья человека как природного существа // Биология и культура. – М.:Канон+, 2004. – 528 с.

173. Ярославцева Е. И. Человек в перспективе сетевой парадигмы (синергетический подход) / Е. И. Ярославцева – М.: «Динтер», 2007. – 235 с.

174. Яскевич Я. С. Гражданское общество, национальная идея и идеология государства: формы взаимодействия / Я. С. Яскевич // Вестник Российского философского общества. – М.: ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2006. – Выпуск № 2 (38) – С.41 – 48.